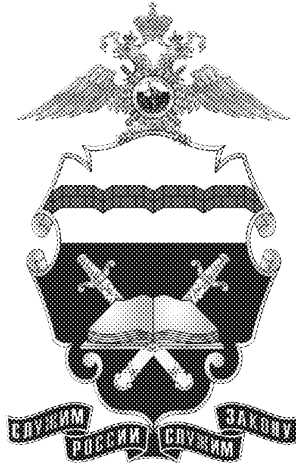

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<http://www.pressa-rf.ru>;
<http://www.akc.ru>

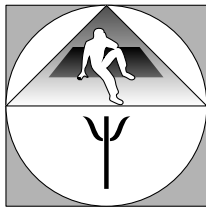

Научно-практический журнал

**Психопедагогика
в правоохранительных органах
Том 27
№ 3(90) июль – сентябрь 2022 г.**

Scientific practical journal

**Psychopedagogy in Law Enforcement
Volume 27
No 3(90) July – September 2022**

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Том 27, № 3(90) 2022

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: психологические науки, педагогические науки, юридические науки

Редакционная коллегия

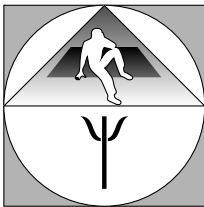
Г. Д. Бабушкин, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск) — *заместитель главного редактора*
М. И. Марьин, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет) — *заместитель главного редактора*
И. Ф. Андрущишин, д-р пед. наук, проф. (Казахская академия спорта и туризма, Алматы)
Л. Н. Антилогова, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Н. В. Астафьев, д-р пед. наук, проф. (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
В. И. Барко, д-р психол. наук, проф. (Харьковский национальный университет МВД Украины)
М. Блашкова, д-р психол. наук, проф. (Полицейская академия Чешской Республики)
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
В. В. Вахнина, д-р психол. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
В. В. Векленко, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт РАНХиГС, Санкт-Петербург)
И. А. Вишняков, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф. (Байкальский государственный университет, Иркутск)
Х. Х. Джейми, проф. военной психологии (Университет Англии Раскин, Великобритания)
Э. В. Зауторова, д-р пед. наук, проф. (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
Э. Р. Исхаков, д-р мед. наук, проф. (Уфимский юридический институт МВД России)
А. Карпава, д-р социальных наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
Т. Н. Кильмашкина, д-р юрид. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
М. П. Клейменов, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. И. Коваленко, д-р пед. наук, проф. (Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина)
В. В. Кожевников, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
И. О. Котенев, канд. психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
О. М. Красноярецова, д-р психол. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
В. Б. Куликов, д-р филос. наук, проф. (Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург)
И. Б. Лебедев, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Е. И. Мещерякова, д-р пед. наук, проф. (Воронежский юридический институт МВД России)
Е. А. Науменко, д-р психол. наук, проф. (Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск)
А. А. Нечепуренко, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
В. Е. Петров, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. Л. Подлиняев, д-р пед. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
Л. М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
Д. С. Рудьман, канд. юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Н. Н. Савина, д-р пед. наук, доц. (Новосибирский государственный университет)
Н. В. Сердюк, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
А. Н. Сухов, д-р психол. наук, проф. (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина)
П. Т. Тюрин, д-р психол. наук, проф. (Балтийская международная академия, Рига)
О. А. Ульянина, д-р юрид. наук, доц. (Российская академия образования, Москва)
А. Ю. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. Л. Цветков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) — *заместитель главного редактора*
В. В. Черный, д-р психол. наук, проф. (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь)
Д. В. Четверяков, д-р психол. наук, проф. (Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодниковой, Омск)

Г. С. Човдырова, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Ю. А. Шаранов, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
А. С. Шаров, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Е. П. Щербаков, д-р психол. наук, проф. (Омская гуманитарная академия)
М. С. Яницкий, д-р психол. наук, проф. (Кемеровский государственный университет)

Редакционный совет

В. Л. Кубышко, канд. пед. наук (МВД России, Москва) — *председатель редакционного совета*
В. М. Крук, д-р психол. наук, проф. (Главное управление по работе с личным составом МВД России, Москва) — *заместитель председателя редакционного совета*
А. Г. Абдуллин, д-р психол. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
К. Алдеш, д-р философии (Оборонный институт психол. исследований (ДИПР), организации оборонных исследований и разработок Министерства обороны, Индия)
М. В. Бавсун, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Т. Ю. Базаров, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Б. Б. Булатов, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
С. К. Буряков, канд. полит. наук (Омская академия МВД России)
Б. А. Вяткин, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
Г. Г. Гонсалес, д-р пед. наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
А. В. Гусев, д-р психол. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
В. А. Гусев, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
Б. Ю. Дерешко, канд. юрид. наук, доц. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва)
Ф. К. Зиннуров, д-р пед. наук, проф. (Казанский юридический институт МВД России)
А. Г. Караян, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
В. Н. Коновалов, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск)
А. Г. Маклаков, д-р психол. наук, проф. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)
С. Б. Малых, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
Н. А. Минжанов, д-р пед. наук, проф. (Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан)
М. Мэтью, д-р психологии, проф. коммуникации и психологии (Оксфордский университет, США)
А. Н. Пастушена, д-р психол. наук, проф. (Академия МВД Республики Беларусь, Минск)
Ю. Ф. Подлиняев, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. М. Поздняков, д-р психол. наук, проф. (Российский университет дружбы народов, Москва)
А. А. Реан, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Руван Джаятунге, врач по психическому здоровью в армии Шри-Ланки, психотерапевт (Онтарио, Канада)
В. Ю. Рыбников, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Санкт-Петербург)
Р. Х. Усманов, д-р полит. наук, проф. (Астраханский государственный университет)
С. Н. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Б. А. Федулов, д-р пед. наук, проф. (Барнаульский юридический институт МВД России)
Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Ян Инвэнь, д-р права (Чжэцзянская академия СМИ и коммуникаций, КНР)
В. М. Ялтонский, д-р мед. наук, проф. (Московский государственный медико-стоматологический университет)

Учредитель издания: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Главный редактор **А. Ф. Караваяев**. Редактирование, корректура **М. В. Виноградова**. Компьютерная правка и верстка **М. Ю. Чалкова**. Перевод, корректура **Ю. И. Алферова**. Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии): Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: +7-913-971-80-28, факс: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru, <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС 77-74589 от 24 декабря 2018 г. Выход в свет: 29.09.2022. Тираж 130 экз. Уч.-изд. л. 15,6. Усл. печ. л. 14,0. Заказ № 247. Цена свободная. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Омская академия МВД России, 2022

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 27, No 3(90) 2022

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Internet Subscription
<https://www.pressa-rrf.ru>
<https://www.akc.ru>

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, psychological sciences, pedagogical sciences

Editor-in-chief Aleksandr F. Karavaev — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

The Editorial Board

G. D. Babushkin, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor — *Assistant chief editor* (Omsk, Russia)
M. I. Mar'in, Doctor of Psychology, Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
I. F. Andrushchishin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Tyumen, Russia)
V. I. Barko, Doctor of Psychology, Professor (Kharkov, Ukraine)
M. Blashkova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Prague, Czech)
I. V. Vachkov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
V. V. Vahnina, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor (Irkutsk, Russia)
H. H. Jamie, professor of Military Psychology (Kambridge, Great Britain)
E. V. Zautorova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Ufa, Russia)
A. Kárpava, Doctor of Social Sciences, Associate-Professor (Granada, Spain)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kovalenko, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Belgorod, Russia)
V. V. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
I. O. Kotenev, Professor, Candidate of Psychological Sciences (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
V. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Professor (Yekaterinburg, Russia)
I. B. Lebedev, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
E. I. Mescheryakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)
E. A. Naumenko, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Yugra State University, Khanty-Mansiysk)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Psychological Sciences, Professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor (Tomsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Omsk, Russia)
N. N. Savina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate-professor (Novosibirsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Sukhov, Doctor of Psychology, Professor (Ryazan, Russia)
P. T. Tyurin, Doctor of Psychology, Professor (Riga, the Republic of Latvia)
O. A. Ulyanina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
A. Yu. Fedotov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
V. L. Tsvetkov, Doctor of Psychology, Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Simferopol, Russia)
D. V. Chetveryakov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
G. S. Chovdyrova, Doctor of Psychology, Doctor of Medical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
Yu. A. Sharanov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. S. Sharov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)

Ye. P. Shcherbakov, Doctor of Psychology, Professor — executive secretary (Omsk, Russia)

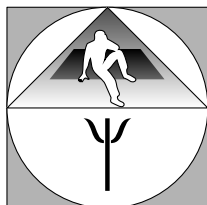
M. S. Yanitsky, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

The Editorial Council

V. L. Kubysko, Candidate of Pedagogical Sciences — *chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Sciences (Psychology), Professor — *Assistant chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
A. G. Abdullin, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Chelyabinsk, Russia)
K. Updesh, Ph. D. (New Delhi, India)
M. V. Bavsun, Doctor of Sciences (Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
N. A. Baturin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Chelyabinsk, Russia)
B. B. Bulatov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Sciences (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
G. G. González, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor (Granada, Spain)
A. V. Glazkov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Sciences (Law), Professor (Omsk, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
V. N. Konvalov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
A. G. Maklakov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
S. B. Malykh, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
M. Matthew, Doctor of Psychology, Professor of Communication and Psychology (New York, USA)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
Yu. F. Podlipnyak, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Professor, academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Ruwan Jayatunge, Mental Health Doctor in Sri Lanka Army, Psychotherapist (Ontario, Canada)
V. Yu. Rybnikov, Doctor of Psychology, Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
R. Kh. Usmanov, Doctor of Political Sciences, Professor (Astrakhan, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
N. V. Chekaleva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
Yang Yingwen, Doctor of Law (Zhejiang, China)
V. M. Yaltonsky, Doctor of Medical Science, Professor (Moscow, Russia)

Founder Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Editor-in-chief Karavaev A. F. Editor and Proofreading Vinogradova M. V. Desktop publishing Chalkova M. Yu. Translation and Proofreading Alferova Yu. I. Publisher, editorial office, graphic arts and express printing group address (printing house): Russia, 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian MIA. Tel.: +7-913-971-80-28, fax: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration entry PI No FS 77-74589 dated December 24, 2018. Issued: 29.09.2022. Circulation: 130. Published sheets 15,6. Conventional printed sheets: 14,0. Order No 247. Any use of publication's materials is possible only with reference to the journal. © Omsk Academy of the Russian MIA, 2022

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Том 27, № 3(90) 2022

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

Злоказов К. В., Караяни А. Г., Прокурова Н. С. Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны 246

Сарсенова А. А., Гончарова Н. А. Динамика показателей организационной лояльности обучающихся в образовательной организации МВД России 257

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Кузнецова Н. В., Аршинова В. В., Владимирова Н. М., Арпентьева М. Р. Человек путешествующий и цивилизационное наследие: трансформация идентичности в туризме 264

Ларионова М. А., Духновский С. В. Креативность профессионального мышления современного преподавателя вуза 275

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

Карпава А. Белорусская иммиграция и влияние пережитых кризисов на процесс интеграции в Испании 282

Рябков А. М., Степанова Е. С., Муслумов Р. Р. Особенности распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных 291

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Яницкий М. С., Серый А. В., Балабашук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира осужденных, находящихся в местах лишения свободы 298

Пруслова А. А. Ценностные отношения взрослых в психологическом консультировании 307

Орлов В. В. Закономерности в поведении лиц, осуществляющих вооруженные нападения на учебные учреждения 316

Алигаева Н. Н. Эмоциональные состояния осужденных в контексте понятия «временная перспектива» 326

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Тащёва А. И., Гриднева С. В., Меньшиков П. В., Арпентьева М. Р. Проблемы современной нейродидактики и инклюзивное образование. ... 334

Волосников И. В., Манылова С. В., Блудова И. Н. Использование учебных полигонов для обучения сотрудников полиции применению боевых приемов борьбы 343

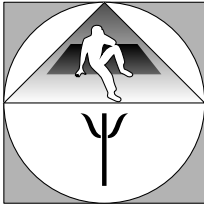
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Бахтеев Д. В. Предвзятость контекста как фактор восприятия информации в криминалистических ситуациях 348

Герасименко Ю. В. Новые формы предпринимательского конституционализма в Российской Федерации 354

Информация для авторов 359

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 27, No 2(89) 2022

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Internet Subscription
<https://www.pressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MORALLY-PSYCHOLOGICAL AND PROFESSIONAL TRAINING AND RELIABILITY

- Zlokazov K. V., Karayani A. G., Prokurova N. S.**
Radicalization of Youth Vision of the Role of Religion
in Society by Methods of Cognitive Warfare246
- Sarsenova A. A., Goncharova N. A.** Dynamics
of Values of Students' Organizational Commitment
in the Educational Organization of the Russian Ministry
of Internal Affairs.257

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF PERSONALITY FORMATION AND DEVELOPMENT

- Kuznetsova N. V., Arshinova V. V., Vladimirov N. M.,
Arpentieva M. R.** A Traveling Person
and Civilizational Heritage:
Transformation of Identity in Tourism264
- Larionova M. A., Dukhnovsky S. V.** Creativity
of Professional Thinking
of a Modern University Teacher275

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TENSION AND CONFLICTOLOGY

- Kárpava A.** Belarusian Immigration
and the Impact of Past Crises
on the Process of Integration in Spain.282
- Ryabkov A. M., Stepanova E. S., Muslumov R. R.**
Features of Spreading Criminal Subculture
among Juvenile Suspects, Accused and Convicts. ... 291

PSYCHO-CORRECTION AND REGULATION OF STATES

- Yanitsky M. S., Seriy A. V., Balabashchuk R. O.**
Chronotopic Characteristics of the Representation
of the World among Convicts
in Penitentiary Facilities298

- Prusova A. A.** Value Attitudes of Adults
in Psychological Counseling.307

- Orlov V. V.** Behaviour Patterns of Persons
who Commit Armed Attacks
on Educational Institutions. 316

- Aligaeva N. N.** Convicts' Emotional States within
the Concept of "Time Perspective" 326

PEDAGOGICAL SCIENCES

THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION

- Tashcheva A. I., Gridneva S. V., Menshikov P. V.,
Arpentieva M. R.** Problems of Modern
Neurodidactics and Inclusive Education. 334

- Volosnikov I. V., Manylova S. V., Bludova I. N.**
Use of Training Grounds to Teach Police Staff
Combat Techniques 343

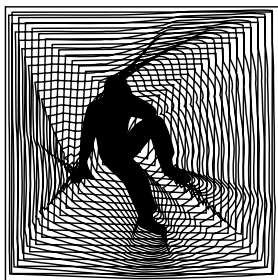
JURIDICAL SCIENCES

GENERAL THEORETICAL AND BRANCH-RELATED ISSUES OF JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

- Bakhteev D. V.** Context Bias as a Factor
in Perceiving Information
in Situations related to Criminalistics 348

- Gerasimenko Yu. V.** New Forms
of Entrepreneurial Constitutionalism
in the Russian Federation 354

- Information for authors** 360

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

Morally-psychological and professional training and reliability

Обзорная статья

УДК 159.99 © К. В. Злоказов, А. Г. Караяни, Н. С. Прокурова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-246-256

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны

Кирилл Витальевич Злоказов¹, кандидат психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела; zkirvit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

Александр Григорьевич Караяни¹, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации; karayani@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9586-9718>

Наталья Сергеевна Прокурова², доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка; vprokurov@mail.ru

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1, Россия

² Волгоградская академия МВД России, 400089, Волгоград, ул. Историческая, 130, Россия

Реферат

Введение. Анализ зарубежных публикаций показывает, что в последнее время в области информационно-психологического воздействия на различные категории населения особое внимание уделяется методам когнитивной войны. Когнитивная война нацелена на изменение мировоззрения населения страны в целях захвата государственной власти. Для активного противостояния системам государственного управления и правоохранительным органам субъекты когнитивной войны используют религиозные представления молодежи. При высокой общественной значимости проблемы она не подвергается систематическому изучению. Целью исследования выступил анализ изменений представлений молодежи Киргизии и Узбекистана о роли религии в обществе методами когнитивной войны. **Материалы и методы.** Использовались анализ психологической литературы, интернет-ресурсов, в которых раскрываются теоретические основания радикализации молодежи, теория и технологии когнитивной войны. Применялись две анкеты, выявляющие представление о роли религии в обществе и оценивающие взаимодействие с социальным окружением. Выборка включала 269 респондентов (киргизская часть — 134 человека (средний возраст=21,8 года, SD=4,61 года); узбекская часть — 135 человек (средний возраст=20,4 года, SD=2,36 года)). Выборки эквивалентны по полу, возрасту и образованию. **Результаты и обсуждение.** Методы когнитивной войны ведут к радикализации киргизской и узбекской молодежи, что выражается в росте клерикалистских и сакральных убеждений, религиозной ксенофобии. Радикализованная молодежь отличается меньшей контактностью и устойчивостью социальных связей, а их окружение однородно по своим ценностям и убеждениям. **Выводы.** Методы когнитивной войны оказывают существенное влияние на уровень религиозной радикализации киргизской и узбекской молодежи, придавая ее взглядам и убеждениям антигосударственную направленность. Особо уязвимой для деструктивного влияния является молодежь, для которой национальная идентичность тесно связана с религиозной.

Ключевые слова: когнитивная война; религиозные представления; радикализация; клерикализация; сакрализация; ксенофобия

Для цитирования: Злоказов К. В., Караяни А. Г., Прокурова Н. С. Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 246–256. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-246-256>

Review Article

UDC 159.99 © K. V. Zlokazov, A. G. Karayani, N. S. Prokurova, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-246-256

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Radicalization of Youth Vision of the Role of Religion in Society by Methods of Cognitive Warfare

Kirill V. Zlokazov¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor, Head of the Research Department; zkirvit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

Alexander G. Karayani¹, Doctor of Sciences (in Psychology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation; karayani@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9586-9718>

Natalya S. Proкурова², Doctor of Sciences (in Philology), Professor at the chair of Russian Language; vprokurov@mail.ru

¹ St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1 Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

² the Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 130, Istoricheskaya st., Volgograd, 400089, Russia

Abstract

Introduction. Analysis of foreign publications indicates that recently in the field of information and psychological impact on various categories of the population special attention has been paid to methods of cognitive warfare. Cognitive warfare is aimed at changing the worldview of the country's population in order to seize the state power. To counteract actively public administration systems and law enforcement agencies, the subjects of cognitive warfare employ religious ideas of youth. The problem being of great social importance, it has not been systematically explored. The aim of the present research is to analyze the changes in Kyrgyzstan and Uzbekistan youth visions of the role of religion in the society caused by methods of cognitive warfare. **Materials and Methods.** The analysis of psychological literature, Internet resources, which reveal the theoretical foundations of radicalization of youth, theory and technologies of cognitive warfare were used. Two questionnaires were employed, revealing the idea of the role of religion in society and evaluating interaction with the social environment. The sample included 269 respondents (the Kyrgyz part covered 134 people (average age = 21.8 years, SD=4.61 years), men made up 60.1%, the Uzbek part involved 135 people (average age = 20.4 years, SD= 2.36 years), men – 56.6%). The samples are equivalent in gender, age, and education. **Results and Discussion.** According to the study, the methods of cognitive warfare lead to the radicalization of Kyrgyz and Uzbek youth, which is expressed in the increased number of clerical and sacred beliefs, religious xenophobia. Radicalized youth is characterized by less sociability and stability of social connections, and their environment is homogeneous in its values and beliefs. **Conclusions.** Cognitive warfare methods have a significant impact on the level of religious radicalization of Kyrgyz and Uzbek youth, giving their views and beliefs an anti-state orientation. Young people, for whom national identity is closely linked to religious identity, are particularly vulnerable to destructive influence.

Keywords: cognitive warfare; religious beliefs; radicalization; clericalization; sacralization; xenophobia

Citation: Zlokazov K. V., Karayani A. G., Proкурова N. S. Radicalization of Youth Vision of the Role of Religion in Society by Methods of Cognitive Warfare. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 246–256. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-246-256>

Основные положения

1. Специфика технологий когнитивной войны состоит в том, что они нацеливаются на формирование у людей внутренних когнитивных механизмов переработки информации и регуляции социального поведения. При этом целью субъектов информационно-психологического воздействия является достижение такого сдвига в представлениях и установках людей, которые формируют у них мировоззрение и поведение, направленные против неудобной этим субъектам политической власти.

2. Одной из приоритетных мишеней когнитивных информационных технологий служит радикализация религиозных представлений молодежи как одного из самых сильных, ценностно и мотивационно насыщенных регуляторов человеческого поведения.

3. Модель религиозных представлений, подвергаемых искажению, разработанная на основе анализа деятельности экстремистских и террористических организаций Киргизии и Узбекистана, позволила выявить их отличие от представлений умеренно религиозной молодежи. Экстремистские организации насаждают комплекс убеждений о клерикализации, сакрализации и пробуждают у верующей молодежи ксенофобские настроения. Под их влиянием изменяются представления молодежи о социальном взаимодействии, уменьшается объем взаимодействия и фиксируется состав социального окружения, возрастает его гомогенность,

создаются условия для дальнейшего отграничения молодежи от общества, повышается зависимость от лидеров сообществ (групп), усиливается риск перехода от радикальных убеждений к экстремистским.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. За период 2019–2021 гг. в мире зафиксировано более двух десятков массовых акций, протестов, крупных массовых беспорядков. Они затронули Азию, Америку, Африку, Европу, в своем большинстве нацеливаясь на смену государственной власти. В ряде случаев в этих событиях принимали активное участие молодые люди с радикализированными религиозными представлениями.

Изучение научной литературы, посвященной анализу этих событий, позволяет констатировать, что в них достаточно широко использовались технологии когнитивной войны, направленной на формирование у людей внутренних когнитивных механизмов переработки информации и регуляции социального поведения. При этом целью субъектов информационно-психологического воздействия являлись направление религиозных представлений молодежи в сторону их радикализации и подталкивание к выступлениям против действующей политической власти.

Актуальная, теоретически и практически значимая задача профилактики радикализации религиозных представлений молодежи требует глубокого познания того, как информационно-психологическое воздей-

ствие влияет на когнитивные программы и социальное поведение молодых людей.

К сожалению, анализ сущности, методов и особенностей когнитивной войны, особенно в контексте ее применения к изменению религиозных установок молодежи в целях их радикализации, не нашел должного места в научно-психологических исследованиях. Специальных работ по данной проблеме практически нет.

В связи с этим считаем важным с научной и социальной точек зрения изучение того, как изменяются религиозные представления верующих вследствие целенаправленного информационно-психологического воздействия методами когнитивной войны экстремистских организаций и как в модифицированных религиозных представлениях отражаются отношения между светской и религиозной системами власти. Выявление этих взаимосвязей и стало *целью* нашего исследования. Достижение этой цели, с одной стороны, может способствовать более эффективному противодействию когнитивным технологиям воздействия на население, а с другой — внести вклад в понимание социально-психологических механизмов интеграции религиозных групп населения и их дезинтеграции с иными группами.

В статье обсуждаются результаты исследования религиозных представлений молодежи Кыргызской Республики и Республики Узбекистан. Выбор данных стран обусловлен сходством систем государственного управления, социально-экономического состояния и значения религии в жизни государства и общества, а также тем фактом, что они являются постоянными мишенями информационно-психологического воздействия со стороны внешних и внутренних субъектов когнитивной войны.

Теоретические предпосылки и обзор исследований. Как отмечают исследователи, в когнитивной войне главным полем битвы становится человеческий разум. Ее цель состоит в том, чтобы изменить не только то, что люди думают, но и то, как они думают и действуют [1]. Успешно осуществляемая когнитивная война «формирует и влияет на индивидуальные и групповые убеждения и поведение в интересах тактических или стратегических целей агрессора. В своей крайней форме она может привести к расколу и фрагментации всего общества, так что у нее больше не будет коллективной воли противостоять намерениям противника» [2].

Полагается, что изменение представлений, ценностей и установок населения является более эффективным способом захвата страны, чем вооруженная агрессия, поскольку он не требует от субъектов когнитивных войн больших расходов на вооружение, боевую технику, всестороннее обеспечение армии, не приводит к экономическому или социальному разрушению страны-жертвы и, наконец, способствует надежному контролю над населением. В отличие от психологических операций (PsyOps) [3], позиционируемых в каче-

стве дополнения к вооруженному противоборству государств, когнитивная война мыслится альтернативным и самостоятельным видом военных действий.

Цели когнитивной войны могут быть ограниченными (с короткими временными горизонтами) или стратегическими (с кампаниями, проводимыми в течение десятилетий), сосредоточиваться на ограниченной цели (предотвращение проведения военных маневров, принудительное изменение конкретной государственной политики) или включать несколько последовательных кампаний с долгосрочной целью разрушить целые общества или союзы, посеяв сомнения в управлении, подорвав демократические процессы, спровоцировав гражданские беспорядки или побудив сепаратистские движения.

Средствами когнитивной войны выступают информационно-психологические технологии воздействия [4], нацеленные на достижение нужного субъекту-агрессору мировоззрения и поведения населения [5], и осуществление «влияния на общественное и государственное управление, дестабилизацию общественных институтов» [6]. Однако, в отличие от психологических войн, в когнитивной войне информационные технологии направляются не только на инициацию у населения внимания, интереса, желаемых эмоций, установок и нужного поведения, а в большей степени на создание устойчивых паттернов восприятия и запоминания информации, мышления и способа принятия решений, т. е. своеобразного когнитивного стиля или метапрограммы. Сформированный когнитивный стиль (метапрограмма) в дальнейшем будет функционировать как сортирующее устройство, регулирующее восприятие, отбор, обработку и запечатление воздействующих стимулов.

Изучение отмеченных выше массовых акций позволяет констатировать, что они в большинстве случаев разворачиваются по общей когнитивно-тактической схеме. Информационное воздействие нацеливается на актуализацию у населения страны представлений о нерешенных насущных политических, социокультурных, экономических проблемах общества. Параллельно культивируется убеждение о неспособности институтов власти обеспечить их решение вследствие приписываемой пассивности, некомпетентности и коррумпированности. Одновременно продвигается идея о необходимости захвата власти силами, «способными» решить существующие проблемы.

Формирование такой когнитивной метапрограммы ведет к манипуляции социальными представлениями, вербовке граждан в маргинальные группировки, провоцированию конфликтов с властью и правоохранительными органами, захвату органов государственной и муниципальной власти и т. д.

Другим примером применения методов когнитивной войны выступает деятельность религиозных террористических организаций на территории стран Ближне-

го Востока. За счет контроля средств распространения информации (интернет-, теле-, радиовещания, издания газет и листовок), публичных выступлений, в том числе обеспечения распространения слухов, ими организуется плотное информационное пространство. Применение мультимедийных технологий создания видеофрагментов и поликодовых текстов с высоким уровнем визуализации позволяет достигать высокой скорости распространения материалов в информационных сетях [7]. Посредством сконструированных нарративов у аудитории формируется и поддерживается целостный комплекс представлений о необходимости поддержки террористических организаций, насилия по отношению к неверующим, самопожертвования.

Следует отметить, что указанные методы не в полной мере отражают стратегию когнитивной войны в части изменения религиозных представлений. Здесь широко применяются технологии манипуляции религиозными представлениями, которые рассматриваются в концепции *soft-power*, предложенной J. S. Nye [8]. Привлечение религиозных лидеров к антигосударственным выступлениям относится к числу ключевых факторов, способствующих быстрой деконструкции правящего режима [9]. Вместе с тем неясными выступают условия, при которых радикализация верующих достигает состояния, обеспечивающего подобные результаты.

Например, анализ протестных выступлений населения разных стран мира показывает, что индивидуальные религиозные убеждения населения снижают уровень протестной активности, однако привлечение религиозных лидеров, напротив, усиливает антиправительственные выступления [10]. Изучение политических убеждений жителей Ирана свидетельствует о том, что мотивация к политическим преобразованиям сильнее выражена у исламских верующих, нежели у других категорий верующих или неверующих [11]. Стоит согласиться с мнением Y. Akbabbа о том, что влияние религии и религиозных лидеров на антигосударственные убеждения населения следует рассматривать через призму социально-экономических, образовательных, политических факторов, присущих конкретным странам [12].

Известно, что религиозные власти в ряде стран участвуют в культурной, правовой и социальной жизни общества на локальном уровне. Будучи интегрированными в сообщества жителей городов и сел, религиозные деятели вовлечены в осуществление функций местного самоуправления, представляя интересы жителей в органах и институтах государственного управления.

Несмотря на то что религиозная власть поддерживает светскую, находясь в состоянии оппозиции к ней, первая способна создать предпосылки для антигосударственных выступлений населения. Поскольку религиозные представления населения не лишены противоречий, их искусственное акцентирование

может способствовать достижению целей субъекта когнитивной войны по разжиганию вражды и розни между верующими и неверующими.

Не случайно в нормативных документах США, регулирующих различные виды информационно-психологического воздействия на население и войска противника, религии отводится роль одного из самых мощных информационных фильтров, способных модифицировать любую информацию. Подчеркивается, что все культуры имеют ту или иную форму религии, которая влияет на их политическую, экономическую и социальную системы. При этом восприятие целевой аудиторией любой линии убеждения может быть критически отфильтровано их религиозными убеждениями. Изучение влияния религии на целевую аудиторию критически важно для анализа, поскольку оно потенциально может повлиять на аспекты жизни человека [13]. В связи с этим специалисты в области информационно-психологического воздействия глубоко исследует культуру, язык, религию, ценности и особенности мышления целевых аудиторий в стране или регионе операций [14].

Анализ состояния изучаемой проблемы в Киргизии и Узбекистане показывает, что религиозные верования и убеждения населения, религиозные объекты и традиции, как правило, находятся под защитой государства и прямо связываны с возможностями дестабилизации социальной ситуации [15]. Несмотря на формальное разграничение политико-государственной и религиозной сфер, контроль деятельности религиозных структур является важным условием национальной безопасности Киргизии и Узбекистана. При этом в обеих странах реализуется государственная политика в отношении религии, проявляющаяся в регулировании деятельности религиозных объединений. Ее целями выступает поддержка религиозных объединений наряду с мониторингом их деятельности, направленным на пресечение противоправного воздействия на верующих. Как следствие, в Киргизской Республике к настоящему времени запрещена деятельность 21 религиозной организации, а в Республике Узбекистан — 40.

Вместе с тем социологические опросы, а также мнения экспертов демонстрируют обеспокоенность населения этих стран угрозой распространения религиозного экстремизма и терроризма [16]. Анализ деятельности экстремистских организаций на территории данных государств показывает, что содержание информационного воздействия на население может быть сведено к трем основным направлениям — клерикализации, сакрализации и религиозной ксенофобии.

Клерикализация — распространение мнения о необходимости усиления роли религии в обществе и государстве. Верующих убеждают в том, что религиозные институты могут усовершенствовать или даже полностью заменить государственные институты. Как

правило, речь идет об образовании, здравоохранении, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Так, в 2017 г. в Киргизии была пресечена деятельность движения «Йакин Инкар», запрещавшего посещение детьми школ, убеждавшего отказываться от прививок¹. В первый период распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) ряд религиозных общин Киргизии и Узбекистана пропагандировал хиджаму (мусульманскую методику лечения посредством кровопускания)². Клерикализация по отношению к правоохранительной и правоприменительной функциям государства выражается в призывах не соблюдать существующие законы, а действовать на основе религиозных норм. Такие призывы наиболее присущи экстремистским и террористическим организациям, поскольку сочетаются с антигосударственной деятельностью.

Сакрализация — идея о признании религиозного образа жизни важной, отличительной чертой мусульманина. Пропаганда сакрализации формирует убеждение в том, что только религиозные люди несут ответственность за благополучие общества. В результате возникает представление о том, что религиозная молодежь обладает большей социальной ценностью, нежели их менее религиозные сверстники, а также появляется основание для призывов к адептам к совершению незаконных действий. Так, искажая сущность понятий «хиджрат» и «джихад», представители террористических организаций убеждают узбекскую молодежь участвовать в боевых действиях на территории Сирии³.

Стратегия сакрализации активно осуществляется представителями «псевдорелигий», поскольку способствует, с одной стороны, искусственному повышению значимости нелегального религиозного объединения, а с другой — отделяет адептов религии от общества, возводит барьеры общению между ними и родственниками, друзьями.

Ксенофобия как неприязнь и страх ко всему чужому развивается здесь до идеи о вредоносном влиянии государства на религию. Неофициальные религиозные лидеры убеждают адептов в том, что религия находится под угрозой со стороны государства, а верующие могут подвергнуться преследованию. Для формирования ксенофобских убеждений используются указания на искажение догм, религиозных традиций и ритуалов под влиянием государства, регулирование деятельности религиозных обществ, в том числе ограничение собраний и встреч верующих, конфликты между офи-

циальными религиозными деятелями и лидерами религиозных общин и пр. Цель формирования подобных представлений — обоснование необходимости защищать религию от посягательств любыми средствами, вплоть до насилия, мотивация верующих к противоправным действиям. Поскольку ксенофобия является одной из неотъемлемых установок экстремистов, то ее формирование выступает одной из тактических задач по развитию экстремистских настроений в обществе, что влечет повышение уровня его конфликтности.

Рассмотренные направления описаны в контексте деятельности религиозных экстремистских группировок, использующих методы когнитивной войны. Продвижение экстремистских идей среди киргизской и узбекской молодежи порождает комплекс соответствующих когнитивных структур (представлений, установок, программ и т. д.) в сознании молодых людей. В результате воздействия не только формируется религиозное мировоззрение, но и специфическое отношение к окружающим людям, обществу и государству. Можно заключить, что в экстремистской интерпретации радикализация молодежи способствует ее криминализации, настраивая на противодействие правоохранительным органам, институтам государственной власти. Данное воздействие носит дезорганизующий характер для общества и деструктивный — для государства, поскольку ухудшает взаимопонимание и поощряет социальные конфликты, обосновывает преступное поведение.

Из сказанного видно, что в когнитивных войнах религии, религиозные убеждения людей и сами верующие будут использованы, по крайней мере, в трех ипостасях: 1) как непосредственные мишени, 2) как мощные модификаторы информационно-психологического воздействия на отдельных людей, социальные группы и гражданскую власть, 3) как мотивационно-ценностные усилители воздействия.

Материалы и методы

Уровень религиозных представлений молодежи оценивается в двух экспериментальных группах: 1) в группе правопослушных граждан Узбекистана и Киргизии и 2) лиц, состоящих на учете в правоохранительных органах в связи с распространением экстремистской идеологии в этих странах. На основе сопоставления их взглядов формулируются выводы о направленности и последствиях целенаправленных психологических воздействий в рамках когнитивной войны.

¹ Суд запретил деятельность течения «Йакин инкар». URL: <https://rus.azattyk.org/a/28625354.html> (дата обращения: 03.01.2022).

² Хиджамы не избавляет от COVID-19 и пневмонии // Минздрав Киргизской Республики. URL: <https://ru.sputnik.kg/20200716/minzdrav-hidzhama-koronavirus-pnevmoniya-opasnost-1049027768.html> (дата обращения: 03.01.2022).

³ В городе Ташкенте и Ташкентской области выявлены и задержаны члены международной террористической организации // Министерство внутренних дел Республики Узбекистан. URL: <https://iiv.uz/ru/news/toshkent-shahri-va-toshkent-viloyati-hududida-xalqaro-terrorchilik-tashkiloti-azolari-aniqlanib-qolga-olindi> (дата обращения: 03.01.2022).

Цель эмпирического исследования — изучение комплекса представлений о клерикализации, сакрализации и ксенофобии в среде киргизской и узбекской молодежи.

В исследовании проверяются две **гипотезы**:

1. Молодежи, подверженной радикальным воздействиям, свойственны убежденность в необходимости клерикализации, существовании сакрализации и религиозная ксенофобия.

2. Сформированные радикальные религиозные убеждения регламентируют социальное взаимодействие.

Методы исследования. Сбор данных осуществлялся методом стандартизированного самоотчета (опросника). Применялась анкета «Религиозная радикализация», специально разработанная для проведения исследования. Она включает 15 пунктов, сгруппированных в три шкалы: «Клерикализация», «Сакрализация», «Религиозная ксенофобия». Содержание пунктов описывает представление о роли и месте религии в общественной жизни, а также отношение к ней со стороны опрошенных.

Регистрация мнений обследуемых проводилась с помощью пятибалльной шкалы Лайкерта. Проверка связей и внутренней согласованности пунктов продемонстрировала приемлемые значения ($n=269$, шкала «Клерикализация»: α -Кронбаха=0,71, корреляция между пунктами=0,41; шкала «Сакрализация»: α -Кронбаха=0,77, корреляция между пунктами=0,39; шкала «Религиозная ксенофобия»: α -Кронбаха=0,79, корреляция между пунктами=0,41). В исследовании использовались три показателя, соответствующие шкалам анкеты, их средние значения и стандартные отклонения в группах умеренно религиозных и радикально религиозных участников.

Использовалась также анкета, измеряющая взаимодействие молодежи с социальным окружением. Цель анкеты — параметризация отношений субъекта с людьми, составляющими круг его повседневного общения, определение возможностей, которыми он способен обладать благодаря тесным и устойчивым связям с окружающими, равно как и трудностей, вызванных недостаточным либо слабым взаимодействием с окружающими людьми.

Ранее анкета применялась для изучения социального окружения несовершеннолетних преступников, бездомных, продемонстрировав достаточную точность репрезентации параметров социального взаимодействия [17]. Структурно анкета включает пять утверждений, снабженных шкалой Лайкерта. В исследовании использовались показатели объема (числа взаимодействующих лиц), стабильности взаимодействия, гомогенность (сходство) людей, образующих социальное окружение, барьеры взаимодействия с ними, референтность социального окружения.

Методом тестирования гипотезы выступил Н-критерий Краскалла-Уоллиса, дополненный тестом оценки мощности (e^2). Выбор критерия обусловлен невозможностью применения многофакторного дисперсионного анализа вследствие несоответствия показателей религиозных установок нормальному закону распределения, наличием нескольких уровней сопоставляемых переменных. Оценка параметров распределения выполнялась тестом Шапиро-Уилкса, гомогенность различий групп оценивалась тестом Ливена. Статистический анализ выполнялся в программе SPSS for Windows.

Эмпирическое исследование было организовано на основе *квазиэкспериментальной стратегии*. Для этого была специальным образом собрана выборка исследования, различающаяся по уровню религиозности участников. Выделены подгруппы радикально-религиозных и умеренно религиозных участников, измерены религиозные убеждения и представления о социальном взаимодействии. Тестирование гипотез выполнялось путем сопоставления показателей, измеренных в группах радикально и умеренно религиозных участников. Дополнительно оценивалось влияние факторов национальности и пола.

Выборка исследования состояла из киргизской и узбекской молодежи. Киргизская часть выборки включала 134 человека (средний возраст=21,8 года, $SD=4,61$ года), из них 60,1% мужчин. Узбекская часть выборки состояла из 135 человек (средний возраст=20,4 года, $SD=2,36$ года), из них 56,6% мужчин. Выборки эквивалентны по полу и культурному уровню участников. Все обследованные владели русским языком. Дополнительно участники каждой из выборок разделены по критерию радикализации религиозных представлений. Основанием выступают сведения об участии в религиозных радикальных группах, полученные от правоохранительных органов стран Содружества Независимых Государств. Доля таких участников составляет для киргизской выборки 29 человек, узбекской — 28 человек.

Результаты и обсуждение

Описание результатов исследования приводится в соответствии с поставленными гипотезами.

Тестирование первой гипотезы показало, что установки «Клерикализация», «Сакрализация» и «Религиозная ксенофобия» различаются в группах умеренно и радикально религиозных участников (табл. 1).

Следует отметить, что факторы национальности и пола не обнаружили статистически значимого влияния на представления участников групп о роли религии в общественной жизни. Проверка проводилась путем попарного сопоставления умеренно религиозных, затем радикально религиозных групп киргизской и узбекской молодежи.

Таблица 1. Влияние радикализации на представления молодежи о роли и месте религии в общественной жизни (Table 1. Radicalization Influence on Youth Vision of the Role of Religion in Social Life)

Представления о роли религии в общественной жизни	Уровень религиозности				Статистические различия групп	
	Умеренный, n=212		Радикальный, n=57		с2	e2
	Mx	SD	Mx	SD		
1. Клерикализация	17,1	4,53	11,5	3,22	62,4, p<0,01	0,23
2. Сакрализация	16,0	4,95	11,0	3,65	43,6 p<0,01	0,16
3. Религиозная ксенофобия	13,4	4,62	10,5	3,19	19,6 p<0,01	0,07

Примечание. Здесь и в следующей таблице: с2 — критерий различий групп, e2 — показатель мощности (силы) эффекта.

Тестирование второй гипотезы продемонстрировало различия отдельных характеристик социального взаимодействия в группах умеренно и радикально религиозных участников (табл. 2).

Таблица 2. Влияние религиозной радикализации на социальное взаимодействие молодежи (Table 2. Influence of Religious Radicalization on Youth Social Interaction)

Параметры взаимодействия молодежи с социальным окружением	Уровень религиозности		Статистические различия групп	
	Умеренный, n=212	Радикальный, n=57	χ ²	ε ²
1. Объем взаимодействия лиц, групп	5–9 человек, 3–5 групп	3–5 человек, 1–2 группы	11,42, p<0,002	0,04
2. Устойчивость взаимодействия	Средняя	Высокая	35,18, p<0,01	0,14
3. Барьеры взаимодействия	Средние значения	Средние значения	Различия не выявлены	
4. Гомогенность социального окружения	Средняя	Высокая	12,75, p<0,001	0,04
5. Референтность социального окружения	Средняя	Средняя	Различия не выявлены	

Интерпретация результатов исследования.

В эмпирическом исследовании проверялось предположение о том, что радикализация по религиозному типу формирует специфические убеждения молодежи. Полученные результаты подтвердили его, расширив научные представления о влиянии религиозных экстремистских сообществ на мировоззрение молодежи.

Во-первых, установлено, что у киргизской и узбекской молодежи, поддерживающей радикальные религиозные идеи, выражены клерикалистские убеждения. Считая религию основанием социальной жизни, они не только разделяют мнение о первичности религии над законом, культурой, но и видят в религии единственную возможность реконструкции общества. Важно подчеркнуть, что статистический эффект (e2=0,23) достаточно сильный [18]. Это позволяет считать выявленный факт одним из значимых признаков радикальной религиозной пропаганды. Противопоставление религии институтам светской власти соответствует стратегии «духовного лидерства», использовавшей-

ся в ряде стран Ближнего Востока для обоснования легитимности вмешательства религиозных лидеров в общественные, политические и иные процессы [19]. Однако, оценивая контекст идеологического воздействия на молодежь Киргизии и Узбекистана, целесообразно предположить, что клерикализация направлена на повышение уровня недовольства молодежи существующими проблемами и действиями властей по их преодолению.

Во-вторых, важной характеристикой обследованной нами радикализованной молодежи Киргизии и Узбекистана выступает убежденность в сакральности последователей ислама. Эта установка статистически отличает их от умеренно религиозных сверстников, что свидетельствует об измененном отношении к верующим и, что немаловажно, их социальной значимости. На их взгляд, именно верующие несут ответственность за судьбу общества, являясь примером для неверующих и их жизненный путь более правильный, чем у неверующих. Таким образом, под влиянием этой установки у молодежи завышается образ верующих и обесцениваются неверующие, изменяется система категорий, применяемых для восприятия и оценки других людей, групп и общества. Иллюзия исключительности верующих легитимизирует низкую социальную ценность людей, разделяющих другие вероисповедания либо совсем неверующих. Это создает возможность реализации по отношению к последним деструктивных форм поведения.

В-третьих, существенным фактом выступает высокий уровень религиозной ксенофобии, характерный для молодежи с радикальными убеждениями. Этот факт не является новым, поскольку тесная связь ксенофобии с радикализацией неоднократно обсуждалась исследователями. Она трактовалась как индивидуально-психологическая предрасположенность подростков и молодежи к экстремизму [20], описывалась как свойство участников экстремистских сообществ [21], как неотъемлемая часть экстремистской и террористической идеологии [22]. Соглашаясь с тем, что процессы радикализации существенно различаются на индивидуальном, групповом и социальном уровнях, мы все же отметим, что ксенофобия имеет системное значение, по-разному проявляющееся, но выполняющее функцию инициации экстремистского поведения. Анализируя проявление религиозной ксенофобии в обследованной выборке, обратим внимание на то, что она находит выражение в представлении об угрозах религии, необходимости защищать ее от внутренних (искажающих, нарушающих) и внешних (запрещающих, преследующих) врагов. Подобная модель распространения ксенофобии характерна для экстремистских организаций, действующих на территории Ближнего Востока [23; 24].

Результаты в целом подтверждают состоятельность теоретического предположения о возможности

радикализации молодежи посредством искажения их представлений о роли религии в обществе. Данный механизм отличается от описанных в научной литературе концепций, отсылающих к трудностям в самоидентификации, социальному отчуждению, депривации потребностей как причин радикализации [25]. Концепции разработаны и верифицированы на группах сирийских мигрантов и беженцев, нашедших убежище в странах Европы и, как правило, испытывающих трудности с социально-психологической адаптацией [26].

Тестируемая нами модель измеряет и оценивает риски радикализации молодежи, исповедующей титульную религию страны. Психологическими предпосылками, обуславливающими радикальные настроения, выступают осознание ответственности за собственную страну, стремление защитить ее культуру и религию. Эти проявления присущи патриотически и националистически настроенной молодежи, составляющей, как правило, подавляющее большинство молодого населения страны.

Предлагаемая нами модель дополняет модели, базирующиеся на идее о предрасположенности к радикализации лиц, обладающих дискретным, противоречивым или неразвитым представлением о себе [27]. В них процесс радикализации обусловлен потребностью молодежи в упрочнении и прояснении представления о себе [28]. Эта потребность удовлетворяется путем присоединения к социальным группам (сообществам), поддерживающим убежденность в социальной ценности и полезности, конструирующим новую социальную идентичность. Поскольку радикальные сообщества используют это стремление молодежи к самоопределению, поиску жизненного пути, они без труда убеждают молодежь следовать экстремистским идеям.

Наше исследование показало, что к идеям клерикализации, сакрализации и ксенофобии более восприимчива киргизская и узбекская молодежь, обладающая целостным и ясным представлением о себе. Религия для них является одним из важных элементов идентификации собственной принадлежности к нации и культуре своей страны, лежит в основе морали их взаимоотношений, правил и ритуалов взаимодействия. Религиозные нарративы стандартизируют отношения с окружающими, выступают основанием для понимания окружающего мира, оценки поведения других людей и самопознания. Влияние религии на молодежь выходит за пределы духовной сферы в область самоопределения и социальной идентификации. Она формирует одну из «осей» своеобразной мировоззренческой системы координат, закладывая основу оценки себя, других людей, событий, общества в целом [29]. Этим объясняются высокая ценность религии и стремление респондентов выступить на ее защиту, о чем свидетельствуют результаты исследования.

Итак, описанная модель религиозной радикализации не соответствует моделям «слабой» и «размытой» идентичности, представленным в работах зарубежных авторов, что развивает представления о подверженности экстремистским взглядам различных категорий населения, а также показывает возможные способы радикализирующего воздействия на него. Воздействие на религиозные представления может оказать синергетический эффект на развитие экстремистских настроений данной патриотически настроенной молодежи [30].

Подтверждая связь между религиозными представлениями молодежи и социально-политическими настроениями, выполненное исследование показывает, что для молодежи с радикальными религиозными представлениями характерен консервативный взгляд на социально-политические отношения в обществе. К сходным выводам приходит и О. А. Сычев с соавторами, показывая, что признание за религией способности интегрироваться в институты государственной власти присуще молодежи, не считающей необходимым внесения изменений в социально-экономическую и политическую жизнь страны [31]. Однако вместе с консерватизмом у данной молодежи формируются убеждения о социальной бесполезности неверующих, сопровождающиеся превознесением верующих и их значения для страны и общества. Эта установка потенциально закладывает основания для конфликта между верующими, принадлежащими одной конфессии, и другими верующими, а равно и неверующими. Проблема социального конфликта видится в том, что его идейную основу образует религиозная догматика, опирающаяся в большей степени на иррациональные убеждения и верования, нежели рациональные доводы. Кроме того, представление о сакральности верующих способствует формированию представлений об аморальности инаковерующих и неверующих, их опасности для религии и верующих. Можно заключить, что убеждение о сакрализации обладает столь же деструктивным воздействием на общественные отношения, как и религиозная ксенофобия.

Рассмотрев социально-психологические последствия распространения клерикалистских и сакральных убеждений, можно сделать вывод о социальной опасности их стимулирования в обществе, влиянии на процессы радикализации. Учитывая, что наиболее интенсивно они распространяются в интернет-сообществах и социальных сетях, целесообразно согласиться с А. Д. Тихоновой в необходимости углубленного изучения влияния, оказываемого цифровой средой на религиозную радикализацию молодежи [32].

Подчеркнем специфику взаимодействия молодежи с социальным окружением. Анализ показал, что радикализованной молодежи присущи малый объем социальных контактов и стабильность социального окружения. Эта особенность характерна как для кир-

гизской, так и для узбекской молодежи, и она не имеет различий по полу. Еще одним важным обстоятельством выступает высокая гомогенность социального окружения радикализованной молодежи, что свидетельствует о сходстве целей, ценностей и убеждений участников религиозных общин при постоянстве их состава. С учетом имеющихся сведений об организации радикальных религиозных сообществ можно полагать, что данные факты еще раз указывают на их информационную замкнутость, непроницаемость для внешнего воздействия. Как следствие, внутри подобных групп создаются условия для дальнейшей радикализации, не исключая формирование экстремистских убеждений и подготовку к совершению террористических актов.

Обобщение полученных в исследовании эмпирических и теоретических результатов позволяет констатировать, что религиозная радикализация является одним из факторов, угрожающих безопасности рассмотренных стран. Информационное воздействие на молодежь этих стран, оказанное в рамках когнитивной войны, может исказить представления о роли и значении религии в жизни общества, сформировать радикальные убеждения антигосударственной и антиобщественной направленности.

Завершая, отметим, что манипуляции с религиозными убеждениями, представлениями и ценностями могут способствовать радикализации молодежи, а с учетом высокой чувствительности к религии, ее существенного значения выступить одним из факторов антиобщественной и антигосударственной активности.

Выводы

Выполненное исследование было нацелено на изучение представлений молодежи о роли религии в обществе и государстве. Установлено, что религиозные убеждения верующих могут быть использованы для противоборства с системами государственного управления светской власти. На основе анализа деятельности экстремистских и террористических организаций, действующих в Киргизской Республике и Республике Узбекистан, была разработана модель религиозных представлений, подвергаемых искажению. Изучение данных представлений у молодежи со сформированными радикальными религиозными взглядами выявило отличия от умеренно религиозной

молодежи. Полученные результаты показывают, что экстремистские организации насаждают комплекс убеждений о клерикализации, сакрализации и пробуждают у верующей молодежи ксенофобские настроения. Под их влиянием изменяются представления молодежи о социальном взаимодействии, уменьшается объем взаимодействия с социальным окружением, стабилизируется состав последнего, возрастает его гомогенность. Как следствие, создаются условия для дальнейшего отграничения молодежи от общества, повышается зависимость от лидеров сообществ (групп), усиливается риск перехода от радикальных убеждений к экстремистским.

Существенное значение религии для социальной жизни и мировоззрения молодежи обосновывает важность государственной защиты религии. Целесообразными являются меры по контролю деятельности религиозных организаций в части взаимодействия с населением и распространения информации. Актуальным направлением выступают разработка образовательных стандартов подготовки специалистов для ведения религиозной пропагандистской деятельности, религиозно-общественная аккредитация существующих образовательных организаций. Вместе с тем необходимо активно использовать современные когнитивные технологии для формирования у молодежи таких когнитивных стилей (метапрограмм) работы с информацией, которые позволили бы ей избегать радикализации.

С этой целью должен быть разработан механизм, снижающий риск манипуляции религиозными представлениями и убеждениями молодежи.

В условиях развития нелетальных концепций военных действий, возникновения парадигмы когнитивной войны деятельность радикальных религиозных сообществ в государствах, обладающих сильным социокультурным и мировоззренческим влиянием религии на население, нуждается в дополнительном контроле.

Перспективы. Данная статья не является исчерпывающим и всесторонним анализом особенностей влияния методов когнитивной войны на установки и убеждения людей. Она, скорее, актуализирует эту важнейшую проблему, приглашая исследователей к ее всестороннему анализу и обсуждению.

Список источников

1. Cluzel F. Du Cognitive Warfare. Innovation Hub. 2020. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210113_CW%20Final20v220.pdf (дата обращения: 18.01.2022).
2. Cao K., et al. Countering cognitive warfare: awareness and resilience. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (дата обращения: 18.01.2022).
3. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1(41). С. 3–14. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0101>.
4. Clavier B., Cluzel F. Du. Cognitive Warfare: The Advent of the Concept of "Cognitics" in the Field of Warfare. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance, NATO Collaboration Support Office, 2022. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635889> (дата обращения: 15.01.2022).

5. Backes O., Swab A. Cognitive Warfare. The Russian Threat to Election Integrity in the Baltic States. Belfer Center for Science and International Affairs, 2019.
6. Bernal A. et al. Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought. 2020. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (дата обращения: 19.01.2022).
7. Schleifer R. Psyoping Hezbollah: The Israeli Psychological Warfare Campaign During the 2006 Lebanon War. *Terrorism and Political Violence*. 2009. Vol. 21. Pp. 221–238.
8. Nye J. S. Soft power: The means to success in world politics. Cambridge, MA: Public Affairs, 2004.
9. Steiner S. Religious Soft Power as Accountability Mechanism for Power in World Politics: The Inter Faith Leaders' Summit(s). *SAGE Open*, 2011. <https://doi.org/10.1177/2158244011428085>.
10. Arikan G., Bloom P. B.-N. Religion and Political Protest: A Cross-Country Analysis. *Comparative Political Studies*. 2019. Vol. 52. Pp. 246–276. <https://doi.org/10.1177/0010414018774351>.
11. Tezcur M.G., Azadarmaki T. Religiosity and Islamic rule in Iran. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2008. № 47. Pp. 211–224.
12. Akbabba Y., Fox J. Societal Rather than Governmental Change: Religious Discrimination in Muslim-Majority Countries after the Arab Uprisings. *All Azimuth*, 2018. <https://doi.org/10.20991/allazimuth.424929>.
13. Field Manual. Psychological Operations: Tactics, Techniques, and Procedures (FM 3-05.301; FM 33-1-1; MCRP 3-40.6A). Washington, 2003.
14. Field Manual. Psychological Operations (FM 3-05.30; MCRP 3-40.6). Washington, 2005.
15. Аллаhverдян Я. О., Бозачев М. И., Шмидт В. В., Элбакян Е. С. Религиоведение в контексте национальной безопасности // Государственная служба. 2019. № 2. С. 108–118.
16. Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве. М., 2017. 80 с.
17. Злоказов К. В., Ильянова Е. И., Рожков А. А. Влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления несовершеннолетними // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 15–26. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).15-26](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).15-26).
18. Tomczak A., Tomczak E. The need to report effect size estimates revisited. An overview of some recommended measures of effect size. *Trends in Sport Science*. 2014. Vol. 1. Pp. 19–25.
19. Henne S. P., Hudgins H., Shah T. Religious Freedom and Violent Religious Extremism: A Sourcebook of Modern Cases and Analysis. Washington, DC: Berkley Center for Religion, Peace and World Affairs, 2012.
20. Гурина О. Д. Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением // Психология и право. 2016. Т. 6, № 1. С. 39–57. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060105>.
21. Hamidi S., Zanganeh P. Genealogy of xenophobia among takfiri-extremist groups: transition from other transformation to self-transformation. *Political strategic studies*. 2018. Vol. 6, № 23. Pp. 161–184.
22. Holbrook D., Taylor M. Terrorism as process narratives: A study of pre-arrest media usage and the emergence of pathways to engagement. *Terrorism and Political Violence*. 2017. Vol. 31, № 6. Pp. 1307–1326. <https://doi.org/10.1080/09546553.2017.1341879>.
23. Измайлов Р. Р. Противодействие псевдоисламским экстремистским организациям в социальных сетях: проблемы эффективности // Ислам в современном мире. 2018. № 2. С. 201–213.
24. Rahimullah R. H., Larmar S., Abdalla M. Understanding Violent Radicalization amongst Muslims: A Review of the Literature. *Journal of Psychology and Behavioral Science*. 2013. Vol. 1. Pp. 19–35.
25. Campelo N., Oppetit A., Neau F., Cohen D., Bronsard G. Who are the European youths willing to engage in radicalisation? A multidisciplinary review of their psychological and social profiles. *European Psychiatry*. 2018. Vol. 52. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2018.03.001>.
26. Neve R. J., Weerman F. M., Eris S., van Prooijen J. W. Radicalisation and Travelling to Syria among Delinquent Youths: A Case Study from the Netherlands. *Journal for Deradicalization*. 2020. Vol. 22. Pp. 249–286.
27. Hogg M. A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*. 2021. Vol. 32. Pp. 235–268. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1827628>.
28. Ferguson N., McAuley J. W. Dedicated to the cause: Identity development and violent extremism. *European Psychologist*. 2021. Vol. 26. Pp. 6–14. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000414>.
29. Ellemers N., Toorn J. van der, Paunov Y., Leeuwen T. van. The psychology of morality: A review and analysis of empirical studies published from 1940 through 2017. *Personality and Social Psychology Review*. 2019. Vol. 23, № 4. Pp. 332–366. <https://doi.org/10.1177/1088868318811759>.
30. Ваторопин А. С., Дуран Т. В., Тагильцева Ю. Р. Молодежный экстремизм в России в контексте теории хаоса // Российский девиантологический журнал. 2021. № 2. С. 180–193. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-180-193>.
31. Sychev O. A., Belousov K. I., Protasova I. N. Values and Moral Foundations as a Basis for the Socio-Political Views of Youth. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*. 2019. Vol. 73. Pp. 60–77. <https://doi.org/10.17223/17267080/73/4>.
32. Тихонова А. Д. Социальные медиа и молодежь: риск радикализации // Психология и право. 2018. Т. 8, № 4. С. 55–64. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080406>.

Поступила 03.03.2022; одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 30.06.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Cluzel F. du. Cognitive Warfare. Innovation Hub. 2020. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210113_CW%20Final%20v2%20.pdf (accessed data: 18.01.2022).
2. Cao K., et al. Countering cognitive warfare: awareness and resilience URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (accessed data: 18.01.2022).

3. Karayani A. G., Karayani Yu. M. Information-psychological influence in the context of the strategic communications paradigm. *National Psychological Journal*. 2021. No. 1(41). Pp. 3–14. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0101>. (In Russ.)
4. Claverie B., Cluzel F. du. Cognitive Warfare: The Advent of the Concept of “Cognitics” in the Field of Warfare. *Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance*, NATO Collaboration Support Office, 2022 URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635889> (accessed data: 15.01.2022).
5. Backes O., Swab A. Cognitive Warfare. The Russian Threat to Election Integrity in the Baltic States. *Belfer Center for Science and International Affairs*, 2019.
6. Bernal A. et al. Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought. 2020. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (accessed data: 19.01.2022).
7. Schleifer R. Psyoping Hezbollah: The Israeli Psychological Warfare Campaign During the 2006 Lebanon War. *Terrorism and Political Violence*. 2009. Vol. 21. Pp. 221–238.
8. Nye J. S. *Soft power: The means to success in world politics*. Cambridge, MA: Public Affairs, 2004.
9. Steiner S. Religious Soft Power as Accountability Mechanism for Power in World Politics: The Inter Faith Leaders’ Summit(s). *SAGE Open*, 2011. <https://doi.org/10.1177/2158244011428085>.
10. Arikan G., Bloom P. B.-N. Religion and Political Protest: A Cross-Country Analysis. *Comparative Political Studies*. 2019. Vol. 52. Pp. 246–276. <https://doi.org/10.1177/0010414018774351>.
11. Tezcur M.G., Azadarmaki T. Religiosity and Islamic rule in Iran. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2008. No. 47. Pp. 211–224.
12. Akbabbay Y., Fox J. Societal Rather than Governmental Change: Religious Discrimination in Muslim-Majority Countries after the Arab Uprisings. *All Azimuth*, 2018. <https://doi.org/10.20991/allazimuth.424929>.
13. *Field Manual. Psychological Operations: Tactics, Techniques, and Procedures (FM 3-05.301; FM 33-1-1; MCRP 3-40.6A)*. Washington, 2003.
14. *Field Manual. Psychological Operations (FM 3-05.30; MCRP 3-40.6)*. Washington, 2005.
15. Allakhverdyan Ya. O., Bogachev M. I., Schmidt V. V., Elbakyan E. S. Religion Studies in the Context of National Security. *Public Service*. 2019. No. 2. Pp. 108–118. (In Russ.)
16. Kazantsev A. A., Gusev L. Yu. Threat of Religious Extremism in the Post-Soviet Space. Moscow, 2017. 80 p. (In Russ.)
17. Zloказов К. В., Ilyankova E. I., Rozhkov A. A. Influence of representation about social space on the assessment of juvenile crime. *All-Russian Criminological Journal*. 2021. Vol. 15, No. 1. Pp. 15–26. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\)](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1)). (In Russ.)
18. Tomczak A., Tomczak E. The need to report effect size estimates revisited. An overview of some recommended measures of effect size. *Trends in Sport Science*. 2014. Vol. 1. Pp. 19–25.
19. Henne S. P., Hudgins H., Shah T. *Religious Freedom and Violent Religious Extremism: A Sourcebook of Modern Cases and Analysis*. Washington, DC: Berkley Center for Religion, Peace and World Affairs, 2012.
20. Gurina O. D. Xenophobic attitudes and personal characteristics of juveniles with deviant behaviour. *Psychology and Law*. 2016. Vol. 6, No. 1. Pp. 39–57. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060105>. (In Russ.)
21. Hamidi S., Zanganeh P. Genealogy of xenophobia among takfiri-extremist groups: transition from other transformation to self-transformation. *Political strategic studies*. 2018. Vol. 6, No. 23. Pp. 161–184.
22. Holbrook D., Taylor M. Terrorism as process narratives: A study of pre-arrest media usage and the emergence of pathways to engagement. *Terrorism and Political Violence*. 2017. Vol. 31, No. 6. Pp. 1307–1326. <https://doi.org/10.1080/09546553.2017.1341879>.
23. Ismailov R. R. Counteracting pseudo-Islamic extremist organizations in social networks: problems of effectiveness. *Islam in the Modern World*. 2018. No. 2. Pp. 201–213. (In Russ.)
24. Rahimullah R. H., Larmar S., Abdalla M. Understanding Violent Radicalization amongst Muslims: A Review of the Literature. *Journal of Psychology and Behavioral Science*. 2013. Vol. 1. Pp. 19–35.
25. Campelo N., Oppetit A., Neau F., Cohen D., Bronsard G. Who are the European youths willing to engage in radicalisation? A multidisciplinary review of their psychological and social profiles. *European Psychiatry*. 2018. Vol. 52. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2018.03.001>.
26. Neve R. J., Weerman F. M., Eris S., van Prooijen J. W. Radicalisation and Travelling to Syria among Delinquent Youths: A Case Study from the Netherlands. *Journal for Deradicalization*. 2020. Vol. 22. Pp. 249–286.
27. Hogg M. A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*. 2021. Vol. 32. Pp. 235–268. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1827628>.
28. Ferguson N., McAuley J. W. Dedicated to the cause: Identity development and violent extremism. *European Psychologist*. 2021. Vol. 26. Pp. 6–14. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000414>.
29. Ellemers N., Toorn J. van der, Paunov Y., Leeuwen T. van. The psychology of morality: A review and analysis of empirical studies published from 1940 through 2017. *Personality and Social Psychology Review*. 2019. Vol. 23, No. 4. Pp. 332–366. <https://doi.org/10.1177/1088868318811759>.
30. Vatoropin A. S., Duran T. V., Tagiltseva Yu. R. Youth Extremism in Russia in the Context of Chaos Theory. *Russian Journal of Deviantology*. 2021. No. 2. Pp. 180–193. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-180-193> (accessed data: 03.01.2022). (In Russ.)
31. Sychev O. A., Belousov K. I., Protasova I. N. Values and Moral Foundations as a Basis for the Socio-Political Views of Youth. *Siberian Journal of Psychology*. 2019. Vol. 73. Pp. 60–77. <https://doi.org/10.17223/17267080/73/4>.
32. Tikhonova A. D. Social media and youth: the risk of radicalization. *Psychology and Law*. 2018. Vol. 8, No. 4. Pp. 55–64. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080406>. (In Russ.)

Submitted 03.03.2022; approved after reviewing: 12.03.2022; accepted for publication: 30.06.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Научно-практическая статья

УДК 159.99 © А. А. Сарсенова, Н. А. Гончарова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-257-263

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Динамика показателей организационной лояльности обучающихся в образовательной организации МВД России

Асель Азилбековна Сарсенова¹, адъюнкт кафедры юридической психологии;

a.a.sarsenova@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8916-7680>

Наталья Андреевна Гончарова¹, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии;

goncharova_n@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1, Россия

Реферат

Введение. Анализируются изменения лояльности лиц, обучающихся в образовательной организации высшего образования МВД России, на протяжении пяти лет. Актуальность проблемы определяется нарастающей тенденцией к уходу молодых специалистов правоохранительной сферы деятельности из профессии и намерениями части обучающихся субъектов не продолжать указанную профессиональную деятельность в дальнейшем. **Материалы и методы.** В ходе эмпирического исследования при помощи лонгитюдного метода произведено два замера показателей организационной лояльности с интервалом в два с половиной года. Использовались следующие методики: анкета-опросник Дж. Мейера и Н. Аллен «Шкала организационной лояльности»; «Методика оценки лояльности сотрудника к организации» Л. Г. Почебут, О. Е. Королевой; «Методика измерения лояльности» С. С. Баранской. В исследовании приняли участие две группы респондентов: 1-я (n=30) — в возрасте от 18 до 20 лет; 2-я (n=30) — в возрасте от 19 до 21 года. **Результаты и обсуждение.** Установлена достоверная динамика организационной лояльности обучающихся, лояльность к выбранной профессии и вузу на различных этапах обучения. Наиболее значимые изменения аффективной, нормативной, организационной и профессиональной лояльности выявлены в период первых трех лет обучения, которые характеризуются снижением средних значений (при $p \leq 0,001$) с высокого до низкого уровня. К пятому году обучения показатели возрастают и стабилизируются на уровне нижней границы норматива. **Выводы.** Лояльность обучающихся в образовательной организации высшего образования МВД России представляет собой динамическую структуру направленности личности, связанную с комплексом морально-этических установок, и зависит от периода обучения в вузе. Мониторинг и управление состояниями лояльности обучающихся позволяют решить комплекс задач морально-психологического и педагогического сопровождения учебной деятельности обучающихся в образовательных организациях МВД России.

Ключевые слова: организационная лояльность; профессиональная лояльность; лояльность труду; профессиональное обучение; формирование лояльности; профессиональные ценности; приверженность организации; вовлеченность в деятельность

Для цитирования: Сарсенова А. А., Гончарова Н. А. Динамика показателей организационной лояльности обучающихся в образовательной организации МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 257–263. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-257-263>

Scientific and Practical Article

UDC: 159.99 © А. А. Сарсенова, Н. А. Гончарова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-257-263

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Dynamics of Values of Students' Organizational Commitment in the Educational Organization of the Russian Ministry of Internal Affairs

Asel A. Sarsenova¹, postgraduate student at the chair of Legal Psychology; a.a.sarsenova@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8916-7680>

Natalya A. Goncharova¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Pedagogy and Psychology; goncharova_n@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>

¹ St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1 Pilyutova st., St. Petersburg, 198206, Russia

Abstract

Introduction. Under consideration are the changes in loyalty of learners of the educational organization of higher education of the Russian Ministry of Internal Affairs during the five years' period. The problem is relevant due to the increasing tendency of young law enforcement specialists' leaving the profession and some learners' intention not to continue their professional activity in the chosen sphere. **Materials and Methods.** The empirical study with longitude method enabled the authors to make two measurements of indicators of organizational loyalty with an interval of two and a half years. The following methods were employed: N. Allen and J. Meyer questionnaire "Organizational Commitment Scale"; L. G. Pochebut and O. E. Koroleva "Method of Assessing Employee's Loyalty to the Organization"; Baranskaya S. S. "Method of Measuring Commitment". The study involved two groups of respondents: the first one (N=30) consisted of those aged from 18 to 20; the second one (N=30) covered 19-year-olds to 21-year-olds. **Results and Discussion.**

Reliable dynamics of organizational loyalty of students, their commitment to the chosen profession and university at various stages of education are established. The most significant change in affective, normative, organizational and professional loyalty are revealed during the first three years of learning characterized by the decrease of average values ($p \leq 0,001$) from the "high" level to the "low" level. By the fifth year the values increase and are stabilized at the level of the lower bound of the norm. **Conclusions.** The learners' loyalty in the educational organization of higher education of the Russian Ministry of Internal Affairs is a dynamic formation in the structure of personality orientation connected with a set of moral ethical attitudes and depends on the period of learning at university. Monitoring and managing the states of students' loyalty make it possible to solve a complex of problems of moral, psychological and pedagogical support for the educational activities of students in educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs.

Keywords: organizational commitment; professional commitment; commitment to labour; professional training; formation of loyalty; professional values; commitment to organization; engagement in activity

Citation: Sarsenova A. A., Goncharova N. A. Dynamics of Values of Students' Organizational Commitment in the Educational Organization of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 257–263. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-257-263>

Основные положения

1. Система высшего образования, выступая базовой структурой систематического воздействия на личность обучающегося, в настоящее время не акцентирует внимание на данном явлении и не осуществляет управление лояльностью. Между тем профессиональная подготовка должна обеспечить развитие будущего компетентного специалиста, лояльность которого к организации и профессии не должна вызывать сомнений. Организационная лояльность есть показатель благонадежности обучающегося и сотрудника органов внутренних дел, залог безопасности организации и правоохранительной системы в целом.

2. Организационная лояльность лиц, обучающихся в высшем учебном заведении, репрезентируется в показателях аффективной, нормативной и продолженной лояльности, гордости за организацию, профессиональной лояльности и лояльности труду, вовлеченности в деятельность организации. Лояльность служит показателем эффективности профессионального образования и маркером, позволяющим прогнозировать стабильность пребывания специалиста в конкретной профессии, и значимым ресурсом системы морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность вопросов формирования организационной лояльности обучающихся в вузе определяется не только задачами поддержания высокого уровня приверженности учебному заведению, но и необходимостью обеспечения устойчивости целей продолжения деятельности уже подготовленного специалиста в сфере избранной профессии, преданности ее базовым ценностям. Предполагается, что развитие организационной лояльности обучающихся в высшем учебном заведении не требует дополнительных мер воздействия, а субъект обучения, непосредственно участвующий в учебном процессе, естественным образом будет обретать приверженность профессии и благонадежность. По этой причине внимания формированию организационной лояльности в период обучения в вузе

практически не уделяется. Однако наличие проблемы остро ощущается в сфере подготовки сотрудников органов внутренних дел, где после окончания вуза отток специалистов из данной профессии весьма высок. Это подтверждает статистика ухода кадров из правоохранительной сферы деятельности.

Проблематика организационной лояльности в условиях острого дефицита профессиональных кадров в настоящее время широко обсуждается в основном в рамках конкретных производственных отношений. Анализ публикаций, представленных в отечественных электронных базах данных, позволяет констатировать, что проблемам лояльности посвящены в основном работы, рассматривающие лояльность персонала, клиентов, потребителей, и практически отсутствуют исследования лояльности студентов образовательных организаций. В рамках профессионального образования данный вопрос, сущность которого затрагивает ценностно-мотивационную сферу личности, также не обсуждается.

Лояльность будущего сотрудника, обучающегося в вузе, приобретает особую значимость для социомических профессий, предметом которых выступают другие субъекты, их здоровье, безопасность, развитие и обучение. В медицинских профессиях от организационной лояльности зависит состояние физического и психологического благополучия личности человека. В педагогических — лояльность учителя определяет нравственную и ценностную направленность развивающейся личности [1]. В правоохранительной деятельности лояльность сотрудников обеспечивает физическую, личностную и аксиологическую безопасность всех граждан государства. По этой причине лояльность как значимое психологическое качество должна формироваться уже в период приобретения профессии. Решение данной проблемы требует обеспечения соответствующих условий вовлечения обучающихся в систему профессиональной деятельности, способствующих сохранению приверженности профессиональным целям организации и поддержанию положительного эмоционального отношения к профессии.

Цель исследования состояла в определении уровня организационной лояльности обучающихся в образовательной организации МВД России и выявлении изменений показателей организационной лояльности.

В ходе исследования проверялась гипотеза о количественном и качественном изменении показателей организационной лояльности обучающихся к избранной профессии в зависимости от этапов обучения.

Степень разработанности проблемы. В работах, посвященных исследованию сущности лояльности, наряду с характеристиками благонадежности, ее содержание определяется наличием у субъекта положительной направленности, основу которой составляют нравственно-деловые ценности и свойства личности. Лояльные сотрудники, эффективно продолжающие деятельность в профессии, отличаются от нелояльных по признакам приверженности ценностям организации, что было ранее установлено в наших исследованиях [2]. Данный факт отмечает и О. В. Батурина, подчеркивая роль ценностной приверженности, добросовестности и профессионализма в структуре лояльности [3]. Значимыми в определении лояльности являются показатели правосознания, приверженности и патриотизма. В. И. Доминяк в анализе элементов, составляющих лояльность, обращает внимание на свойства доброжелательности, честности, преданности и принципиальности [4]. В работах Л. Г. Почебут отмечаются внутренние мотивационные компоненты лояльности, представленные установками благожелательности, нормативности поведения, законности и внутренней заинтересованности [5]. С. В. Горностаев в анализе служебной лояльности подчеркивает характеристики верности долгу и систему обязательств, которые сотрудник принимает на себя [6].

В зарубежных исследованиях в качестве одной из характеристик организационной лояльности также рассматривается приверженность субъекта к организации, которую Л. Херсковитч и Дж. Меер считают синонимом «профессиональной приверженности» [7; 8]. В понимании лояльности отмечаются факторы вовлеченности в деятельность и профессиональная идентификация, ориентация на профессиональную карьеру и профессионализм [9; 10]. Установлена также зависимость лояльности от условий деятельности, о чем идет речь в исследованиях М. Кот-Радоевска и И. В. Тименко [11]. П. Броугх и Р. Фраме считают, что в формировании лояльности значимую роль играют удовлетворенность и организационные переменные [12]. В рамках проблемы J. E. Finegan и J. Роусе обсуждают вопросы соответствия ценностей субъекта труда ценностям организации, что детерминирует возрастание показателей лояльности [13; 14].

Одним из важных конструктов лояльности выступает добровольность лояльного отношения субъекта деятельности к организации. На это обращает вни-

мание И. Г. Чумарин, рассматривая роль внутренних положительных, побуждающих к дальнейшей деятельности мотивов [15]. Лояльный субъект деятельности стремится к соблюдению установленных в организации норм, правил и процедур. При этом лояльность как ценность должна быть присвоена субъектом добровольно, на основе эмоционального предпочтения и ненасильственного воздействия. Именно так определяет свойства ценностного отношения Г. П. Выжлецов, рассуждая о том, что приверженность чему-либо невозможно навязать административными и силовыми методами [16]. В данном явлении речь идет о внутреннем, добровольном выборе субъекта, в результате которого формируется чувство удовлетворения, душевного подъема и общности с ценностями профессии.

Лояльное отношение как свойство личности и как ценность имеет внутреннюю природу и определяется интериоризированными внешними воздействиями, примерами поведения, ценностной средой, параметрами конструктивного взаимодействия с субъектом деятельности. По этой причине формирование лояльности обучающихся в вузе не может произойти одновременно и представляет собой длительный процесс приобретения внутренних установок организационной лояльности, понимания нормативных требований учебной и далее профессиональной сферы, в которой формируются нравственные оценки целей и традиций. В период профессиональной адаптации лояльность обеспечивает возможность быстрого освоения деятельности. Поэтому в процессе профессионального обучения среда, поддерживающая имеющуюся психологическую готовность обучающихся к профессиональной благонадежности, обязана активизировать ресурсы целенаправленного управления лояльностью.

Материалы и методы

Исследование проводилось при помощи лонгитюдного метода. Были изучены систематические показатели одних и тех же испытуемых и определены параметры изменчивости показателей лояльности от первого года обучения до выпускного курса. На первом этапе произведено сравнение показателей несвязанных групп первого и третьего годов обучения в 2017 г. На втором этапе произведен анализ тех же параметров в 2019 г. На третьем этапе сравнительному анализу были подвергнуты значения показателей связанных групп с промежутком в два года: экспериментальная группа 1 (2017–2019 гг.); экспериментальная группа 2 (2017–2019 гг.). В исследовании приняли участие 60 курсантов, обучающихся в образовательной организации высшего образования МВД России, в возрасте от 18 до 21 года.

Аналізу подвергались показатели, полученные при помощи батареи психодиагностических тестов: «Шкала организационной лояльности» Д. Мейера, Н. Аллен [17; 18]; «Методика оценки лояльности сотрудника к ор-

Таблица 1. Сравнение показателей организационной лояльности экспериментальных групп на первом этапе исследования (несвязанные выборки)

(Table 1. Comparison of Values in Organizational Commitment of Experimental Groups at the first Stage of the Research (Separate Samples))

Показатели лояльности	Экспериментальная группа 1 2017 г. M±σ	Экспериментальная группа 2 2017 г. M±σ	t	Достоверность различий при вероятности ошибки p≤0,05
Шкала организационной лояльности (методика Дж. Мейера, Н. Аллен)				
Аффективная лояльность	5,03±0,64	4,16±0,88	3,65	0,0002
Продолженная лояльность	4,36±0,93	3,85±0,95	1,78	0,07
Нормативная лояльность	4,49±0,83	3,69±1,03	3,32	0,0006
Показатели лояльности к организации (методика Л. Г. Почебут, О. Е. Королевой)				
Оценка лояльности персонала	9,36±21,8	15,26±17,29	1,82	0,27
Показатели лояльности (методика С. С. Баранской)				
Нелояльное поведение	17,56±3,49	16,3±3,86	1,76	0,2
Гордость за организацию	21,23±2,94	14,97±5,32	3,67	0,0003
Вовлеченность в дела организации	19,9±2,75	14,93±4,7	3,6	0,0002
Организационная лояльность	58,7±5,97	46,2±12,22	3,65	0,0001
Профессиональная лояльность	67,8±13,79	52,83±14,29	3,68	0,0007
Лояльность труду	58,6±16,81	43,8±12,59	3,5	0,0003

ганизации» Л. Г. Почебут, О. Е. Королевой [19]; «Методика измерения лояльности» С. С. Баранской [20]. Статистическая обработка полученных эмпирических значений производилась при помощи таблиц Excel и программы анализа данных SPSS Statistics. Достоверность различий установлена с помощью t-критерия Стьюдента. Эмпирические значения были проверены на нормальность распределения при помощи одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова.

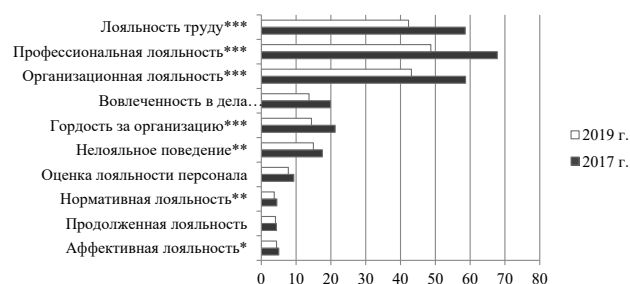
Результаты и обсуждение

На первом этапе при сравнении показателей лояльности обучающихся первого и третьего курсов (несвязанные выборки 2017 г.) установлены достоверные различия между группами в значениях шкал «аффективная лояльность» и «нормативная лояльность». В течение первого года обучающиеся первого курса в большей степени переживают эмоциональную привязанность к организации, следуют ее правилам и отличаются установками на выполнение ее норм.

Выявлены достоверно более высокие значения показателя «гордость за организацию» в группе первого курса (достоверность различий при вероятности ошибки p≤0,05), что позволяет констатировать наличие высокой репутации организации в личностных представлениях респондентов. Установлен значимо высокий уровень показателей по шкалам «вовлеченность в дела организации», «организационная лояльность», «профессиональная лояльность», «лояльность труду» в данной группе. В группе 2 (обучающиеся третьего курса) значения шкалы «вовлеченность в деятельность организации» находятся в низких пределах, в соответствии с чем отмечаются неблагоприятное отношение к профессии и отсутствие стремлений заниматься ею основную часть своего времени (табл. 1).

На втором этапе исследования проводилось сравнение показателей лояльности экспериментальных групп несвязанных выборок в 2019 г. Достоверные различия между группами установлены только в значениях шкалы «оценка лояльности персонала», в соответствии с которой в экспериментальной группе 2 ее уровень значимо выше (табл. 2).

Установлено, что нивелирование различий между группами произошло за счет снижения уровня лояльности в экспериментальной группе 1. За период обучения в вузе, на этапе от первого до третьего курса обучения, лояльность курсантов значимо изменилась. В целом изменения в каждой из групп характеризуются снижением значений уровня показателей. Достоверных различий, характеризующих негативные изменения в экспериментальной группе 1, значимо больше (рис. 1).

Примечания: * — значимые различия при p≤0,05; ** — значимые различия при p≤0,01; *** — значимые различия при p≤0,001.

Рис. 1. Сравнение показателей лояльности экспериментальной группы 1 в разные периоды обучения (2017–2019 гг.) (Fig. 1. Comparison of Values in Loyalty of Experimental Group 1 at different Stages of Studying (2017–2019))

Наибольшие изменения выявлены в таких показателях лояльности, как «гордость за организацию», «вовлеченность в дела организации», «организационная лояльность», «профессиональная лояльность», «лояльность труду».

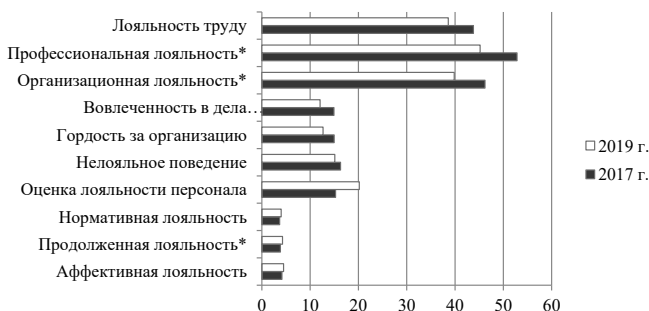
Таблица 2. Сравнение показателей организационной лояльности экспериментальных групп на втором этапе исследования

(Table 2. Comparison of Values in Organizational Commitment of Experimental Groups at the second Stage of the Research)

Показатели лояльности	Экспериментальная группа 1 2019 г. M±σ	Экспериментальная группа 2 2019 г. M±σ	Достоверность различий при вероятности ошибки (p≤0,05)
Шкала организационной лояльности (методика Дж. Мейера, Н. Аллен)			
Аффективная лояльность	4,39±1,35	4,49±1,15	0,7
Продолженная лояльность	4,08±1,24	4,28±1,96	0,4
Нормативная лояльность	3,73±1,16	4,01±1,2	0,2
Показатели лояльности к организации (методика Л. Г. Почебут, О. Е. Королевой)			
Оценка лояльности персонала*	7,77±19,9	20,17±15,93	0,01
Показатели лояльности (методика С. С. Баранской)			
Нелояльное поведение	14,97±3,56	15,10±3,63	0,8
Гордость за организацию	14,43±3,89	12,67±3,58	0,1
Вовлеченность в дела организации	13,73±3,59	12,07±3,07	0,09
Организационная лояльность	43,13±11,81	39,83±8,58	0,2
Профессиональная лояльность	48,7±7,69	45,2±13,78	0,2
Лояльность труду	42,3±11,61	38,6±11,63	0,1

Примечание. * — значимые различия между группами при p≤0,01.

В экспериментальной группе 2 показатели лояльности также изменились, однако достоверных различий значимо меньше (рис. 2).

Примечание. * — значимые различия при p≤0,05.

Рис. 2. Сравнение показателей лояльности экспериментальной группы 2 в разные периоды обучения (2017–2019 гг.)

(Fig. 2. Comparison of Values in Loyalty of Experimental Group 2 at different Stages of Studying (2017–2019))

В данной группе на уровне прежних значений остались показатели нормативной и аффективной лояльности. Различия установлены в значениях шкалы «продолженная лояльность», что позволяет предположить наличие намерений продолжить деятельность в рамках данной профессиональной сферы, однако не в силу эмоциональной и нормативной приверженности, а по причине личных затрат и потерь, к которым может привести уход из организации. Вместе с тем достоверно снизились значения показателей «вовлеченность в дела организации», «организационная лояльность» и «профессиональная лояльность».

Выводы

1. В ходе эмпирического исследования установлено, что организационная лояльность обучающихся в образовательной организации высшего образования

представляет собой динамичное и пластичное психическое явление, которое претерпевает изменения на различных этапах обучения в зависимости от уровня аффективной приверженности к профессии, морально-этических убеждений по отношению к избранной профессиональной сфере и ценностных ориентаций.

2. На первоначальном этапе обучения (первый курс) ведущим видом лояльности выступает «аффективная лояльность», основу которой составляют эмоциональное отношение и безусловная приверженность профессии, выраженная в положительном отношении к выбранной профессиональной сфере и желании принадлежать к данной организации. К третьему курсу этот показатель достоверно снижается с высокого уровня до среднего и затем практически остается неизменным до конца обучения.

3. К третьему году обучения в вузе статистически достоверно, до уровня ниже нормативного, снижаются показатели «нормативной лояльности», что позволяет предположить существенное изменение морально-этических убеждений субъектов обучения, на которые оказывают влияние ценностно-ориентационная среда и степень вовлеченности обучающегося в дела организации. К пятому курсу данный показатель лояльности увеличивается и стабилизируется на уровне незначительно выше нормативных значений.

4. Установлена отрицательная динамика показателей «организационной лояльности» от первого к третьему и от третьего к пятому курсу. Это позволяет дать отрицательный прогноз будущего стабильного пребывания респондентов в выбранной профессиональной сфере. Однако некоторое статистически незначимое положительное изменение уровня шкалы «нелояльное поведение» оставляет возможности для воздействия на субъектов обучения и управления лояльностью.

5. Выявлены достоверные изменения показателей «профессиональной лояльности» в период первых трех лет обучения, которые характеризуются снижением значений с высокого до низкого уровня, ниже предельного нормативного показателя. Если в начале периода обучения респонденты готовы работать и совершенствовать себя исключительно в своей профессиональной области, то к середине процесса обучения идентификации с профессией не происходит. Возможно, это связано с нормативным кризисом профессионального обучения, ошибками в профессиональном самоопределении или слабой вовлеченностью обучающихся в сферу практической профессиональной деятельности.

6. Снижение показателей «профессиональной лояльности» прослеживается на протяжении всего периода обучения. На первом этапе, в период от первого до третьего курса, значения данного показателя достоверно изменяются в пределах от высокого до предельно низкого уровня. На втором этапе, в период от третьего до пятого курса, значения падают со среднего до низкого уровня, но нормативного. Все это свидетельствует о недостаточном стремлении обучающихся к самосовершенствованию в профессиональной области и развитию профессиональных навыков.

7. Количественные и качественные изменения показателей лояльности обучающихся в высшем учебном заведении претерпевают значительные изменения как на первом этапе обучения в период первых трех курсов, так и на завершающем этапе. Это позволяет предположить наличие значимой проблемы, которую необходимо исследовать и решать при помощи организационных, методических и воспитательных техноло-

гий. В первую очередь это создание профессионально-ценностной среды, ориентированной на поддержание аффективной лояльности, вовлечение обучающихся в специфическую профессиональную деятельность, которая будет способствовать сохранению интереса к будущей деятельности, организация среды и гуманного формулирования требований и отношения к личности обучающихся на этапе профессиональной подготовки в образовательной организации высшего образования.

Перспективы исследования проблемы лояльности обучающихся в вузе мы видим в изучении механизмов ее формирования, создании стандартизированного тестового аппарата для мониторинга изменений лояльности, оценки влияния личностных свойств, в разработке комплексных программ развития и морально-психологической подготовки, программ повышения квалификации руководителей. Решение проблемы формирования организационной лояльности на различных этапах обучения возможно при условиях стабилизации ценностной сферы личности обучающихся, поддержки аффективной мотивации в отношении к профессии, создания возможностей для положительного подкрепления профессиональных интересов, учета особенностей развития психики обучающихся, связанных с критическими периодами формирования ценностной системы личности в период юношеского возраста. Все это позволит повысить эффективность подготовки в системе профессионального образования, что в конечном счете обеспечит стабильность и надежность кадрового потенциала профессиональной сферы.

Список источников

1. Ставропольцева Е. А. Формирование организационной лояльности у студентов педагогического вуза // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 43–48.
2. Гончарова Н. А., Костылева И. В. Психологические особенности аксиологической надежности сотрудников органов внутренних дел на различных стадиях профессионального развития // Психология и право. 2018. Т. 8, № 3. С. 25–33. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080302>.
3. Батурина О. В. Лояльность сотрудников: причины и преимущества // Кадровый менеджмент. 2003. № 35. С. 17–18.
4. Доминьяк В. И. Организационная лояльность: основные подходы // Менеджер по персоналу. 2006. № 4. С. 34–40.
5. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология. СПб., 2012. 298 с.
6. Горностаев С. В. Служебная лояльность как фактор служебной деятельности: административно-правовой и феноменологический подходы // Психология и право. 2017. № 1(7). С. 68–79. <https://doi.org/10.17759/psylaw.207070106>.
7. Herscovitch L., Meyer J. P. Commitment to Organizational change: Extension of a three-component model. *Journal of Applied Psychology*. 2002. Vol. 87. Pp. 474–487.
8. Wiener Y., Gechman A. S. Commitment: A behavioral approach to job involvement. *Journal of Vocational Behavior*. 2016. № 10(1). Pp. 47–52. [https://doi.org/10.1016/0001-8791\(77\)90041-0](https://doi.org/10.1016/0001-8791(77)90041-0).
9. Meyer J. P., Allen N. J. Testing the «side-bet theory» of organizational commitment: Some methodological considerations. *Journal of Applied Psychology*. 1984. № 69(3). Pp. 372–378. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.69.3.372>.
10. Cacioppe R. Creating spirit at work: revisioning organisation development and leadership-part 1. *The Leadership and Organisational Development Journal*. 2000. Vol. 21. Pp. 48–54.
11. Kot-Radojewska M., Timenko I. V. Employee loyalty to the organization in the context of the form of employment. *Oeconomia Copernicana*. 2018. № 9(3). Pp. 511–527. <https://doi.org/10.24136/oc.2018.026>.
12. Brough P., Frame R. Predicting police job satisfaction and turnover intention: The role of social support and police organisational variables. *New Zealand Journal of Psychology*. 2004. Vol. 33(1). Pp. 8–16.

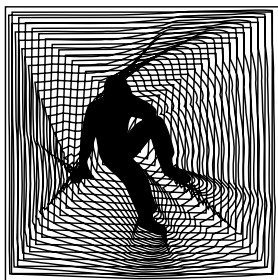
13. Finegan J. E. The impact of person and organizational values on organizational commitment. *Journal of Occupational Organisational Psychology*. 2000. Vol. 73. Pp. 149–169.
14. Royce J. *The Philosophy of Loyalty*. New York, 1914. 409 p.
15. Чумарин И. Г. Люди и организации: деструктивное противодействие // Люди и организации : сб. тез. третьей всерос. конф. СПб., М., 2014. С. 63–64.
16. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб., 1996. 152 с.
17. Доминьяк В. И. Психологическая диагностика лояльности персонала // Научно-технические ведомости СПбГУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 2(111). С. 122–126.
18. Meyer J. P. Commitment to Organizations and Occupations: Extension and Test of a Three-Component Conceptualization. *J. of Applied Psychology*. 1993. Vol. 78. Pp. 538–551.
19. Никифоров Г. С. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности : учеб. пособие / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. СПб., 2003. 448 с.
20. Баранская С. С. Методика измерения лояльности // Психологические исследования. 2011. № 1(15). С. 8.

Поступила 27.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Stavropoltseva E. A. Formation of organizational commitment in pedagogical university students. *Pedagogical Education in Russia*. 2014. No. 2. Pp. 43–48. (In Russ.)
2. Goncharova N. A., Kostyleva I. V. Psychological features of the axiological reliability of law enforcement officers at various stages of professiogenesis. *Psychology and Law*. 2018. Vol. 8. No. 3. Pp. 25–33. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080302>. (In Russ.)
3. Baturina O. V. Employees' Commitment: causes and advantages. *Human Resources Management Magazine*. 2003. No. 35. С. 17–18. (In Russ.)
4. Dominyak V. I. Organizational Commitment: main approaches. *HR-Manager*. 2006. No. 4. Pp. 34–40. (In Russ.)
5. Pochebut L. G., Tchiker V. A. Organizational Social Psychology. St. Petersburg, 2012. 298 p. (In Russ.)
6. Gornostaev S. V. Official loyalty as the factor of official activity: administrative law and phenomenological approaches. *Psychology and Law*. 2017. No. 1(7). Pp. 68–79. <https://doi.org/10.17759/psylaw.207070106>. (In Russ.)
7. Herscovitch L., Meyer J. P. Commitment to Organizational change: Extension of a three-component model. *Journal of Applied Psychology*. 2002. Vol. 87. Pp. 474–487.
8. Wiener Y., Gechman A. S. Commitment: A behavioral approach to job involvement. *Journal of Vocational Behavior*. 2016. No. 10(1). Pp. 47–52. [https://doi.org/10.1016/0001-8791\(77\)90041-0](https://doi.org/10.1016/0001-8791(77)90041-0).
9. Meyer J. P., Allen N. J. Testing the «side-bet theory» of organizational commitment: Some methodological considerations. *Journal of Applied Psychology*. 1984. No. 69(3). Pp. 372–378. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.69.3.372>.
10. Cacioppe R. Creating spirit at work: revisioning organisation development and leadership-part 1. *The Leadership and Organisational Development Journal*. 2000. Vol. 21. Pp. 48–54.
11. Kot-Radojewska M., Timenko I. V. Employee loyalty to the organization in the context of the form of employment. *Oeconomia Copernicana*. 2018. No. 9(3). Pp. 511–527. <https://doi.org/10.24136/oc.2018.026>.
12. Brough P., Frame R. Predicting police job satisfaction and turnover intention: The role of social support and police organisational variables. *New Zealand Journal of Psychology*. 2004. Vol. 33(1). Pp. 8–16.
13. Finegan J. E. The impact of person and organizational values on organizational commitment. *Journal of Occupational Organisational Psychology*. 2000. Vol. 73. Pp. 149–169.
14. Royce J. *The Philosophy of Loyalty*. New York, Norwood. 1914. 409 p.
15. Chumarin I. G. People and organizations: destructive counteraction. People and organizations. Collected theses of the 3rd All-Russian conference. St. Petersburg, Moscow. 2014. Pp. 63–64. (In Russ.)
16. Vyzhletsov G. P. Axiology of Culture. St. Petersburg, 1996. 152 p. (In Russ.)
17. Dominyak V. I. Psychodiagnostics of staff commitment. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2011. No. 2(111). Pp. 122–126. (In Russ.)
18. Meyer J. P. Commitment to Organizations and Occupations: Extension and Test of a Three-Component Conceptualization. *Journal of Applied Psychology*. 1993. Vol. 78. Pp. 538–551.
19. Nikiforov G. S. Practical Guidance on management psychology and professional activity. Ed. by Nikiforova G. S., Dmitrieva M. A., Snetkov V. M. St. Petersburg, 2003. 448 p. (In Russ.)
20. Baranskaya S. S. Methodics of measuring commitment. *Psychological Studies*. 2011. No. 1(15). P. 8. (In Russ.)

Submitted 27.05.2022; approved after reviewing: 15.06.2022; accepted for publication: 30.06.2022.
All the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.

Психолого-педагогические аспекты становления и развития личности

Psychological and pedagogical aspects of personality formation and development

Обзорная статья

УДК 159.98+338.48 © Н. В. Кузнецова, В. В. Аршинова, Н. М. Владимиров, М. Р. Арпентьева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-264-274

5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Человек путешествующий и цивилизационное наследие: трансформация идентичности в туризме

Наталья Валентиновна Кузнецова^{1,2}, аспирант кафедры географии и туризма; научный сотрудник кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета; nataliakuzn2007@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7413-4437>

Виктория Викторовна Аршинова^{2,3}, доктор психологических наук, профессор, начальник отдела международных и российских рейтингов университетов; arshynova.msu@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1125-3786>

Николай Михайлович Владимиров⁴, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, лечебной физкультуры, восстановительной и спортивной медицины; nik.vlad66@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8810-3113>

Мариям Равильевна Арпентьева⁵, доктор психологических наук, академик Международной академии образования, свободный исследователь; mariam_rav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ Институт естествознания и спортивных технологий Московского городского педагогического университета, 105458, Москва, ул. Чечулина, 1, Россия

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, 1, Россия

³ Московский психолого-социальный университет, 115191, Москва, 4 Роцинский пр., 9А, Россия

⁴ Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, 628011, Ханты-Мансийск, ул. Мира, 40, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, Россия

⁵ 2900, Монреаль, Квебек, бульвар Эдуард-Монпети, НЗТ 1J4, Канада

Реферат

Введение. Психолого-педагогические проблемы туризма, его психолого-педагогическое сопровождение до сих пор остаются сферой крайне немногочисленных теоретических и прикладных исследований. Вместе с тем туризм выступает как одна из практик, интенсивно меняющих личностную и социальную идентичность человека, служащих его развитию, трансформации его запросов как человека путешествующего (homo torpnus). Такая трансформация приводит к активным изменениям в самом туризме, в подготовке кадров для туризма. Современная семейная и детско-юношеская туристика активно изменяется как по формам, так и по содержанию. Она все больше осознается как практика, в которой человек изменяет себя, соприкасаясь с цивилизационным, историко-культурным наследием своих предков и предков других людей и народов. В этом контексте особенно важное значение имеет региональный туризм как вид внутреннего туризма, предполагающий знакомство людей с разными частями страны, их природой и культурой, в том числе в исторической перспективе. (Само)изменение и знакомство с этим наследием представляют собой единую систему, в которой каждый путешественник может выделить и культурно-образовательные и психотерапевтически развивающие аспекты. Цель — анализ проблем трансформации идентичности путешествующего человека в контексте его соприкосновения с цивилизационным наследием, в том числе в его региональном измерении. **Результаты и обсуждение.** Путешествие представляет собой целостную или фрагментарную трансформацию идентичности человека — его понимания себя в мире. Большие и малые путешествия становятся важной частью жизни для некоторых людей, проявляющих активный интерес к цивилизационному наследию, его природным и культурным аспектам, стремление к накоплению впечатлений и развернутую рефлексию опыта путешествий как опыта внешних и внутренних преобразований. Существует также тип людей, использующих путешествие как бегство от проблем. Их трансформации менее выражены, но путешествие учит человека доверять себе и жизни, смиряться с трудностями и неопределенностями, терпеть лишения и принимать перемены. **Выводы.** Путешествие помогает человеку изменить свою идентичность, преобразовать себя в направлении, степени и интенсивности, необходимых ему самому, а не окружающему его миру, привыкшему к старой идентичности, ее нуждам и желаниям и своим нуждам и желаниям относительно человека.

Ключевые слова: человек путешествующий; семейный туризм; детско-юношеский туризм; региональный туризм; тревел-терапия; идентичность; экономика впечатлений; цивилизационное наследие

Для цитирования: Кузнецова Н. В., Аршинова В. В., Владимиров Н. М., Арпентьева М. Р. Человек путешествующий и цивилизационное наследие: трансформация идентичности в туризме // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 264–274. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-264-274>

A Traveling Person and Civilizational Heritage: Transformation of Identity in Tourism

Natalya V. Kuznetsova^{1,2}, postgraduate student at the chair of Geography and Tourism; researcher at the chair of Recreational Geography and Tourism of the Faculty of Geography; nataliakuzn2007@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7413-4437>

Viktoriya V. Arshinova^{2,3}, Doctor of Sciences (in Psychology), Professor, head of the Department of International and Russian Ranking of Universities; arshynova.msu@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1125-3786>

Nikolay M. Vladimirov⁴, Candidate of Sciences (in Pedagogy), Associate-Professor, associate-professor at the chair of Physical Education, Exercise Therapy, Rehabilitation and Sports Medicine; nik.vlad66@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8810-3113>

Mariyam R. Arpentieva⁵, Doctor of Psychology, Academician of the International Academy of Education, freelance researcher; mariam_rav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ Institute of Natural Science and Sports Technologies, Moscow City Pedagogical University, 1 Chechulin st., Moscow, 105458, Russia

² Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

³ Moscow Psychological and Social University, 9A, 4 Roschinsky proezd, Moscow, 115191, Russia

⁴ Khanty-Mansiysk State Medical Academy, 40 Mira st., Khanty-Mansiysk, 628011, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra, Russia

⁵ 2900, boul. Edouard-Montpetit, Montreal, Quebec, H3T 1J4, Canada

Abstract

Introduction. Psychological and pedagogical problems of tourism, development and implementation of psychological and pedagogical maintenance of tourism are still the area of the least number of theoretical and applied studies. At the same time, tourism serves as one of the practices intensively changing the personal and social identity of an individual, which promote his development, transformation of his needs as a “person traveling” (homo tornus). This transformation leads to active changes in tourism itself, in the training of personnel for tourism. Thus, modern family and youth tourism is actively changing both in its form and content. It is increasingly recognized as a practice in which a person changes himself, coming into contact with the civilizational, historical and cultural heritage of his ancestors and the ancestors of other persons and peoples. In this regard, regional tourism is especially important as a type of domestic tourism, which involves people’s getting acquainted with different parts of the country, their nature and culture in the historical perspective as well. (Self)change and the process of getting acquainted with this heritage represent a single system in which each traveler can highlight both the cultural-educational and psychotherapeutic developmental aspects. The purpose of the research is to analyze the problems of transformation of the identity of a traveling person in the context of his contact with the civilizational heritage, in its regional dimension as well. **Results and Discussion.** Travel is an integral or fragmentary transformation of a person’s identity – understanding oneself in the world. For some people, big and small travelling become an important part of their life, they show an active interest in the civilizational heritage, its natural and cultural aspects, the desire to accumulate impressions and a detailed reflection of the travel experience as an experience of external and internal transformations. There is also a type of people who use travelling as an escape from problems. Their transformations are less intensified, but travel teaches a person to trust oneself and life, put up with difficulties and uncertainties, endure hardships and accept changes. **Conclusions.** Traveling helps an individual to change his identity, transform oneself in the direction, degree and intensity necessary for himself, and not for the world around accustomed to the old identity, its needs and desires, and his / her needs and desires.

Keywords: person traveling; family tourism; youth tourism; regional tourism; travel therapy; identity; the economy of impressions; civilizational heritage

Citation: Kuznetsova N. V., Arshinova V. V., Vladimirov N. M., Arpentieva M. R. A Traveling Person and Civilizational Heritage: Transformation of Identity in Tourism. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27. No. 3(90). Pp. 264–274. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-264-274>

Основные положения

1. Современный туризм выступает как одна из практик, интенсивно меняющих личностную и социальную идентичность человека, служащих его развитию, трансформации его запросов как человека путешествующего (homo tornus). В современной «культуре впечатлений» человек путешествующий, соприкасаясь с цивилизационным наследием своего или чужого народа, человечества в целом, проходит ряд более или менее существенных для его идентичности изменений. Такая трансформация приводит к активным изменениям в самом туризме, в подготовке кадров для туризма, которые должны быть способны к организации и осуществ-

лению отдельных процедур и целостных программ психолого-педагогического сопровождения туризма.

2. Современный туризм, помимо организации сиюминутных впечатлений, стремится к тому, чтобы туристическое или паломническое путешествие стало приобщением к цивилизационному наследию. Истинный смысл путешествия достигается в результате тотального погружения в туристическую задачу / миссию путешествия, в местное общество, его культурные традиции, ценности и повседневность. Путешествие должно быть не просто соприкосновением с новым, а погружением в культуру, в опыт цивилизации, соприкосновением с содержанием цивилизационного

наследия народа или человечества: успехов и провалов, возможностей и ограничений, ценностей и целей, смыслов и моделей повседневного и кризисного бытия, совладания и проигрыша, потерь и приобретений, поражений и побед и т. д.

3. Путешествие помогает человеку оставить позади его прошлое — важное и неважное, приятное и неприятное, понятное или непонятное, освободиться для нового опыта, принять то, что дает ему наследие цивилизации, с целью приблизиться к своей сути, сопоставить опыт цивилизационных наследий, локализовать себя в их пространстве и времени как человека с тем или иным предназначением, отраженным в персональной и социальной идентичности, задающей осознание себя как субъекта культуры, субъекта цивилизации.

4. Путешествие дает возможность сменить привычную идентичность на идентичность кочевника, путешественника, представителя другой культуры и другого времени и места, приобщиться к цивилизационному наследию того или иного народа или человечества, посмотреть на свою жизнь и себя в зеркале этого наследия, осознать и изменить себя как субъекта культуры. Сложность, многоаспектность и многонаправленность любого путешествия создают ситуации «инициации» и переходные состояния, в которых человек, терпящий неудобства и переживающий дискомфорт потерь и расставаний со старой идентичностью, приходит к новому пониманию себя и мира. В этом контексте насущной необходимостью является целенаправленная и качественная подготовка специалистов в области туризма (экскурсоводов, гидов-проводников) к организации и осуществлению психолого-педагогического сопровождения путешествий, а также специализированная подготовка психологов и педагогов для сферы туризма.

Введение

Актуальность и проблема исследования. Проблемы туризма, разработки и осуществления психолого-педагогического сопровождения туризма до сих пор остаются сферой крайне немногочисленных теоретических и прикладных исследований. Вместе с тем туризм выступает как одна из практик, интенсивно меняющих личностную и социальную идентичность человека, служащих его развитию, трансформации его запросов как человека путешествующего [1].

Такая трансформация приводит к активным изменениям в самом туризме, в подготовке кадров для туризма. Современная семейная и детско-юношеская туристика активно изменяется как по формам, так и по содержанию. Она все больше осознается в качестве практики, в которой человек изменяет себя, прикасаясь с цивилизационным, историко-культурным наследием своих предков и предков других людей и народов. В этом контексте особенно важен региональный туризм — вид внутреннего туризма, предпола-

гающий знакомство людей с разными частями страны, их природой и культурой, в том числе в исторической перспективе, т. е. с историко-культурным наследием. Особенно большие перспективы регионального туризма в рамках задач приобщения человека к цивилизационному наследию имеют при этом образовательные, духовно-религиозные, а также и психотерапевтические туры. Наибольшим потенциалом, несомненно, обладает тревел-терапия, или психотерапевтический туризм: (само)изменение и знакомство с цивилизационным наследием представляют собой единую систему, в которой каждый путешественник может выделить и культурно-образовательные, и психотерапевтически развивающие аспекты. Однако в реальности мы имеем целостную картину трансформации идентичности человека — его понимания себя в мире.

Исследования цивилизационного (культурно-исторического) наследия многочисленны, например, с точки зрения выделения общих принципов, возможностей и ограничений цивилизационной теории [2–5], анализа конфликтующих, «дуальных цивилизаций» и их пространственно-временных альтернатив [3; 6; 7]. Особенно много отечественных исследований посвящено проблемам российской цивилизации [8–11]. Надежды и опасения практиков и теоретиков сохранения цивилизационного (культурно-исторического) наследия при этом связываются со специальными практиками, включая туризм и иные культурные индустрии [12–15]. Отмечается роль наследия и его осмысления в идентичности человека и сообщества [16; 17], интеграции культурно-исторического наследия в жизнь современного региона, сохранения и развития культуры народов [15; 18; 19]. Рассматривается важность специальной, педагогической и культурно-исторической подготовки специалистов туристской сферы [16; 20; 21]. Особое внимание уделяется цивилизационному (культурно-историческому) туризму, позволяющему дать туристам всестороннее представление о сущности, историческом прошлом, культуре, обычаях, условиях жизни российской и других цивилизаций, образовательному, духовно-религиозному и психотерапевтическому туризму. При этом подчеркивается важность позитивных коннотаций в интерпретации наследия: вместо ранее доминировавшего утилитарно-нейтрального отношения важно сформировать и укрепить «личностное измерение цивилизации», научить дифференцировать «собственное» для российской цивилизации от «чужого», предотвратив бездумно механическую элиминацию «заемных смыслов» [10]. Указывается необходимость учета «бесценного опыта побед и поражений», а также «двойной защиты»: защиты собственной уникальности и гордости великими достижениями народа / цивилизации и вместе с тем «защиты от себя» от тех роковых ошибок, которые были совершены предшествующими поколениями и привели к возникнове-

нию масштабных социальных и природных катастроф [10, с. 49, 50]. Кроме того, значимым является момент взаимообусловленности (регионального) биологического и этнокультурного разнообразия, способов жизни, которая также определяет формы и характер отношений (сотрудничества или противостояния) и исторического творчества народов, событийствующих в конкретном «вмещающем ландшафте» в конкретный промежуток времени [10]. В цивилизационной теории Ф. Фернандеса-Арместо также отмечается связь природного и культурного миров и наследий народов: природная среда «замыкает» жизнь цивилизаций на те или иные ландшафты или локусы мира. Потребности людей выступают как доминанта цивилизационного развития, а «потребности» природы — как важнейшая часть жизни человека [5, с. 25–26].

Цель исследования — анализ проблем трансформации идентичности путешествующего человека (*homo tornus*) в контексте его соприкосновения с цивилизационным наследием, в том числе в его региональном измерении. Метод исследования — теоретический анализ проблем трансформации идентичности человека путешествующего в контексте соприкосновения с цивилизационным наследием.

Результаты исследования

Человек путешествующий перед лицом цивилизационного наследия. Современный туризм выступает одной из практик, наиболее интенсивно и многопланово трансформирующих человека, его личностную и социальную идентичность. Это одна из практик, служащих его развитию как личности, партнера, ученика, профессионала, практик трансформации его запросов как «человека путешествующего» [1]. В современной культуре, названной исследователями «культурой впечатлений» [22–25], формируется особый вид человека — человек путешествующий (*homo tornus*). Соприкасаясь с цивилизационным наследием своего или чужого народа, человечества в целом, он проходит ряд более или менее существенных для его идентичности изменений [26–29]. Такая трансформация приводит к активным изменениям в самом туризме, в подготовке кадров для туризма, которые должны быть способны к организации и осуществлению отдельных процедур и целостных программ психолого-педагогического сопровождения туризма [23; 26; 27].

Жизнь человека — внешнее и внутреннее путешествие внутри того цивилизационного наследия, которое сформировало и продолжает формировать человечество [1; 14; 16; 20]. Поскольку каждый человек живет в конкретном пространстве и времени, постольку эти конкретные пространство и время ограничивают его бытие, его идентичность. И периодически человек нуждается в обновлении и обогащении, т. е. в изменении — путешествии в новые места и перемещении в иные временные ситуации, включая «зону ближай-

шего развития» [30]. Такие возможности в наибольшей мере представляют тревел-терапия и многие иные виды образовательного и культурно-исторического туризма [31–33].

Давно известно, что многие проблемы жизни кажутся неразрешимыми, но проходит время и они исчезают «сами по себе»: ситуация жизни изменяется и отпадает необходимость в чем-либо. Если человек остается в такой «неизменяемой» ситуации, то он теряет ресурсы и время, но если он дает себе возможность расширить пространство и время поиска, перенести решение проблемы на иной период, то он может обнаружить, путешествуя по миру, либо важный ключ к решению проблемы, либо, вернувшись, увидеть, что проблема уже так или иначе решена или снята с повестки его жизни. Это происходит, когда меняется сам человек, а также его окружение и трансформируется сама проблемная ситуация или ситуация жизни человека в целом [34–36].

Можно выделить три типа туристов / путешественников.

1. Для путешественников или туристов первого типа состояние путешествия является временным, они путешествуют не очень далеко и нечасто, обычно во время отдыха, предпочитая всем видам туризма рекреационный. В этом случае трансформирующее влияние путешествия может быть минимальным: человек просто использует время путешествия для того, чтобы «вернуться к себе», восстановить силы, продолжить то, что он делал ранее, без существенных изменений внутреннего и внешнего мира. Вопросы психолого-педагогического сопровождения здесь стоят не слишком остро, в большинстве случаев сводятся к традиционной для туристических путешествий рекреационного типа работы гида или даже приглашенного педагога-психолога в качестве «массовика-затейника» (специалиста туристской анимации), организатора развлекательных и собственно рекреационных, физкультурных мероприятий и т. д.

2. Для путешественников второго типа путешествия становятся важнейшей частью их жизни, поводом и процессом трансформации, включая трансформацию их идентичности, ее социальной и индивидуальной (личностной) сторон. Эти люди в современных сообществах выделились в особую группу, представителя которой можно назвать человеком путешествующим (*homo tornus*). Путешествие используется для того, чтобы пересмотреть свою жизнь, измениться, вернуться в привычный мир и изменить его. Данная группа неоднородна сама по себе, но общими ее признаками, помимо регулярности туристических, паломнических и иных путешествий, являются активный интерес к цивилизационному наследию, его природным и культурным аспектам, стремление накопления и переработки впечатлений, развернутая

рефлексия опыта путешествий как опыта внешних и внутренних преобразований, особое внимание к исследованию законов и тенденций межличностных и внутриличностных отношений (самопониманию и пониманию других людей, жизни в целом), стремление к новому и выходу за рамки известного. Эта группа нуждается в создании и реализации системы целостного психолого-педагогического сопровождения туристических путешествий, в том числе и тогда, когда турист намеревается продолжить свое сотрудничество с туристическим агентством, продолжая знакомство с миром и его цивилизационным наследием.

3. Между человеком путешествующим и человеком, уделяющим путешествиям относительно небольшое время и пространство своей жизни, существует еще один тип людей, которые используют путешествие как бегство от проблем: выверенные маршруты их путешествий четко отражают синдром «хождения по кругу», в том числе по кругу личностных, межличностных и иных проблем, стремление уйти от осознания и трансформации болезненного, травмирующего опыта и т. д. Очевидно, что таких людей немало и среди тех, кто путешествует редко: сама идея путешествия, в том числе в форме пассивной рекреации или активного исследования мира, часто представляется как идея «отвлечения», переключения внимания с болезненных состояний на более приятные и, возможно, более яркие и ситуативно более значимые. Однако и эти состояния целительны и важны: некоторые проблемы предназначены для того, чтобы решиться самостоятельно, без участия человека, преподав ему урок смирения, терпения и толерантности к неопределенности и конфликтности. Здесь речь идет не столько о реализации целостных программ психолого-педагогического сопровождения, сколько о готовности и способности гида, проводника или штатного педагога-психолога туристической фирмы оказать экстренную оперативную и адресную помощь человеку, обнаружившему в своей повседневности зону травмирующих переживаний, представлений, шаблонов поведения и взаимодействия с миром.

В целом любой человек так или иначе осознает важность и пользу путешествия [1; 32; 33; 37]. Во все века путешествия являлись своего рода образом жизни — для передвижения у человека были лишь лошадь, лодка (корабль) и собственные ноги — и занимали приличное количество времени. Дух путешествий человек впитывает с раннего детства, когда слышит тексты зачинов множества волшебных сказок, притч, легенд, эпосов: все они начинаются с путешествия. Ребенок раннего возраста еще не знает ни карт, ни учебников, еще не оторвался от своего привычного знакомого мира, но уже воспринял саму идею странствий, связанные с ней трудности, лишения, приобретения и открытия. Вместе со словами родного языка

он уже воспринял эти лексемы: «странствовать», «истоптать», «отправиться в путь», «вокруг света обойти», «объехать» и т. д. Причем первые правила поведения в путешествии ребенок воспринимает именно через сказки и иные «истории для детей» (прибаутки, притчи) и позже истории для взрослых (эпосы, легенды): «накормить, напоить и спать уложить»; «баньку истопить, умыться, приодеть»; быть добрым в пути ко всему живому; помогать другим в трудную минуту; быть предусмотрительным, благодарным; выбирать попутчика и принимать того, кто дается судьбой; идти по определенному маршруту, никуда не сворачивая, и т. д. Более того, человек формирует представление о себе как о субъекте путешествия, о роли путешествия в развитии, о том, как с помощью путешествия можно и нужно искать варианты решения внутренних и внешних проблем.

Человек путешествующий выступает как самостоятельный индивид или как часть сплоченной и организованной группы, включая семью. Когда путешествие групповое, например семейное, то личный опыт все равно остается главным: внешние аспекты путешествия (маршрут, иные стороны и функции поездки) общие, а индивидуальный опыт и впечатления — общие или разделенные. В рамках целостного психолого-педагогического сопровождения туристического путешествия этот момент можно не просто отследить, а направить и интенсифицировать в интересах развития клиентов [31; 36; 37].

Помимо внешнего, индивид обычно имеет потребность во «внутреннем путешествии». Человек стремится развиваться, ищет пути стать свободнее и уравновешеннее, минимизировать негативное воздействие и последствия стрессов и травм, сформировать и поддерживать уверенность и накопить опыт совладания, побед над трудностями и проблемами внутреннего и внешнего мира. В этом контексте человек часто может стремиться неосознанно или сознательно превратить реальное, географическое путешествие во внутреннее [33–35]. Цель такого путешествия — психологическое совершенствование, оздоровление или исцеление, приобщение к новому пласту цивилизационного наследия человечества (новой культуре и ее системе ценностей, новой системе знаний и умений о человеке и жизни) и т. д.

Путешествие особенно продуктивно, когда человек осознает, что настало время перемен, повседневность «приелась» и не удовлетворяет основных потребностей и желаний [32; 36]. Трансформирующий опыт путешествия нужен, когда человеку надоели его страдания и травмы, он перестал понимать себя и мир и захотел разобраться в происшедшем, происходящем или определиться с будущим.

В туристическом путешествии практически все люди наблюдают за внешним по отношению к ним миром, учатся у него. Они расширяют палитру способов

поведения и интеракций, решают вопросы возможности и необходимости трансформаций своих ценностей и целей. Они перенаправляют и интенсифицируют свою активность, совершая ранее отложенные «на потом» поступки, или, напротив, дают себе возможность «перестать беспокоиться и начать жить». Человек становится существенно более открытым миру, он и входит в путешествие, чтобы открыться, т. е. измениться. Он движется, не зная, что будет дальше и каким он вернется домой, обычно все путешествие он находится в состоянии уязвимости, преддрешающем возможность перемен. Он исследует себя и мир в этом состоянии, будучи готовым к тем или иным переменам.

Для этого он привлекает опыт спутников, людей места и времени посещения. Он может увидеть новое направление приложения своих сил, прояснить свое предназначение, смысл своей жизни, ее ценности и цели. Такое прояснение может как пройти мимо сознания, так и стать существенным событием, открытием, переворачивающим внутренний и внешний мир человека, его социальную и индивидуальную идентичность. Тогда турист способен совершить что-либо противоречащее его старой системе ценностей и смыслов, но значимое для его развития как личности, партнера, профессионала и целостного субъекта культуры, объединяющего в себе тенденции к самоактуализации и самореализации, соответствию самому себе и миру вокруг себя.

В путешествии туристы часто получают для себя важные время и пространство самостоятельности, свободы и ответственности, аутентичности и гармонии, особенно если путешествие организуется как тревел(психо)терапия. Интересными возможностями обладают, в частности, глэмпинги как территории ритриров — интенсивного отдыха, сочетающегося с разнообразными мероприятиями культурно-исторического и природного туризма [38; 39]. Современная туристика начинает это понимать, вводя в систему подготовки гидов, проводников корпус психолого-педагогических знаний и умений, однако до целостного психолого-педагогического сопровождения еще далеко. Тем не менее для многих людей путешествие становится активатором и фактором самоактуализации, самореализации, помогает развить самопонимание и понимание мира. Оно является прекрасным способом углубить и расширить понимание себя и других людей, сформулировать и реализовать мечты, проекты, а также разрешить ранее существовавшие вопросы.

Психолого-педагогическое сопровождение туристического путешествия как процесса приобщения к цивилизационному наследию. Специалисты пишут о самых разных составляющих успешности и воздействующего потенциала путешествия [31–36].

1. Путешествия запускают и организуют процессы внешних и внутренних трансформаций в человеке как личности, партнере, ученике и профессионале. Путеше-

ствия открывают возможности и подталкивают к пониманию необходимости личностного и межличностного роста, изменений, они возвращают к себе, истинным нуждам и ценностям, важным и искренним отношениям, источникам сил и ресурсов, демонстрируют неизбежность перемен и важность их принятия как системы не только потерь, но и приобретений, выгода от которых существенно превышает теряемое или уже утерянное.

2. Путешествие как встряска стимулирует перемены и активизирует, помогая переосмыслить и осмыслить ситуации жизни, принять решение и наметить шаги к его воплощению. Путешествие есть расставание с прошлым, отжившим, ограниченным, ставшим чужим, и приобщение к более актуальному для человека миру моделей поведения, смыслов, ценностей. Оно показывает человеку, что бегство от развития, от здоровья существенно менее увлекательно, продуктивно и эффективно, чем бытие собой, постижение тайн мира. Путешествие снимает с человека груз излишней серьезности и деловитости, оно учит человека обращать внимание на «игровое ядро» его бытия, отношений с собой и миром, на те вызовы, которые имеют несколько решений и требуют выбора и ответственности.

3. Путешествие дает возможность физически, психологически, социально и нравственно подготовиться к дальнейшим стадиям жизни, преодолеть «замкнутые круги» судьбы и травмирующих состояний, разобрать «запутанные клубки» отношений и иные противоречия и барьеры личностного, межличностного, учебного и профессионального развития.

4. Путешествие подготавливает человека к неожиданностям и неопределенностям, учит терпеливо их переносить и терпимо относиться к ним, себе, другим, к ошибкам и несовершенствам в себе и других людях. Путешествие учит принимать мир, жизнь, благоговеть перед ними, их мудростью и мощью, что в полной мере связано с прикосновением к богатствам цивилизационного наследия человечества и отдельных народов.

5. В испытаниях путешествия человек сталкивается со своей уязвимостью, что дает ему возможность «исцелиться» от гордыни и ревности, а также освободиться от порождающих барьеры внутренних и внешних отношений противостояний, страхов, (само)обвинений, мести и т. д. Становясь транспарентным, т. е. равным самому себе, искренне и «прозрачно» представленным в мире, человек становится и более гармоничным, не жертвуя при этом собой, как это обычно происходит на фоне попыток быть «хорошим», «успешным» и «адекватным» вне ориентации на собственное предназначение, нужды и ценности развития (самоактуализации и самореализации).

6. Путешествие создает условия для того, чтобы получить опыт свободы и ответственности, увидеть близость страданий и наслаждения, пережить возмож-

ность самостоятельно и без помех структурировать время и место своей жизни, а также почувствовать обратную связь и иные компоненты помогающего отношения со стороны гида-проводника, других туристов и квалифицированного психолога-педагога туристической фирмы.

7. Путешествие позволяет понять относительность мира и своей роли в нем, преодолеть состояние «собственной важности», разделив в себе и мире духовное, Божественное, вечное и тварное, преходящее, незначимое. Человек может восстановить гармонию индивидуальной и социальной частей своей идентичности.

8. Путешествия делают переживания и представления человека путешествующего более яркими, расширяют поведенческий, эмоциональный, когнитивный «репертуар» человека. Они развивают его компетенции и восстанавливают, наращивают силы как личности, партнера, ученика или профессионала.

Туристические путешествия способны существенно трансформировать человека, изменить его идентичность, что требует серьезных мер и программ их психолого-педагогического сопровождения. Ярким примером являются тревел-терапия и некоторые виды туризма специальных интересов, направленные на приобщение человека к ценностям, смыслам и моделям, заложенным в цивилизационном наследии его предков, всего человечества.

Человек может успешно путешествовать, когда исцеление и внутренний рост произошли, тогда он может вернуться домой, психологически преодолев проблемы, — этот мотив путешествия является одним из основополагающих во многих видах туризма. Можно сказать, что интенсивность и частота путешествий коррелируют с интенсивностью и напряженностью поиска выхода из проблемной ситуации, выбора нового направления развития и т. д. Именно поэтому путешествие особенно целительно и важно, когда кажется, что «уже нечего терять», настоящее окружение, время и место уже изжиты, а новых еще не пришло. В тревел-терапии или в ландшафтной аналитике пространство и время туристического путешествия дают человеку опыт пограничных, переходных состояний — инициаций и трансформаций в относительно безопасной и спокойной форме, помогают пройти периоды десоциализации и ресоциализации, формирования новой идентичности взамен устаревшей [32; 33; 35]. Они связаны с многочисленными, разнотипными, в большей или меньше мере осознаваемыми переходами, прохождением границ жизни, особенно тех, что связаны с неадаптивностью и сверхадаптацией в жизни человека.

Современные исследователи туризма стремятся к тому, чтобы туристическое или паломническое путешествие стало приобщением к цивилизационному наследию [12–17]. Оно должно быть по возможности не просто соприкосновением с новым, а погружением

в культуру, в опыт цивилизации. Этот опыт — цивилизационное наследие — включает в себя успехи и провалы, возможности и ограничения, ценности и цели, смыслы и модели повседневного и кризисного бытия, опыт совладаний и проигрышей, потерь и приобретений, поражений и побед и т. д. [12; 14; 18; 19]. Истинный смысл путешествий и существенная трансформация при этом достигаются только в результате тотального погружения в туристическую задачу, миссию путешествия, включения в местное общество, его культурные традиции, ценности, бытовую и праздничную повседневность, науку, искусство, религию и иные стороны его существования. Важно, чтобы была возможность постижения новых знаний и умений, способствующих мудрости и лучшему пониманию людей, времен и мест.

Путешествие помогает человеку оставить позади его прошлое — важное и неважное, приятное и неприятное, понятное и непонятное, освободиться для нового опыта, принять то, что дает ему наследие цивилизации, с целью приблизиться к своей истинной, общечеловеческой сути, вместо того чтобы ограничиваться наследием одной народности, рода, семьи. Оно также позволяет сопоставить опыт цивилизационных наследий, локализовать себя в их пространстве и времени как человека с какой-либо миссией, предназначением, отраженным в персональной и социальной идентичности в форме представлений, переживаний и моделей поведения и интеракций, отражающих осознание себя как субъекта культуры. С новой идентичностью, достигнув большего согласия с самим собой, человек, вернувшись из путешествия, способен и готов создать измененный во многих отношениях повседневный мир. Идея трансформирующих путешествий предлагает активацию мотивации и желания жить, изменяться, любить, побуждает выходить за пределы своей обычной жизни и опыта, перемещаться от известного и привычного в новое, неопределенное и неизученное. Преобразование не является в пространстве и времени путешествия исключительно приятным занятием. Оно включает процессы выбора и принятия решения, осознания потерь и выгод прошлого способа жизни и прошлой идентичности, понимание неотвратимости и важности, ценности перемен [12; 15; 16; 19].

В результате туризма как процесса знакомства с «чужим» человек путешествующий (*homo tornus*), выступающий как субъект туристического дискурса, формирует новую часть своей компетентности и изменяет идентичность [40]. Беспрепятственное знакомство с «другим» трансформирует «свое», свою культуру, при этом каждая конкретная страна или конкретный регион — свою культуру путешествий. Даже несмотря на то что современный туризм развивается в условиях глобализации и транскультурной коммуникации, минимизирующих культурные границы и различия, пересечение культурных пространств, как отмечает

М. Тим, неоднородно: культура региона (die Kultur der Quellregion) подразумевает следование туристами как носителями культурно-специфических особенностей данного региона уже сформировавшимся нормам; культура отпуска (die Ferienkultur) отражает культурное пространство, которое создает систему поведения на отдыхе; культура оказания услуг (die Dienstleistungskultur) трансформируется на основе ценностей и правил гостеприимства; культура региона турдестинации (die Kultur der Zielregion) отражает нормы и правила жизни жителей данного региона при взаимодействии с представителями «своей» культуры. Она может трансформироваться при контакте с представителями «чужой» культуры под влиянием культуры гостеприимства [40; 41]. Таким образом, важно, анализируя проблемы трансформации идентичности туриста, рассматривать их в контексте взаимовлияний, приводящих к трансформациям идентичности и иных характеристик дестинаций и регионов посещения.

В контексте поиска идей, касающихся сопровождения туриста в развивающем его как личность, партнера и профессионала, члена социума и индивида путешествия, мы можем привести пример в области «педагогика переживаний» или педагогика приключений (другие названия — педагогика действия, экспериментальное учение, открытая педагогика (outdoor education) или «образование вне класса» и т. д.). Это направление создано педагогом-философом К. Ханом (K. Hahn), педагогом-альпинистом В. Ансольдтом (W. Unsoeld) и иными учеными и практиками в контексте задачи совершенствования образования и социальной жизни (взрослеющего) человека, а также развития общества в целом [42–44]. Основные цели педагогика приключения связаны с формированием и укреплением отношений заботы, служения и ответственности перед людьми и собой, природой и культурой, а также телесной и иной активности, спонтанности и осмысления жизненного опыта, развитием способности создавать проекты и самостоятельно воплощать их в жизнь. Переживания, впечатления при этом находятся в центре педагогической концепции, являясь основой

развития всего человека. Аналогичным образом может быть выстроена «туристика переживаний» или «туристика впечатлений»: человек путешествующий имеет шанс, приобщившись к богатствам цивилизационного наследия своего или чужого народа, человечества, измениться, трансформировать свою идентичность [45] в ходе специально разработанных программ психолого-педагогического сопровождения туризма [46–48].

Выводы

Путешествие дает человеку возможность сменить привычную ему идентичность на идентичность кочевника, путешественника, представителя другой культуры и другого времени и места, приобщиться к цивилизационному наследию того или иного народа или человечества, посмотреть на свою жизнь и свое «я» в зеркале этого наследия, осознать и изменить себя как субъекта культуры. Сложность, многоаспектность и многонаправленность любого путешествия создают ситуации «инициации» и переходные состояния, в которых человек, терпящий неудобства и переживающей дискомфорт потерь и расставаний с привычным «я», приходит к новому пониманию себя и мира. Путешествие помогает человеку изменить свою идентичность, преобразовать себя в направлении, степени и интенсивности, необходимой ему самому, а не окружающему его миру, привыкшему к старой идентичности, ее нуждам и желаниям и своим нуждам и желаниям относительно человека. На этом пути насущной необходимостью является целенаправленная и качественная подготовка специалистов в области туризма (экскурсоводов, гидов-проводников) к организации и осуществлению психолого-педагогического сопровождения путешествий, а также специализированная подготовка педагогов-психологов для сферы туризма.

Перспективы исследования связаны с анализом процессов трансформации идентичности туристов в разных типах туристических путешествий, а также с разработкой рекомендаций и программ подготовки гидов и иных сотрудников туристических фирм к организации и осуществлению программ психолого-педагогического сопровождения туристических поездок.

Список источников

1. Базалук О. А. Космические путешествия — путешествующая психика. Киев, 2012. 424 с.
2. Сорокин П. А. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия. М., 1999. С. 747–754.
3. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004. 557 с.
4. Трубецкой Н. С. Европа и Евразия. М., 2014. 301 с.
5. Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. М., 2009. 768 с.
6. Резник Ю. М. Логика «дуальных цивилизаций» и их интегральных альтернатив (опыт проектной реконструкции концепций П. А. Сорокина и А. В. Смирнова) // Проблемы цивилизационного развития. 2020. № 2(2). С. 5–29.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 868 с.
8. Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития : коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посв. 75-летию А. С. Панарина / под ред. В. Н. Расторгуева и А. В. Никандрова. М., 2016. 400 с.
9. Россия как цивилизация будущего // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. XII / под ред. Ю. М. Резника. М., 2020. 288 с.

10. *Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы* / под общ. ред. В. А. Черешнева, В. Н. Расторгуева. М., 2018. 440 с.
11. *Цивилизация, притворившаяся страной: ведущие западные аналитики о России* / ред.-сост. А. А. Сушенцов. М., 2016. 384 с.
12. Бакулина С. Д. Роль культурно-исторического наследия в развитии современных культурных индустрий // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2015. № 3(36). С. 183–187.
13. Бакулина С. Д. Специфика и способы интеграции культурно-исторического наследия в жизнь современного региона // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2015. № 2(6). С. 76–78.
14. Курьянова Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение*. 2011. № 2. С. 12–17.
15. Полякова М. А. Культурное наследие и туризм: проблемы взаимодействия и противостояния // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2017. № 10-2(31). С. 240–247.
16. Путьриков Ю. С. Туризм как фактор сохранения наследия: исторический опыт и традиции // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 311. С. 95–101.
17. Ashworth G. J. *From History to Heritage — from Heritage to Identity. Building a New Heritage. Tourism. Culture and Identity in the New Europe*. London, 1994. 340 p.
18. Бахревский Е. В., Беспалова Т. В., Закунов О. А., Миронов А. С. Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 г. Проект. М., 2016. 136 с.
19. Зайцева А. И. Модели использования объектов историко-культурного наследия в экскурсионно-познавательном туризме // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-7(62). С. 78–81.
20. Дегтяренко А. В. Культурно-историческое наследие региона в профессиональной подготовке специалистов туристской анимации : дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 131 с.
21. *Культурное наследие и устойчивое развитие туризма : мат-лы междунар. науч.-практ. конф.* / ред. З. М. Ханбабаева, А. М. Курбанова, Д. А. Гусенова, В. В. Даитов. Махачкала, 2014. 310 с.
22. Абанкина Т. Экономика желаний в современной цивилизации «досуга» // *Отечественные записки*. 2005. № 4(25). С. 115–123.
23. Ермилова Д. В., Сесёлкин А. И. Экономика впечатлений и туризм в обществе мечты // *Вестник ГУУ*. 2015. № 2. С. 85–89.
24. Йенсен Р. *Общество мечты*. СПб., 2002. 179 с.
25. Макканелл Д. *Турист. Новая теория праздного класса*. М., 2016. 280 с.
26. Малафий А. С., Фатуева А. А., Промышлова К. С. Туризм впечатлений: ресурсы и перспективы развития в Тульской области // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2019. Т. 13, № 2. С. 101–111. <http://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10209>.
27. Akinci Z. & Kasalak M. Management of Special Interest Tourism in Terms of Sustainable Tourism. *Global Issues and Trends in Tourism / Avcikurt C., Dinu M. S., Hacıoğlu N., Efe N., Soykan A., Tetik N. (eds.)*. Sofia, 2016. Pp. 177–190.
28. Pforr Ch., Dowling R., Volgger M. *Consumer Tribes in Tourism: Contemporary Perspectives on Special-Interest Tourism*. New York, 2020. 409 p.
29. Pine J. V., Gilmore J. H. *The Experience Economy: Work is Theatre & Every Business a Stage*. Boston, 1999/2005. 252 p.
30. Выготский Л. С. *Психология развития человека*. М., 2005. 1136 с.
31. Аршинова В. В., Токарь О. В., Кузнецова Н. В., Арпентьева М. Р., Киричкова М. Е., Новаков А. В. Тревел-психотерапия, или психотерапевтический туризм // *Сервис в России и за рубежом*. 2018. № 3. С. 6–24. <https://readera.ru/service-rusjournal>. <http://doi.org/10.24411/1995-042X-2018-10301>.
32. Березин С. В., Исаев Д. С. Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии. Самара, 2009. 109 с.
33. Манилов И. Ф. Психотерапевтическое путешествие в одиночку // *Семейная психология и семейная терапия*. 2015. № 1. С. 100–109.
34. Chavez M. «Levee» Signs of Hope. Bloomsbury, 2017. 176 p.
35. Diehl Gr. *Travel As Transformation*. London, 2016. 170 p.
36. Kontis N. *Going Local*. London, 2016. 252 p.
37. Арпентьева М. Р. Экскурсовод-проводник в тревел-психотерапии // *Инновации в экскурсионной работе: концепции, технологии, практика : монография. Ч. 1* / под ред. О. Е. Афанасьева. Москва, Берлин, 2020. С. 318–351.
38. Коробченко А. И., Голубчиков Г. М., Арпентьева М. Р. Психолого-педагогические возможности и ограничения глэмпинга: туризм как практика развития человека // *Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация*. 2020. Т. 5, № 4. С. 134–140.
39. Меньшиков П. В., Кузнецова Н. В., Коробченко А. И., Голубчиков Г. М., Арпентьева М. Р. Психолого-педагогические аспекты глэмпинга: туризм как практика развития человека // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2020. Т. 14. № 2. С. 38–49. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2020-10204>.
40. Новикова Э. Ю. Кросскультурное измерение аксиологии международного туристического дискурса // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 13(807). С. 3–10.
41. Thiem M. *Tourismus und kulturelle Identität. Aus politik und Zeigeschichte*. 2001. B. 47. S. 27–31.
42. Tiersch H. *Abenteuer als exempel der erlebnispädagogik*. Homfeldt H. G. (Hrsg.) *Erlebnispädagogik*. Schneider, 1993. S. 38–54.
43. Unsoeld W. *Spiritual values in wilderness. Paper. Papers of the Association for Experiential Education Conference*. Estes Park, CO, 1974. Pp. 1–10.
44. Weißbach V. *Die Erlebnistherapie von K. Hahn als Vorreiter der Erlebnispädagogik*. Munich, Germany, 2008. 84 s.
45. Арпентьева М. Р. Аллологический подход и космические путешествия в развитии человеческого сознания // *Philosophy and Cosmology*. 2015. Vol. 14. Pp. 138–152.
46. Arpentieva M. R., Gasanova R. R., Menshikov P. V. Psychological and pedagogical aspects of niche tourism in the system of additional education. *Service Plus*. 2021. Vol. 15, No. 1. Pp. 32–57.

47. Arpentieva M. R., Menshikov P. V., Kuznetsova N. V., Gorelova I. V. Esoteric tourism as a niche type of tourism: opportunities and ways of human self-improvement. *Services in Russia and Abroad*. 2020. Vol. 14, No. 5(92). Pp. 6–25.

48. Vladimirov N. M., Kuznetsova N. V., Arpentieva M. R. Psychological and pedagogical support of niche sports tourism. *Modern problems of service and tourism*. 2021. Vol. 15, No. 1. Pp. 34–48.

Поступила 22.01.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 30.06.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Bazaluk O. A. Space travel — a traveling psyche. Kiev, 2012. 424 p. (In Russ.)
2. Sorokin P. A. Main principles of civilization theory and its critics. Comparative study of civilizations. Chrestomathy. Moscow, 1999. Pp. 747–754. (In Russ.)
3. Toffler E. Shock of the future. Moscow, 2004. 557 p. (In Russ.)
4. Trubetskoy N. S. Europe and Eurasia. Moscow, 2014. 301 p. (In Russ.)
5. Fernandes-Armesto F. Civilizations. Moscow, 2009. 768 p. (In Russ.)
6. Reznik Yu. M. Logics of “dual civilizations” and their integral alternatives (the experience of project reconstruction of the concepts of P. A. Sorokin and A. V. Smirnov). *Problems of Civilizational Development*. 2020. No. 2(2). Pp. 5–29. (In Russ.)
7. Huntington S. The Clash of Civilizations. Moscow, 2003. 868 p. (In Russ.)
8. Russia as a state-civilization: higher goals and alternatives of development. Collective monograph. Materials of Jubilee international Panarin Readings devoted to A. S. Panarin’s 75th anniversary. Ed. by Rastorguev V. N., Nikandrov A. V. Moscow, 2016. 400 p. (In Russ.)
9. Russia as a civilization of the future. Issues of social theory: scientific almanac. Vol. 12. Ed. by Reznik Yu. M. Moscow, 2020. 288 p. (In Russ.)
10. Civilizational Development of Russia: Heritage, Potential, Prospects. Ed. by Chereshev V. A., Rastorguev V. N. Moscow, 2018. 440 p. (In Russ.)
11. Civilization which pretends to be a Country: Leading Western Analysts on Russia. Ed. by Sushentsov A. A. Moscow, 2016. 384 p. (In Russ.)
12. Bakulina S. D. The role of cultural and historical heritage in the development of modern cultural industries. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2015. No. 3(36). Pp. 183–187. (In Russ.)
13. Bakulina S. D. Specifics and ways of integrating cultural and historical heritage into the life of a modern region. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2015. No. 2(6). Pp. 76–78. (In Russ.)
14. Kuryanova T. S. Cultural heritage: semantic field and practice. *Bulletin of Tomsk State University. Series: Cultural and Art Studies*. 2011. No. 2. Pp. 12–17. (In Russ.)
15. Polyakova M. A. Cultural heritage and tourism: problems of interaction and confrontation. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. 2017. No. 10-2(31). Pp. 240–247. (In Russ.)
16. Putrik Yu. S. Tourism as a factor of heritage preservation: historical experience and traditions. *Bulletin of Tomsk State University*. 2008. No. 311. Pp. 95–101. (In Russ.)
17. Ashworth G. J. From History to Heritage — from Heritage to Identity. Building a New Heritage. Tourism. Culture and Identity in the New Europe. London, 1994. 340 p.
18. Bakhrevsky E. V., Bepalova T. V., Zakunov O. A., Mironov A. S. Strategy of preservation of culture and cultural and historical heritage of the peoples of the Russian Federation for the period up to 2030. Project. Moscow, 2016. 136 p. (In Russ.)
19. Zaitseva A. I. Models of using objects of historical and cultural heritage in excursion and educational tourism. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015. No. 2-7(62). Pp. 78–81. (In Russ.)
20. Degtyarenko A. V. Cultural and historical heritage of the region in the professional training of tourism animation specialists. Candidate of sciences dissertation (in Pedagogy). Moscow, 2007. 131 p. (In Russ.)
21. Cultural heritage and sustainable tourism development. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Ed. by Khanbabayeva Z. M., Kurbanova A. M., Gusenova D. A., Daitov V. V. Makhachkala, 2014. 310 p. (In Russ.)
22. Abankina T. The desire economy in the modern civilization of “leisure”. *Notes of the Fatherland*. 2005. Vol. 4(25). Pp. 115–123. (In Russ.)
23. Yermilova D. V., Seselkin A. I. Experience economy and tourism in the society of dreams. *University Bulletin*. 2015. Vol. 2. Pp. 85–89. (In Russ.)
24. Jensen R. Dream Society. St. Petersburg, 2002. 179 p. (In Russ.)
25. MacCannell D. The tourist. A new Theory of The Leisure Class. Moscow, 2016. 280 p. (In Russ.)
26. Malafiy A. S., Fatueva A. A., Promyslova K. S. Tourism of impressions: resources and development prospects in Tula region. *Service and Tourism: Current Challenges*. 2019. Vol. 13, No. 2. Pp. 101–111. <http://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10209>. (In Russ.)
27. Akinci Z., Kasalak M. Management of Special Interest Tourism in Terms of Sustainable Tourism. *Global Issues and Trends in Tourism*. Avcikurt C., Dinu M. S., Hacıoğlu N., Efe N., Soykan A., Tetik N. (eds.). Sofia, 2016. Pp. 177–190.
28. Pforr Ch., Dowling R., Volgger M. Consumer Tribes in Tourism: Contemporary Perspectives on Special-Interest Tourism. New York, 2020. 409 p.
29. Pine J. B., Gilmore J. H. The Experience Economy: Work is Theatre & Every Business a Stage. Boston, 1999/2005. 252 p.
30. Vygotskiy L. S. Psychology of human development. Moscow, 2005. 1136 p. (In Russ.)
31. Arshinova V. V., Tokar O. V., Kuznetsova N. V., Arpentieva M. R., Kirichkova M. E., Novakov A. V. Travel-psychotherapy or psychotherapeutic tourism. *Service in Russia and Abroad*. 2018. No. (3). Pp. 6–24. <http://doi.org/10.24411/1995-042X-2018-10301>. (In Russ.)

32. Berezin S. V., Isaev D. S. Landscape analytics: the experience of transdisciplinary psychotherapy. Samara, 2009. 109 p. (In Russ.)
33. Manilov I. F. Psychotherapeutic journey alone. *Family Psychology and Family Therapy*. 2015. No. 1. Pp. 100–109. (In Russ.)
34. Chavez M. "Levee" Signs of Hope. Bloomsbury, 2017. 176 p.
35. Diehl Gr. Travel As Transformation. London, 2016. 170 p.
36. Kontis N. Going Local. London, 2016. 252 p.
37. Arpentieva M. R. Tour guide in travel psychotherapy. In: Innovations in excursion work: concepts, technologies, practice. Monograph. Part 1. Ed. by Afanasyev O. E. Moscow, Berlin, 2020. Pp. 318–351. (In Russ.)
38. Korobchenko A. I., Golubchikov G. M., Arpentieva M. R. Psychological and pedagogical possibilities and limitations of glamping: tourism as a practice of human development. *Physical culture. Sport. Tourism. Motor recreation*. 2020. Vol. 5, No. 4. Pp. 134–140. (In Russ.)
39. Menshikov P. V., Kuznetsova N. V., Korobchenko A. I., Golubchikov G. M., Arpentieva M. R. Psychological and pedagogical aspects of glamping: Tourism as a practice for personal development. *Service and Tourism: Current Challenges*. 2020. Vol. 14(2). Pp. 38–49. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2020-10204>. (In Russ.)
40. Novikova E. Yu. Cross-cultural dimension of the axiology of international tourist discourse. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2018. No. 13(807). Pp. 3–10. (In Russ.)
41. Thiem M. Tourismus und kulturelle Identität. *Aus politik und Zeigeschichte*. 2001. B. 47. Pp. 27–31.
42. Tiersch H. Abenteuer als exempel der erlebnispädagogik. Homfeldt H. G. (Hrsg.) *Erlebnispädagogik*. Schneider, 1993. Pp. 38–54.
43. Unsoeld W. Spiritual values in wilderness. Paper. Papers of the Association for Experiential Education Conference. Estes Park, CO, 1974. Pp. 1–10.
44. Weißbach V. Die Erlebnistherapie von K. Hahn als Vorreiter der Erlebnispädagogik. Munich, Germany, 2008. 84 p.
45. Arpentieva M. R. Allological approach and space travel in the development of human consciousness. *Philosophy and Cosmology*. 2015. Vol. 14. Pp. 138–152. (In Russ.)
46. Arpentieva M. R., Gasanova R. R., Menshikov P. V. Psychological and pedagogical aspects of niche tourism in the system of additional education. *Service Plus*. 2021. Vol. 15, No. 1. Pp. 32–57.
47. Arpentieva M. R., Menshikov P. V., Kuznetsova N. V., Gorelova I. V. Esoteric tourism as a niche type of tourism: opportunities and ways of human self-improvement. *Service in Russia and Abroad*. 2020. Vol. 14, No. 5(92). Pp. 6–25.
48. Vladimirov N. M., Kuznetsova N. V., Arpentieva M. R. Psychological and pedagogical support of niche sports tourism. *Modern problems of service and tourism*. 2021. Vol. 15, No. 1. Pp. 34–48.

Submitted: 22.01.2022; approved after reviewing: 11.03.2022; accepted for publication: 30.06.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © М. А. Ларионова, С. В. Духновский, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-275-281

5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Креативность профессионального мышления современного преподавателя вуза

Марина Александровна Ларионова¹, кандидат педагогических наук, доцент, доцент Высшей психолого-педагогической школы Гуманитарного института; Larionova_ma@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6032-753X>

Сергей Витальевич Духновский¹, доктор психологических наук, профессор, профессор Высшей психолого-педагогической школы Гуманитарного института; dukhnovskysv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>

¹ Югорский государственный университет, 628007, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16, Россия

Реферат

Введение. Изменение темпа и качества развития современного высшего образования оказывает существенное влияние на профессионально-личностные характеристики преподавателя вуза как значимого субъекта образовательной системы, в том числе на креативность (абнотивность) его профессионального мышления. При повышении требований к полипрофессионализму современного преподавателя необходимо его постоянное движение в саморазвитии. Это возможно только при мотивационной составляющей данного процесса, когда педагог испытывает внутреннюю потребность в этом, а не просто вынуждается системой к профессиональному росту и развитию новых профессиональных компетенций. Цель — определить уровень креативности профессионального мышления современного преподавателя вуза. **Материалы и методы.** Выборку составили 48 преподавателей Омского государственного медицинского университета и Югорского государственного университета. Использованы теоретический анализ, тестирование, качественный и количественный анализ эмпирических данных. Тестирование осуществлялось с помощью Методики на определение уровня абнотивности для экспресс-диагностики профессионализма. **Результаты и обсуждение.** Противоречие обнаруживается в том, что современный преподаватель не испытывает удовлетворенности от преподавательской деятельности. Вследствие этого зафиксирован и сравнительно невысокий уровень креативности (абнотивности) мышления в изучаемой выборке. Это позволяет предположить, что необходима организация качественно и содержательно нового психолого-педагогического сопровождения самого преподавателя, поскольку как значимый субъект профессионального взаимодействия с обучающимися он определяет и картину их профессионального развития, в том числе профессионального мышления. **Выводы.** Проведение рефлексивных семинаров по акмеологической технологии снизит риски стагнации профессионального развития преподавателя, повысит качество профессионально-педагогического общения с обучающимися с учетом смешанного формата современного образования, который стал сегодня уже нормой в высшей школе.

Ключевые слова: профессионализм преподавателя; креативность профессионального мышления; психолого-педагогическое сопровождение

Для цитирования: Ларионова М. А., Духновский С. В. Креативность профессионального мышления современного преподавателя вуза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 275–281. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-275-281>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © М. А. Ларионова, С. В. Духновский, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-275-281

5.3.4 Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Creativity of Professional Thinking of a Modern University Teacher

Marina A. Larionova¹, Candidate of Sciences (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor of the Higher Psychological and Pedagogical School, Institute of Humanities; Larionova_ma@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6032-753X>

Sergey V. Dukhnovsky¹, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Higher Psychological and Pedagogical School, Institute of Humanities; dukhnovskysv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>

¹ Yugra State University, 16 Chekhov st., Khanty-Mansiysk, 628007, Russia

Abstract

Introduction. The change in the pace and quality of the development of modern higher education has a significant impact on the professional and personal characteristics of a university teacher as a significant subject of the educational system, including creativity (abnotivity) of the professional thinking of a university teacher. With increasing requirements for polyprofessionalism of a modern teacher, his constant movement in self-development is necessary. This is possible only with the motivational component of this process, when the teacher experiences an internal need for this, and is not simply forced by the system to grow professionally and develop new professional competencies. The purpose is to determine the level of creative professional thinking of a modern university teacher. **Materials and Methods.** The survey covered forty-eight teachers from Omsk State Medical University and Yugra State University. The authors used theoretical analysis, tests, qualitative and quantitative analysis of empirical data. Testing was performed via method of determining the level of abnotivity for express-diagnostics of professionalism. **Results and Discussion.** The contradiction is found

in the fact that a modern teacher is not satisfied with teaching activities. Due to this, a relatively low level of abnotivity (creativity) of thinking was recorded in the study sample. This implies the necessity of organizing a qualitatively- and content-new psychological and pedagogical maintenance for the teacher himself. Since, as a significant subject of professional interaction with students, the teacher also determines their professional development, including professional thinking. **Conclusions.** Conducting reflexive seminars on acmeological technology will reduce the risks of stagnation in the professional development of a teacher, improve the quality of professional and pedagogical communication with students, taking into account the mixed format of modern education, which has become the norm in higher education today.

Keywords: teacher's professionalism; creativity of professional thinking; psychological and pedagogical maintenance

Citation: Larionova M. A., Dukhnovsky S. V. Creativity of Professional Thinking of a Modern University Teacher. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 275–281. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-275-281>

Основные положения

1. Развитие профессионализма современного преподавателя вуза детерминируется не только желанием самого преподавателя, но и требованиями высшей школы в изменившихся социально-педагогических условиях. Профессиональная состоятельность сегодня оценивается по действительному проявлению гибкости и креативности мышления, готовности быстро и результативно решать текущие профессиональные задачи, реализовывать долгосрочные профессиональные планы и т. д.

2. Полипрофессионализм современного преподавателя вуза обеспечивает эффективную реализацию разных видов деятельности от собственно педагогической до научно-исследовательской. При этом уровень креативности становится ядром продуктивной профессионализации преподавателя. И неизбежно будет проявляться во всех аспектах и видах его работы.

3. Снижение мотивации на содержание и качественное освоение профессиональной деятельности обучающимися взаимосвязано с креативностью профессионального мышления преподавателя, качество которого проявляется в профессионально-педагогическом общении и деятельности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Динамичные изменения в высшем образовании в России и за рубежом, инновации, процессы интеграции и дифференциации в обществе влекут за собой изменение требований к субъекту труда. Преподаватель вуза как один из значимых инициаторов и исполнителей данных процессов не только становится центральной фигурой успешности преобразований, но и сам является предметом этих преобразований.

Профессионализация самого преподавателя высшей школы представляется основным направлением достижения эффективности подготовки специалистов. Несмотря на системные изменения в сфере высшего образования, ресурсом для содержательных изменений остается мотивационная активность к профессиональному развитию самого преподавателя. Это сопряжено, на наш взгляд, с действенным желанием профессионального творчества, гибкостью профессионального мышле-

ния, готовностью к развитию новых профессиональных компетенций. Сегодня, когда стремительно развиваются информационные, социальные, образовательные технологии, у преподавателя высшей школы фактически нет выбора в определении темпа профессионализации. Он должен двигаться с некоторым опережением, часто предвосхищая те вызовы, которые предъявляет жизнь. **Цель исследования** — определить уровень и практические возможности развития креативности профессионального мышления преподавателя вуза.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Обсуждение данного вопроса обращает наше внимание на креативность в профессии. Н. С. Сидаш утверждает, что «только современные молодые преподаватели способны быстро и эффективно адаптироваться к социальным преобразованиям, креативно и продуктивно работать на педагогической ниве, четко ориентироваться в общечеловеческих и педагогических ценностях, активно владеть, модернизировать и внедрять в педагогическую деятельность современные педагогические образовательные технологии» [1, с. 157–158]. На наш взгляд, это не совсем так. Да, у молодого преподавателя может быть усилена способность быстро реагировать на изменения. Однако это свойственно и преподавателю с большим опытом профессиональной деятельности в вузе, при условии его постоянного самодвижения в профессии и творческого подхода к делу.

Л. И. Анцыферова подчеркивает, что «в период личностной зрелости типы деятельности», которые способствовали развитию личности на предыдущих жизненных этапах, «интегрируются... и порождают разные типы совмещенных способов жизнедеятельности человека» [2, с. 14]. Это и происходит у преподавателя, когда творчество интегрируется с опытом и желанием обучать, воспитывать, исследовать и т. д.

Для понимания специфики развития профессионала высшей школы, которое и происходит в период зрелости личности, является необходимым учитывать разноплановость его профессиональной деятельности и системность становления в профессии [3; 4]. При этом личностная история человека значима для понимания сложности и инвариантности профессио-

нальной деятельности преподавателя вуза, субъектной направленности развития его профессионализма.

Деятельность позволяет подойти к психологическому анализу профессионализма более детально. Используя понятие «деятельность», можно проанализировать любой психический процесс, состояние, психологическое явление, дать характеристику субъекту и объекту профессиональной деятельности.

Российские психологи (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Л. Н. Собчик и др.) доказали, что развитие психики человека, да и его личности, обусловлено содержанием и структурой деятельности [5–7]. Теоретические положения, выдвинутые данными учеными, применимы и к профессиональной деятельности преподавателя высшей школы, для которого проявление творческого подхода в педагогическом, учебно-методическом, научно-исследовательском аспектах становится нормой достижения намеченного результата.

Профессиональная деятельность преподавателя вуза является базисом для развития специальных способностей к профессионально-педагогическому общению и взаимодействию с другими людьми, профессиональной рефлексии и многих других личностно-профессиональных свойств. Отметим, что отождествлять профессиональную деятельность преподавателя только с педагогическим ее аспектом некорректно, хотя сегодня именно его реализация наиболее разнообразна и сложна, требует включения всех возможностей и ресурсов личности.

Поскольку в научной литературе профессиональная деятельность преподавателя не определена либо называется профессионально-педагогической, считаем необходимым предложить собственную дефиницию. Итак, как минимум два ведущих вида деятельности преподавателя (научная и педагогическая), имеющие различные цели и объекты, обостряют проблему его профессионализации. Без их интеграции на уровне личностно-профессионального развития, на наш взгляд, невозможно достичь профессионального мастерства. И в этом могут способствовать креативность, зрелая рефлексивность преподавателя, приводящие не только к осознанию своей индивидуальной картины профессионализма, но и к поиску способов профессионального саморазвития.

Профессиональная деятельность преподавателя вуза — это «целенаправленная деятельность по подготовке специалиста высшей квалификации, развитию научного психолого-педагогического знания в области закономерностей и условий реализации образовательного процесса, разработке методологических и общенаучных проблем, стимулирующаяся стремлением к личностно-профессиональному саморазвитию» [8, с. 112].

Таким образом, профессиональную деятельность преподавателя вуза следует определять как особую, имеющую ярко выраженную специфику, складываю-

щуюся из взаимосвязи различных видов деятельности, где деятельность по личностно-профессиональному саморазвитию занимает ведущее и определяющее место.

Полипрофессионализм как качество современного преподавателя вуза, выражающееся в способности одинаково эффективно реализовывать разные по объекту и предмету виды деятельности, оставаясь при этом в субъектной позиции относительно себя, других людей и жизнедеятельности в целом, наиболее точно указывает на специфику данной профессии.

Именно поэтому мы считаем, что профессиональная деятельность преподавателя вуза требует высокой степени креативности, проявляющейся не только в постоянном обновлении содержания учебных дисциплин, отборе и модернизации методического инструментария, соответствующих современным научным и образовательным инновациям.

Почему именно креативность становится ядром продуктивной профессионализации преподавателя? Потому что она неизбежно будет проявляться во всех аспектах его работы. В научно-исследовательской деятельности в методологической компетенции через способность преподавателя усмотреть новизну научной проблемы, ее перспективность и реализацию. В научно-методической деятельности посредством выполнения прикладных разработок, в которых аккумулируются достижения современной науки и технологические подходы в образовании, возможности применять общенаучные теоретические концепции при рассмотрении частной образовательной проблемы, в обосновании образовательных инноваций. В педагогической деятельности в способности проектировать и моделировать образовательный процесс с учетом современных требований и тенденций образования в высшей школе. И наконец, в деятельности по профессионально-личностному саморазвитию в усмотрении способов самообразования как профессионала.

Креативность будет проявляться в профессиональном мышлении, затрагивая и непосредственную практическую деятельность преподавателя [9; 10]. Речь идет о профессиональном практическом мышлении, которое позволяет быстро и эффективно «считывать» затруднение и выстроить не только стратегию, но и тактику действий, достигнув наилучшего результата.

А. М. Матюшкин, исследуя теоретический аспект профессионального мышления, утверждал, что для решения практических задач деятельности необходимо как теоретическое, так и практическое мышление [11]. Во многом его развитость позволяет быть успешным в научно-исследовательской, педагогической, художественной деятельности, становясь профессиональной способностью специалиста.

По словам И. С. Суховой, «практическое мышление — мышление действующего субъекта, не только

познающего окружающий мир, но и изменяющего его своими действиями, вносящего преобразования в соответствие с задуманным идеалом» [12, с. 270].

Своеобразие каждой профессиональной ситуации требует от преподавателя нахождения нестандартных решений при ограниченном временном ресурсе. Стереотипное, ригидное мышление в этом случае не может проникнуть за непосредственно не представленную картину всех переменных возникшей ситуации. Возможность усмотрения нового и продуктивного решения при ригидности мышления преподавателя практически равна нулю. Он будет действовать по алгоритму, или, как говорят медики, по протоколу, даже осознавая, что это не приносит желаемого результата.

Такое под силу сделать только с помощью креативного профессионального мышления, способности осуществлять эвристику. Возьмем, например, педагогическую диагностику, которую преподаватель выполняет постоянно, отслеживая качество учебной и собственной педагогической деятельности. Трудно представить более сложную интеллектуальную и практическую деятельность, при которой анализируется множество объективных и субъективных показателей с высокой степенью вероятности и синергии. Креативное мышление преподавателя позволяет решить эту сложную задачу, прибегая к ресурсу профессиональной интуиции и мыследеятельности при минимальных затратах времени. Гибкость, динамичность всех когнитивных процессов преподавателя аккумулируются в профессиональных действиях преподавателя, что могут считать инновацией. Мы же полагаем, что именно так проявляется высокий уровень профессионализма преподавателя высшей школы, когда внутренняя и внешняя деятельность срабатывают в единстве, позволяя изменить педагогическую ситуацию, применить методический прием в изменившихся условиях, усмотреть переменные для доказательства научной гипотезы.

Подчеркнем, что трансформация профессионального мышления сопряжена с индивидуальным субъектным продвижением человека на пути развития общих и специальных способностей в профессии. В деятельности преподавателя, которая напрямую связана с качеством мыследеятельности, значимость интеллектуальных процессов наряду с умением внедрить результат в практику особенно высока. Тем более в современных условиях, когда академизм изменил свой формат. Быть просто интеллектуальным, эрудированным в своей профессиональной области уже недостаточно. Важно, чтобы это срабатывало в конкретной профессиональной ситуации быстро и эффективно. Можно сказать, в этом проявляется сегодня конкурентоспособность преподавателя в профессиональной среде.

Т. К. Гейбетуллаев, Р. Н. Алахкулиев, Т. К. Меркулова также обращают внимание на данный аспект профессионализма современного преподавателя [13; 14].

Именно поэтому мы решили определить уровень креативности профессионального мышления современного преподавателя вуза.

Материалы и методы

Выборку составили 48 преподавателей Омского государственного медицинского университета и Югорского государственного университета. В исследовании использованы теоретический анализ, тестирование, качественный и количественный анализ эмпирических данных. Эмпирическое изучение мышления преподавателя вуза осуществлялось нами с помощью теста, разработанного М. М. Кашаповым и Ю. А. Адушевой, который получил название «Методика на определение уровня абнотивности». М. М. Кашапов говорит «о существовании особой комплексной составляющей творческого профессионального мышления преподавателя, которая помогает ему в выявлении и развитии креативности обучаемых...» [15, с. 139]. Данную характеристику мышления авторы назвали абнотивностью.

Методика может служить как самостоятельным, так и добавочным инструментом в комплексной диагностике профессионального мышления преподавателя высшей школы. Она содержит 36 утверждений, что позволяет применять ее как экспресс-диагностику изучаемого показателя профессионализма. Перевод сырых баллов в стеновые дает возможность дифференцировать уровень абнотивности (творческой) мышления преподавателя. Качественный анализ ответов преподавателей на утверждения раскрывает доминирующую направленность мыследеятельности и креативности, а именно собственно-педагогическую, методическую и исследовательскую, интеграция которых, по нашему мнению, свидетельствует о высоком уровне профессионализма преподавателя вуза. Полученные результаты тестирования были проанализированы качественно и количественно, что позволило сделать выводы и определить перспективы дальнейшего изучения заявленной проблемы.

Результаты и обсуждение

Оценка креативности мышления преподавателя. Теоретический анализ показал, что проблема развития креативности как личностно-профессиональной характеристики современного преподавателя вуза является достаточно острой. Насколько же, действительно, показатели креативности, в частности абнотивности мышления, преподавателя высоки? Полученные данные указывают, что в современной ситуации в высшем образовании уровень креативности мышления преподавателя в основном зафиксирован на среднем уровне (5–6 стенов) и ниже среднего (7–8 стенов). Данные представлены в таблице.

Результаты тестирования фиксируют проблемную ситуацию и заставляют искать содержательные причины и способы развития креативности мышления преподавателя, максимально экологичные и включенные

Таблица. Уровень абнотивности мышления преподавателя
(Table. The Level of Abnotivity of Teacher's Thinking)

Уровень абнотивности	Число опрошенных преподавателей, %
Высокий (1–2 стена)	12
Выше среднего (3–4 стена)	18
Средний (5–6 стенов)	32
Ниже среднего (7–8 стенов)	27
Низкий (9–10 стенов)	11

в непосредственную профессиональную деятельность в высшей школе.

Отметим, что уровень абнотивности не связан с возрастом и опытом работы в высшей школе, так как сходные показатели были зафиксированы как у начинающих преподавателей, так и у тех, кто работает в вузе много лет. Скорее всего, это связано с личностью самого преподавателя, с уровнем его общих и специальных способностей. В пользу этого положения мы находим подтверждения в исследованиях других авторов, изучающих абнотивность у педагогов.

Так, М. И. Лукьянова, М. В. Губина указывают, что развитие абнотивности педагога взаимосвязано со стратегией личностного развития и способностью творчески подходить к любому делу, добиваясь высоких результатов во взаимодействии с обучающимися [9].

М. М. Кашапов, анализируя данные своего исследования, пишет: «Установлено, что среди эффективно работающих педагогов не было ни одного с низким уровнем абнотивности. В структуре успешных педагогов наиболее тесные связи выявлены между абнотивностью, рефлексивностью и творческой активностью» [15, с. 141].

Мы уже подчеркивали, что без осознания собственных профессиональных ресурсов и дефицитов вряд ли возможно продуктивное личностно-профессиональное развитие. Об адекватной рефлексивности говорят А. В. Карпов, Т. А. Климова, С. Ю. Степанов, Ю. В. Степанова, утверждая, что именно рефлексивность становится исходным психологическим фактором, позволяющим личности осуществлять самоизменение и саморазвитие, если этого требуют внешние и внутренние детерминанты профессиональной жизни [4; 10]. Таким образом, креативность взаимосвязана с рефлексивностью личности, мотивационной готовностью к саморазвитию.

Факторы, влияющие на креативность преподавателя. Анализ тестирования выявил некоторые причины и взаимосвязи недостаточного развития креативности (абнотивности) у опрошенных преподавателей. В частности, мы обратили внимание на следующее утверждение «Я получаю удовольствие от своей преподавательской деятельности». Более 60% респондентов выбрали вариант ответа «скорее нет, чем да». При положительных утверждениях на вопросы, касающиеся применения новых образовательных технологий, отслеживания инноваций в своей профессиональной сфере, многие преподаватели испытывают неудовлетворенность профессиональным трудом, что

не может не сказаться как на качестве профессиональной мотивации, так и на эмоциональном здоровье педагога высшей школы.

С. Д. Руфф, обсуждая вопрос психологического здоровья личности, отмечала, что состояние неудовлетворенности в различных сферах жизни человека указывает на снижение ресурсного потенциала и может свидетельствовать о субъективном восприятии собственного психологического неблагополучия [16]. На этот аспект обращает внимание и ряд других исследователей [17; 18]. Возможно, лавина новых требований, связанных с переходом образования в цифровой и онлайн-формат, играют в этом не последнюю роль. Преподаватель вуза, который априори взаимодействовал со студентами вне учебных занятий, был заинтересован в подготовке думающих, пытливых специалистов, вдруг превратился в ремесленника, который просто качественно выполняет государственное задание. Эту мысль подтверждает отрицательный ответ 72% респондентов на вопрос теста «Я охотно провожу дополнительные занятия с теми студентами, которые в этом заинтересованы». Конечно, можно предположить, что и сами обучающиеся не высказывают заинтересованности в дополнительных занятиях. Но это лишь позволяет судить о снижении мотивационной составляющей профессиональной деятельности, некоем выхолащивании самой сути высшего образования, нацеленного на подготовку специалиста, способного справляться с любыми нестандартными профессиональными ситуациями. Это напрямую связано с гибкостью и креативностью профессионального мышления, которое формирует именно преподаватель посредством качественного профессионально-педагогического общения [19; 20].

Таким образом, качественный анализ полученных данных позволяет вести речь о том, что уровень развития абнотивности преподавателя взаимосвязан с качеством мотивации, рефлексивности, а также со снижением психологического благополучия личности на фоне неудовлетворенности трудом.

На наш взгляд, на эту сторону проблемы нужно обратить пристальное внимание при повышении квалификации преподавателя вуза. И прежде всего, не только на то, какими цифровыми технологиями он овладел, сколько рабочих программ написал, хотя это, безусловно, важно с учетом современных требований и темпов модернизации образовательной среды. Значимость реализации в образовательной среде вуза действенных технологий психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного благополучия самого преподавателя очень высока. И именно этот аспект обновления и здоровьесбережения необходимо поставить на одно из первых мест, чтобы сохранить кадровый потенциал высшей школы. И если мы говорим о сниженном уровне креативности преподавателя, то и по-

высить его можно посредством творческих приемов и способов, деловых игр, в которых творческая активность «включается» механизмами заинтересованности, профессионального азарта, командного духа.

Значимость организации психолого-педагогического сопровождения посредством организации различных развивающих мероприятий, например рефлексивных семинаров, технологию которых мы предлагали в своих работах [6], усиливается. Нахождение новых способов сопровождения преподавателя в профессии сегодня необходимо для выхода российского высшего образования на качественно иной уровень [21].

Выводы

Изменение современного образования требует от преподавателя высшей школы проявления динамичности и высокого уровня обучаемости инновациям.

Профессиональная подготовка обучающихся ориентирована на то, чтобы вчерашний студент мог

сразу встроиться в реалии профессиональной деятельности, проявляя себя как высококвалифицированный специалист, способный решать нестандартные профессиональные ситуации креативно и качественно.

При этом, как показало наше эмпирическое исследование, у 59% преподавателей абнотивность профессионального мышления едва достигает среднего уровня, что не может не сказаться на качестве личностно-профессионального развития данной характеристики и у обучающихся.

Перспективы. Изучение и выявление ведущего фактора в развитии креативности преподавателя вуза, снижение рисков, связанных с психологическим здоровьем педагога высшей школы, позволят разработать программу профилактики и сопровождения процесса профессионализации, актуализировать проблему профессионально-педагогического общения, посредством которого происходит личностно-профессиональное развитие всех субъектов образовательной системы.

Список источников

1. *Сидаш Н. С.* Характеристика подходов к определению педагогического сознания будущих преподавателей высших школ // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2015. № 3(8). С. 57–160. <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-podhodov-k-opredeleniyu-pedagogicheskogo-soznaniya-buduschih-prepodavateley-vysshih-shkol/viewer> (дата обращения: 30.04.2022).
2. *К психологии личности как развивающейся системе* // Психология формирования и развития личности : коллективная монография / под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1981. С. 3–19.
3. *Белова С. С.* Креативность и управляющие функции: обзор зарубежных дифференциально-психологических исследований // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 4. С. 44–54. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100404>.
4. *Степанов С. Ю., Климова Т. А., Степанова Ю. В.* Проблематика полилогизма и рефлексии в современном образовании // Современные векторы развития образования: актуальные проблемы и перспективные решения : сб. науч. тр. XI междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М., 2019. Ч. 1. С. 33–40. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38242369> (дата обращения: 20.04.2020).
5. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 186 с.
6. *Рубинштейн С. Л.* Самосознание личности и ее жизненный путь // Психология личности : хрестоматия / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. М., 1982. С. 127–131.
7. *Собчик Л. Н.* Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2003. 624 с.
8. *Ларионова М. А.* Психология профессионализма преподавателя высшей школы. М., 2009. 184 с.
9. *Лукьянова М. И., Губин М. В.* Развитие абнотивности педагога // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 5. С. 98–99. <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=11600> (дата обращения: 01.06.2022).
10. *Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В., Филиппова Ю. В.* Специфика метакогнитивной регуляции образовательной деятельности в условиях применения компьютерных средств обучения // Перспективы науки и образования. 2021. № 5(53). С. 334–353. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.5.23>.
11. *Матюшкин А. М.* Психологические предпосылки творческого мышления (По автобиографическим материалам П. А. Флоренского) // Мир психологии. 2001. № 1(25). С. 128–141. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38534239> (дата обращения: 02.03.2022).
12. *Сухова И. С.* Профессиональное мышление: теоретическое и практическое // Весенние психолого-педагогические чтения : мат-лы V всерос. науч.-практ. конф. Астрахань, 2021. С. 268–271.
13. *Гейбетуллаев Т. К., Алахкулиев Р. Н.* Исследования проблемы развития профессионального мышления в отечественной психологии // Весенние психолого-педагогические чтения : мат-лы V всерос. науч.-практ. конф. Астрахань, 2021. С. 242–245.
14. *Меркулова Т. К.* Возможности развития профессионального мышления педагога в современном мире // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2021. № 52(31). С. 230–233. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46463343> (дата обращения: 02.03.2022).
15. *Кашапов М. М.* Абнотивность как характеристика профессионализации мышления педагога // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29, № 2. С. 137–147. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2019-29-2-137-147>.
16. *Ryff C. D., Keyes C. L. M.* The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69, No 4. Pp. 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>.
17. *Gomez Ortiz V., Perilla-Toro L. E., Hermosa A. M.* Health Risk for University Professors Associated to Occupational Psychosocial Risk Factors. *Universitas Psychologica*. 2019. Vol. 18, No 3. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.11144/javeriana.upsy18-3.rspu>.
18. *Абульханова-Славская К. А., Славская А. Н., Леванова Е. А., Пушкарева Т. В.* Общие подходы к изучению личности // Педагогика и психология образования. 2018. № 4. С. 178–190. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36776713> (дата обращения: 20.04.2020).

19. Вертгеймер М. Продуктивное мышление / пер. с англ. С. Д. Латушкин / под общ. ред. С. Ф. Горбова и В. П. Зинченко. М., 1987. 336 с.

20. Wang Y. & Wang L. Self-construal and creativity: The moderator effect of self-esteem. *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 99. September. Pp. 184–189. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.086>.

21. Булгаков В. В. Исследование мнения профессорско-преподавательского состава вуза МЧС по вопросам профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 87–94. <https://orcid.org/10.24412/1999-6241-2022-188-87-94>.

Поступила 13.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Sidash N. S. Characteristics of approaches to the definition of pedagogical consciousness of future higher school teachers. *National Association of Scholars*. 2015. No. 3(8). Pp. 57–160. <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-podhodov-k-opredeleniyu-pedagogicheskogo-soznaniya-buduschih-prepodavateley-vysshih-shkol/viewer> (accessed data: 30.04.2022). (In Russ.)

2. Antsyferova L. I. To personality psychology as a developing system. *Psychology of personality formation and development*. Collective monograph. Ed. by Antsyferova L. I. Moscow, 1981. Pp. 3–19. (In Russ.)

3. Belova S. S. Creativity and management functions: review of foreign differential psychological studies. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2021. Vol 10, No. 4. Pp. 44–54. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100404>. (In Russ.)

4. Stepanov S. Yu., Klimova T. A., Stepanova Yu. V. Problems of polylogism and reflection in modern education. Modern directions of educational development: current problems and perspective solutions. Collected papers of the 11th international scientific and practical conference. In two parts. Moscow, 2019. Pp. 33–40. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38242369> (accessed data: 20.04.2020). (In Russ.)

5. Leont'ev A. N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow, 1975. 186 p. (In Russ.)

6. Rubinstein S. L. Personality self-consciousness and its life way. *Personality Psychology*. Ed. by Gippenreiter Yu. B. et al. Moscow, 1982. Pp. 127–131. (In Russ.)

7. Sobchik L. N. The psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics. St. Petersburg, 2003. 624 p. (In Russ.)

8. Larionova M. A. Psychology of professionalism of university teacher. Moscow, 2009. 184 p. (In Russ.)

9. Luk'yanova M. I., Gubin M. V. Development of teacher's abnotivity. *International Journal of Experimental Education*. 2017. No. 5. Pp. 98–99. <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=11600> (accessed data: 01.06.2022). (In Russ.)

10. Karpov A. V., Karpov A. A., Markova E. V., Filippova Yu. V. Specifics of metacognitive regulation of education-related activity under the conditions of using computer educational tools. *Prospects of Science and Education*. 2021. No. 5(53). Pp. 334–353. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.5.23>. (In Russ.)

11. Matyushkin A. M. Psychological prerequisites of creative thinking (on autobiographical materials of Florensky P. A.). *The World of Psychology*. 2001. No. 1(25). Pp. 128–141. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38534239> (accessed data: 02.03.2022). (In Russ.)

12. Sukhova I. S. Professional thinking: theory and practice. Spring psychological and pedagogical Readings. Proceedings of the 5th All-Russian scientific and practical conference. Astrakhan', 2021. Pp. 268–271. (In Russ.)

13. Geibetullaev T. K., Alakhkuliev R. N. Studies of the problem of development of professional thinking in national psychology. Proceedings of the 5th All-Russian scientific and practical conference. Astrakhan', 2021. Pp. 242–245. (In Russ.)

14. Merkulova T. K. Opportunities for development of teacher's professional thinking in the modern world. *The Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University*. 2021. No. 52(31). Pp. 230–233. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46463343> (accessed data: 02.03.2022). (In Russ.)

15. Kashapov M. M. Abnotivity as the characteristics of professionalization of teacher's thinking. *The Bulletin of Udmurt University*. 2019. Vol. 29, No. 2. Pp. 137–147. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2019-29-2-137-147>. (In Russ.)

16. Ryff C. D., Keyes C. L. M. The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69, No. 4. Pp. 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>.

17. Gomez Ortiz V., Perilla-Toro L. E., Hermosa A. M. Health Risk for University Professors Associated to Occupational Psychosocial Risk Factors. *Universitas Psychologica*. 2019. Vol. 18, No. 3. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.11144/Javeriana.upsy18-3.rspu>.

18. Abulkhanova-Slavskaya K. A., Slavskaya A. N., Levanova E. A., Pushkareva T. V. General approaches tin the study of personality. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2018. No. 4. Pp. 178–190. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36776713> (accessed data: 20.04.2020). (In Russ.)

19. Wertheimer M. Productive thinking. Transl. from English by Latushkin S. D. Ed. by Gorbov S. F., Zinchenko V. P. Moscow, 1987. 336 p. (In Russ.)

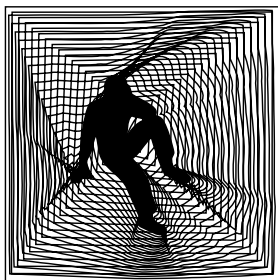
20. Wang Y. & Wang L. Self-construal and creativity: The moderator effect of self-esteem. *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 99. September. Pp. 184–189. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.086>.

21. Bulgakov V. V. Survey on the teaching staff of the educational institution of EMERCOM regarding the issues of professional activity. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 87–94. <https://orcid.org/10.24412/1999-6241-2022-188-87-94>. (In Russ.)

Submitted 13.05.2022; approved after reviewing: 25.05.2022; accepted for publication: 30.05.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Психологические аспекты напряженности и конфликтологии

Psychological aspects of tension and conflict resolution

Научно-практическая статья

УДК 159 © А. Карпава, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-282-290

5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология

Белорусская иммиграция и влияние пережитых кризисов на процесс интеграции в Испании

Алена Карпава¹, доктор в мире, конфликтах и демократии, кафедра педагогики, факультет образовательных наук и спорта; akarpava@ugr.es; <https://orcid.org/0000-0003-4887-2361>

¹ Университет Гранады-Кампус Мелилья, ул. Сантандер, 1, 52071, Мелилья (Испания)

Реферат

Введение. Процессы русификации, чернобыльская ядерная катастрофа, распад СССР оставили глубокий след в истории белорусского народа, подвергнув людей хронической миграции, представленной в самых разнообразных ее формах: «волоковой», внутренней экологической, «диванной», внешней. Рассматривается кризис множественной идентичности белорусских иммигрантов, выходцев постсоветского пространства, проживающих в Гранаде (Испания), который сравнивается с кризисом постсоветских мигрантов, проживающих в Российской Федерации. **Материалы и методы.** Использовался кейс-метод (метод ситуационного анализа). Метод сбора данных — полуструктурированное и глубинное интервью, которое было применено к выборке из восьми белорусских иммигрантов, проживающих в Гранаде. Проанализированы диссертации, опубликованные на русском языке в 2003–2016 гг., и научная литература. **Результаты и обсуждение.** Выявлена озабоченность по поводу развития конфузной идентичности у постсоветского населения, проявляющейся как кризис множественной идентичности у белорусских иммигрантов, проживающих в Гранаде. Развитие кризиса идентичности отличается у населения, оставшегося на территории бывшего СССР, и у людей, которые эмигрировали. Это результат внедрения разных государственных программ межкультурной интеграции. В России задействованы программы воспитания гражданственности и патриотизма, а в иммиграционной среде (Испания) — программы инкультурации. Постсоветское население, проживающее в СНГ, находится в процессе формирования своей новой идентичности в соответствии с иными социальными, культурными, этническими, национальными, территориальными стандартами. В России опасность замены локальной идентичности глобальной искореняется политикой патриотического воспитания. **Выводы.** Многократное воздействие кризисов, отсутствие чувства безопасности жизненного проекта приводят к конфузной идентичности, рассматриваемой как противостояние социокультурным ценностям и нормам постсоветской среды, что порождает аномию, отчуждение и маргинализацию. Кризис множественной идентичности у постсоветского населения проявляется в значительной степени в манифестации национальной, территориальной, культурной, социальной, языковой идентичности на когнитивном, эмоциональном, поведенческом и этнодифференциальном уровнях как в стране иммиграции, так и в стране происхождения.

Ключевые слова: экологическая миграция; «диванная миграция»; постсоветская миграция; кризис множественной идентичности

Для цитирования: Карпава А. Белорусская иммиграция и влияние пережитых кризисов на процесс интеграции в Испании // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 282–290. <http://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-282-290>

Scientific and Practical Article

UDK 159 © A. Karpava, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-282-290

5.3.5 Social Psychology, Political and Economic Psychology

Belarusian Immigration and the Impact of Past Crises on the Process of Integration in Spain

Alena Karpava¹, Doctor of Peace, Conflicts and Democracy, Chair of Pedagogy, Faculty of Educational Sciences and Sport; akarpava@ugr.es; <https://orcid.org/0000-0003-4887-2361>

¹ University of Granada, Campus Melilla, 1 Via Santander, Melilla, 52071, Spain

Abstract

Introduction. Processes of Russification, Chernobyl nuclear disaster, dissolution of the Soviet Union left a deep mark on the history of the Belarusian people, subjecting them to chronic migration, presented in its most diverse forms: internal ecological migration, "armchair" migration, external migration. Under consideration is the crisis of multiple identities of Belarusian immigrants, expatriates from the post-Soviet space, living in Granada (Spain), which is compared with the crisis of post-Soviet migrants living in the Russian Federation. **Materials and Methods.** The author uses case-study method. The method of data collection, precisely, semi-structured and in-depth interview was employed for a sample of eight Belarusian immigrants living in Granada [1]. To reveal possible similarities and differences of manifestation of crisis of multiple identities among migrants from the post-Soviet space, who have not left the territory of the Russian Federation, a research was undertaken concerning the situation of studying the issue of crisis of multiple identities among post-Soviet immigrants who live in Russia. Scientific literature and dissertations published in Russian from 2003 to 2016 were analyzed. **Results and Discussion.** The author reveals the concern about the development of confused identity in post-Soviet population, which is manifested as the crisis of multiple identities among Belarusian immigrants living in Granada. The development of the crisis of identity is different among population who have not migrated from the territory of the former USSR and those who have. This resulted from the implementation of different state programmes for cross-cultural integration. In Russia, programmes for cultivating civic consciousness and patriotism are introduced, in immigrants' environment (Spain) — programmes for acculturation. Post-Soviet population who live in the Commonwealth of Independent States is in the process of formation of their new identity in accordance with new social, cultural, ethnical, national and territorial standards. In Russia, a dangerous substitution of local identity by the global one is eradicated via policy of patriotic education. **Conclusions.** Multiple influence of crises, lack of sense of security of the life project lead to confused identity considered as the confrontation with socio-cultural values and norms of the new post-Soviet environment, which gives rise to anomie, alienation and marginalization. The crisis of multiple identities among post-Soviet population is primarily revealed in manifestation of national, territorial, cultural, social and language identity at the cognitive, emotional, behavioural and ethno-differential levels both in the country of immigration and the country of origin.

Keywords: ecological migration; armchair migration; post-Soviet migration; crisis of multiple identities

Citation: Карпова А. Belarusian Immigration and the Impact of Past Crises on the Process of Integration in Spain. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 282–290. (In Russ.) <http://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-282-290>

Основные положения

1. Беккеновская эпоха «конца других», или бауманская «текущая современность», требует приспособляемости к головокружительным изменениям, индивидуализму, соперничеству, лишению стабильности и надежности. Мигранты постсоветского пространства являются одним из примеров приспособления к этой новой реальности.

2. Наблюдаются некоторые сходства и различия в развитии кризиса множественной идентичности у постсоветского населения, проживающего как вне [1], так и на территории бывшего СССР. Заметны общие черты конфузной идентичности. В то время как постсоветские иммигранты, проживающие на территории России, находятся в процессе формирования своей новой идентичности в соответствии с иными социокультурными, этническими, национальными, территориальными, политическими, экономическими стандартами. Иммигранты, покинувшие постсоветское пространство, являются консерваторами конфузной идентичности. У них замечено отсутствие заинтересованности в восстановлении какой-либо этнической, национальной или социокультурной идентификации со страной происхождения.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Постчернобыльская эпоха, по выражению Ульриха Бека [2], — это эпоха «конца других», отмеченная абсурдностью реальных и символических

границ. Это также эпоха общества риска [2], общества страха, устойчивость которого возможна только в рамках текущей современности [3]. Глобальность подвергает людей хронической миграции, которая выходит за рамки политических, экономических и экологических причин, проявляется во все более широком спектре миграционных форм, включая академическую миграцию или жизнь в движении фрилансеров. При этом больше всего страдают группы, не имеющие опыта рыночного предпринимательства. Между тем их стремление к устойчивому жизненному проекту вызывает страх у коренного населения, бессознательно воспринимающего угрозу со стороны глобальных сил, устанавливающих правила игры, часто абсурдные, нарушить которые оно не в состоянии [4].

Что касается хронической миграции, то она влечет за собой определенные последствия, такие как кризис идентичности [5], или конфузная идентичность [6]. О кризисе идентичности мы можем говорить не только как о проблеме формирования личности в подростковом возрасте, но и как об одной из фаз «миграционной скорби», наблюдаемой в процессе иммиграции [5; 7–9], или состоянии «диванной миграции» [1], затронувшей постсоветское население после распада Советского Союза. Население, отождествляемое с суперэтносом «Я из СССР», до сих пор ощущает потерю своих корней в результате социальных, культурных, политических, экономических и экологических изменений, происшедших после распада государства.

В нашем исследовании мы задались вопросом, сходно ли проявление конфузной идентичности у белорусских иммигрантов (восточных славян), проживающих на момент проведения исследования (2013–2016 гг.) в дальнем зарубежье (Гранада, Испания), и населения постсоветского пространства, эмигрировавшего из ближнего зарубежья в Россию.

Данная работа основана на предыдущем исследовании [1] качественного характера, центром которого была белорусская иммиграция в Гранаде (Испания), и изучении вопроса о кризисе множественной идентичности у постсоветских иммигрантов, проживающих на территории России, проведенного путем описательного анализа диссертаций, защищенных в период 2003–2016 гг. в России.

В ходе первого исследования мы заметили, что респонденты отдают предпочтение ассимиляции или «отрицательной реакции на желание сохранить культурную идентичность страны происхождения и положительной реакции на мультикультурный контакт» [10], проявляя признаки кризиса множественной идентичности (национальной, территориальной, культурной, социальной, языковой), выражающегося на когнитивном, эмоциональном, поведенческом и этнодифференцирующем уровнях [11]. Интервьюируемые демонстрируют частичный отказ от языка (русского и белорусского) в пользу испанского; от культурных практик страны происхождения; избегают контактов с русскоязычными иммигрантами; редко посещают страну происхождения; отвергают идею возврата; в их практике отсутствуют денежные переводы в Беларусь; респонденты, рожденные на территории РФ, отрицают белорусское гражданство, приобретенное по праву проживания в Белоруссии во время распада СССР, в пользу российского или испанского; наблюдается отказ от страны происхождения из-за экологического загрязнения после чернобыльской катастрофы [12].

Отречение от славянского начала, свойственное уже первому поколению иммигрантов, мы связываем не только с трудностями миграционного процесса, но и с проблемой кризиса идентичности постсоветского населения, порожденного исчезновением знакомой реальности. Это отречение препятствует процессу интеграции. Все опрошенные отдают предпочтение ассимиляции в принимающей культуре, дистанцируясь с каждым годом все больше от культуры страны происхождения. Предполагаем, что кризис идентичности мигрантов постсоветского пространства является реакцией на кризисы, унаследованные, с одной стороны, в стране происхождения, а с другой — приобретенные в принимающей стране. Эти хронические кризисы сказываются на личности и ее способности

интегрироваться в новом изменяющемся социальном пространстве.

Материалы и методы

Данное исследование проводилось в два этапа. На первом этапе исследование выполнялось в рамках качественной методологии и имело биографически-нарративный характер. Использовался кейс-метод (метод ситуационного анализа). В качестве метода сбора данных применялись полуструктурированное и глубинное интервью, в котором участвовали восемь белорусских иммигрантов, проживающих в Гранаде [1]. Первая часть работы была посвящена анализу влияния программ временного приема белорусских граждан, пострадавших от чернобыльской аварии, на образование белорусской диаспоры в Гранаде (Испания). В этих целях опрашивались восемь женщин в возрасте от 19 до 53 лет из тридцати девяти белорусских иммигрантов, зарегистрированных в провинции Гранада на момент исследования. В связи с феминизацией изучаемой миграции установить контакт с представителями мужского пола не удалось. Хотя все респонденты имели белорусское гражданство, только двое родились в Республике Беларусь. Все они участвовали в гуманитарных программах временного приема лиц, пострадавших от чернобыльской катастрофы. У всех наблюдались признаки кризиса идентичности.

На втором этапе было проведено исследование состояния изучения вопроса о кризисе множественной идентичности у постсоветских иммигрантов, проживающих на территории России. Для этого проанализированы докторские и кандидатские диссертации, опубликованные на русском языке в 2003–2016 гг. Библиографические источники были взяты из электронной библиотеки научных работ Российской Федерации¹. Исследование структурировалось по следующим этапам: 1) постановка задачи; 2) поиск кандидатских и докторских работ по изучаемой теме; 3) кодирование данных; 4) анализ и обсуждение результатов. Сравнительный анализ показал существование некоторых совпадений в проявлении конфузной идентичности белорусских иммигрантов, проживающих в Гранаде, и населения постсоветского пространства, эмигрировавшего из ближнего зарубежья в Россию.

Результаты и обсуждение

1. Кризисы, унаследованные в стране происхождения

1.1. «Волоковая» миграция. Первый кризис бессознательного характера шесть из восьми опрошенных иммигрантов пережили во время «волоковой» миграции, будучи несовершеннолетними. Этот период связан с их переездом вместе с родителями в Республику Беларусь из России, Казахстана и Кубы. Родители троих респондентов состояли в смешанном браке:

¹ DISSERS.RU (2015). Virtual Library of the Russian Federation of Scientific Production. <http://www.dissers.ru/>.

мать была родом из России или Белоруссии, а отец казахского (один) или кубинского (в двух семьях) происхождения. В остальных трех случаях оба родителя были русского происхождения. Во время развития СССР они были отправлены в Республику Беларусь по программе переселения государственных служащих.

1.2. *Внутренняя миграция как результат чернобыльской аварии.* Второй кризис связан с чернобыльской ядерной катастрофой [1]. Респонденты, которые во время аварии проживали в Гомельской и Могилевской областях, в местах наибольшего радиоактивного загрязнения, стали частью внутренней экологической миграции на территории Беларуси [13]. Причиной этого миграционного процесса был поиск экологической безопасности, хотя это перемещение не решило проблему длительной экспозиции воздействия низких доз радиации. А. В. Яблоков утверждал, что радиоактивное облако затронуло все северное полушарие, достигнув американского континента [13]. По оценкам автора, число людей, пострадавших от радиоактивного загрязнения, составляет более 400 млн человек во всем мире.

В научных работах проблемы перемещения людей по экологическим причинам связывают и с изменением климата (деградация земель, опустынивание и засуха; стихийные бедствия и экстремальные погодные явления; повышение уровня моря и наводнения). По мнению ООН, существуют и социоэкономические причины экологических миграций, такие как промышленные аварии и загрязнения окружающей среды антропогенными выбросами; урбанизация и возведение инфраструктуры или конфликты, связанные с борьбой за природные ресурсы. Группы людей, переселяющиеся в связи с указанными обстоятельствами, рассматриваются как экологические мигранты, экологические беженцы, вынужденные эмигранты по экологическим причинам, климатические беженцы, экологически перемещенные лица и т. д. [12]. Однако ни один из этих терминов не передает всех деталей положения тех, кто пострадал от ядерной аварии [1].

В первые годы после аварии этот вид миграционного процесса носил явно вынужденный характер. Понимая, что окружающая среда серьезно повреждена, население «бежало от худшего», чтобы спасти свои жизни, не имея времени ни на принятие решений, ни на обдумывание своей судьбы или места назначения будущей миграции. Сравнивая таких мигрантов с беженцами, можно провести следующую аналогию: это лицо, которое по экологическим соображениям покинуло страну происхождения без возможности вернуться, поскольку его жизни угрожает опасность из-за воздействия радиоактивных веществ, которые могут вызвать онкологические заболевания или другие проблемы как у самого человека, так и у его потомства. Кроме того, страна не может предоставить ресурсы для обеспечения надлежащей защиты, поэтому нет

и шансов на безопасное возвращение. Отсюда следует вывод о близости положения экологического мигранта, ставшего жертвой промышленной аварии, и беженца. Однако это утверждение не имеет прочного правового обоснования. Первые могли бы пользоваться защитой Конвенции 1951 г. только в том случае, если деградация окружающей среды была бы связана с каким-либо преследованием, например, если бы они были признаны жертвами неадекватного управления страной.

В данном случае уместно применение термина «экологическое выселение», под которым мы подразумеваем лишение человека всех надежд на достижение желаемого благосостояния в его обычной среде, находящейся под влиянием побочных эффектов атомной промышленности, оказывающей непоправимое воздействие на экологические, физические, социальные, экономические, культурные условия пострадавшего региона [1]. Эта форма миграции также включает осознание «быть отвергнутым в юридическом смысле; быть забытым — не быть отраженным в научных исследованиях или не заслуживать внимания государственной политики; быть изгнанным — в смысле лишением безопасного пребывания на месте своего обычного проживания и безопасного использования своей земли; или быть изгнанным из-за неблагоприятных экологических условий, а также неадекватного политического управления» [1]. Чернобыльская катастрофа повернула вспять как частные жизни людей, так и курс всей страны.

1.3. *«Диванная миграция».* Третий кризис связан с распадом Советского Союза в 1991 г. Опрошенные, особенно русского происхождения, чувствовали себя иностранцами в собственном доме. Под термином «эмиграция на диване» мы подразумеваем события, которые выпали на долю жителей Республики Беларусь сразу после распада СССР. В очень ограниченном промежутке времени граждане, отождествляемые с советским супер-этносом, эмигрировали, не выходя из своих квартир, из Белоруссии (Советской Социалистической Республики) в незнакомую страну — Беларусь, имеющую новые символы: конституцию, флаг, режим правления, язык, традиции, верования, рыночные отношения и т. д. Годы распада СССР привели к дифференциации этнической и национальной идентичности. Так, в Беларуси происходит разделение между новой «беларусской» этнической идентичностью, происходящей от топонима «Беларусь», независимой страны с 1991 г., и «белорусской» этнической идентичностью, характерной для Белоруссии — республики, входящей в состав СССР. Замешательство бывших советских граждан по поводу собственной идентификации особенно стало заметно при оформлении документов в дальнем зарубежье.

2. Приобретенные кризисы в принимающей стране

В начале нового тысячелетия миграционная история опрошенных привела их к новому проекту к

внешней миграции в Испанию. В принимающей стране к развитию конфузной идентичности добавляется «миграционная скорбь» [5], проявляющаяся в виде ситуаций психологических и социальных потерь, которые могут переживаться как «простая скорбь», когда принимающее общество способствует адаптации мигранта и развитию его жизненного проекта, или как «сложная скорбь», когда личные, социальные, политические, экономические обстоятельства затрудняют переживание потерь. Solano y Aubía [5], опираясь на теорию Brink y Saunders, описывает четыре этапа «сложной скорби»: 1) медовый месяц, 2) депрессивная стадия, 3) адаптация и 4) полный отказ от культуры происхождения.

Опрошенные женщины столкнулись с длительным и трудным «депрессивным этапом», который был усугублен предыдущими потерями и сопровождался разочарованием в том, что первоначальные ожидания нового миграционного процесса себя не оправдали. Испания не оказалась идиллическим местом проживания и собственного развития. Респонденты испытывали чувство утраты, сталкивались с конфликтами из-за проблем с жильем, с трудностями в связи с профессиональным развитием, подтверждением дипломов, несовершенным владением испанским языком, недостаточным признанием принимающего общества, подверженностью предрассудкам и т. д. Этот этап привел к сложностям процесса психологической адаптации к новой среде, вызвав чувство деперсонализации и деидентификации с новой реальностью.

В стадии адаптации респонденты смогли обдумать и взвесить преимущества иммиграционного процесса, сознательно принимая все эмоциональные и культурные потери. Однако интеграция тех, кто стремился к интеллектуальному и профессиональному признанию, была осложнена, в частности, из-за отсутствия сотрудничества со стороны принимающего общества, которое оценивает иммигранта через укоренившиеся стереотипы, а не через его способности и возможность внести свой вклад в развитие принимающей страны.

Стремясь быть принятыми, респонденты предпочли «отказаться от культуры страны происхождения» уже в первом поколении иммигрантов, хотя, по утверждению Solano y Aubía [5], этот этап больше свойственен второму поколению. Такое «отторжение» имеет форму кризиса множественной идентичности, который возникает в значительной степени на когнитивном, эмоциональном, поведенческом и этнодифференциальном уровнях [11; 14]. При этом отвергаются все достижения страны происхождения, становится очевидным дискомфорт пребывания в стране происхождения; развивается сложная система ценностей и чувств к принимающей культуре, отрицающая всякую языковую, культурную, социальную, территориальную связь со страной эмиграции.

3. Развитие кризиса идентичности

Социальные, политические, экономические, экологические процессы, постоянная реконструкция жизненного проекта усилили у опрошенных проявление кризиса множественной идентичности. В соответствии с пятой фазой универсальной модели личностного развития человека формирование устойчивой конфузной идентичности происходит в подростковом возрасте [6]. В ее устойчивой форме должны присутствовать индивидуальность, или признание уникальности личности; идентификация и целостность, или ощущение соответствия между ролью, развитой в прошлом, будущими ожиданиями и осознанием смысла жизни; единство и синтез, или гармония между самовосприятием и восприятием себя другими; социальная солидарность, или внутренняя солидарность с идеалами общества, ощущение удовлетворения социальных ожиданий [15].

Многочисленные потери в миграционных процессах повлияли на фазы развития личности опрошенных, циклически возвращаясь к предыдущим стадиям, которые должны были быть преодолены на ранних этапах развития. Предлагаем метафорическое сравнение естественного преодоления восьми фаз развития психосоциальной идентичности и отсутствия ее консолидации под воздействием постоянно меняющейся реальности [11].

1. *Сенсорная фаза*: первый контакт с новыми сенсорными и социолингвистическими переживаниями. Чувство возврата во владение коммуникативными компетенциями. Новые вкусы, запахи и тоска по знакомым ощущениям. Период развития доверия или недоверия приводит к надежде или отстранению. И это отстранение у некоторых может быть связано с идеализацией «потерянного рая» (СССР).

2. *Фаза автономии*: укрепление воли или в противном случае неуверенность и стыд. Иммигрант строит восприятие себя на базе того, как его видит принимающее общество. Ведет контроль над предрассудками, над внутренней и внешней критикой, деструктивными (изоляция) или конструктивными (сотрудничество) методами. Утрата автономии может вступить в противоречие с ранней эмансипацией в стране происхождения и восприятием неосуществимости миграционного проекта.

3. *Инициативная фаза*: проект жизни приобретает форму. Развивается более глубокое прагматическое и социолингвистическое осознание реальности. Появляется чувство свободы в принятии решений. В противном случае развивается чувство вины за то, что покинул родную страну, и выбирается отстранение. За пять лет в иммиграции усваиваются новые социальные роли, создается круг близких людей, с которыми можно отождествить себя. Вопрос о том, чтобы «вернуться» или «остаться», теряет интенсивность.

4. *Фаза трудолюбия*: развитие когнитивных, профессиональных, культурных навыков, связанных

с конкурентоспособностью или, наоборот, с некомпетентностью. Респонденты пережили кризис профессиональной реализации, связанный со сложностями подтверждения дипломов, отсутствием социального признания и невозможностью профессиональной интеграции, что привело к снижению самооценки и состоянию отчаяния.

5. *Фаза стабилизации идентичности*: осознание достигнутого; соотношение имевшегося знания и приобретенного; принятие потерь; гибкость по отношению к новым ценностям. После десяти лет иммиграции изучается возможность принятия нового гражданства (стоит вспомнить, что респонденты российского происхождения получили белорусское гражданство без учета их мнения, по месту проживания в момент распада СССР). Дети (второе поколение) ставят под сомнение недостаточную интеграцию своих родителей, которые воспринимаются коренным населением как «второсортные». Кризис идентичности принимает одно из двух направлений: положительное — формирование сильной идентичности; отрицательное — формирование конфузной идентичности, связанной с неуверенностью в себе, нестабильностью жизненной перспективы, проблемами интеграции, разочарованием в выбранном проекте, существенной пустотой личности.

6. *Фаза сотрудничества, социального взаимодействия и аффективности*. Необходимость создания аффективной связи требует баланса всех предыдущих этапов. Люди с конфузной идентичностью испытывают трудности в установлении межличностных отношений, что может привести к социальной изоляции.

7. *Фаза заботы* сопряжена с необходимостью закрепить те знания, ту практику, которые переживут самого человека в виде передачи опыта будущим поколениям. Успех связан с генеративностью и требует сильной идентичности, в то время как неудача и конфузная идентичность приводят к стагнации.

8. *Фаза размышления*: осознание результатов жизненного проекта. Человек обретает спокойствие, равновесие в результате целостности своей личности. В противном случае кризис идентичности порождает чувство потерянной жизни, отчаяния, неуверенности, одиночества, растерянности.

Что касается опрошенных, то уже у первого поколения иммигрантов мы замечаем маргинальное отношение к культуре происхождения, проявляющееся в отказе от языка, от культурной практики, от идеи возвращения и посещения родной страны, в отсутствии денежных переводов туда, в отказе от гражданства и в отказе от зараженной земли. В то же время наблюдаются трудности в связи с консолидацией жизненного проекта и обеспечением социального статуса в принимающей стране.

Возникает вопрос: постсоветское население ближнего зарубежья, находящееся в настоящее время

в России, пережило такой же кризис множественной идентичности после распада СССР? Какие меры были предприняты для облегчения процесса адаптации к меняющейся реальности?

4. Повторяющиеся кризисы и способность интегрироваться в непрерывно меняющемся социальном пространстве

Изучение белорусской иммиграции в Гранаде (Испания) подняло вопросы о сходстве проявления кризиса идентичности у постсоветских мигрантов, проживающих в дальнем и в ближнем зарубежье. Для ответа на них мы обратились к докторским и кандидатским диссертациям, в которых рассматриваются эти проблемы. С 1992 г. тема кризиса множественной идентичности заняла третье место после изучения национальной, культурной или социокультурной идентичности. Максимальный пик интереса был в 2010–2012 гг. В основном тема изучалась в рамках философии (30,9%), общественных наук (15,5%) и психологии (15,5%). В области образования до 2015 г. этому вопросу уделялось мало внимания (4,1%).

Так, В. А. Ядов, Е. Н. Данилова акцентировали внимание на неопределенной идентичности постсоветского населения как причине социально-политической модификации российского общества, а также на приспособляемости индивида к новому социальному строю [16; 17]. В 2000–2001 гг. была проработана тема сохранения культурной самобытности у потомков смешанных браков. А. В. Лукина изучала формирование национальной идентичности как наследие распада социокультурной, экономической и политической модели государства [18]. А. Ф. Поломошнов рассматривал утрату идентичности и роль России в мировом пространстве [19]. В 2008 г. ученых беспокоили проблема территориальной идентичности и вопрос развития крупных городов как психосоциальное явление. В 2009 г. наблюдается интерес к исследованиям, посвященным кризису национального самосознания; кризису этнической идентификации с новой культурой; кризису лингвокультурной идентичности на постсоветском пространстве. Ю. А. Шубин изучал потерю идентичности из-за отказа сохранения культурных практик и их передачи будущим поколениям [20]. Д. В. Сосновский исследовал процессы формирования региональной идентичности на Украине и влияние исторических процессов русификации на развитие конфузной идентичности населения бывших советских республик [21]. Н. А. Хвилью-Олинтер привлекала идентичность в процессе глобализации [22]. Поднимается и тема утраченной идентичности и социальной деградации северных регионов европейской России.

М. Е. Попов (2011) изучал конфликт идентичностей в посттрадиционной России [23]. Автор углубился в изучение кризиса этнонациональной идентичности и отсутствия самопознания русского общества как

нации, а также отсутствия научного различия между локальной и региональной идентичностью. В исследовании И. А. Савченко о маргинальных тенденциях культурной идентичности постсоветского, русскоэтнического и руссконационального населения говорится: «В то время как русскоэтническое население проявляет себя монокультурным (95%), население из ближнего зарубежья (СНГ) чувствует себя бикультурным (37%) или этническим маргиналом (13%) (что соответствует ответам наших респондентов. — А. К.). Степень маргинализации этнонациональной идентичности у населения СНГ очень высока. 65% иммигрантов из ближнего зарубежья (против 44% русскоэтнических) считают, что национальность — это театр, заблуждение, запись в паспорте, за пределами которой национальности не существует. После распада СССР население бывших советских республик, с доминантом русской культуры, подверглось кризису национальной и этнической идентичности, который до сих пор не разрешен (что также мы наблюдаем в изучаемой нами группе. — А. К.). Распад государства вызвал дезидентификацию с национальной, социокультурной группой, что негативно сказалось на восприятии смысла жизни, неопределенности с будущим проектом. Недовольство жизненно важным проектом наблюдается у 77% опрошенных. Дезадаптация к новой социальной реальности способствовала у постсоветского населения ослаблению внутригрупповых связей, разрушению принципа общинной культуры, стиранию отождествления с происхождением, усилению ориентации на индивидуализацию и эмиграцию. Это утверждение может объяснить негативную ориентацию наших респондентов на соотечественников и культуру происхождения. Что касается эмоционального состояния, то 92% респондентов СНГ считают себя ответственными за свою жизнь. При этом 96% говорят, что их жизнь пуста и бессмысленна. Это очевидное несоответствие в ответах может означать, что опрошенные признают нестабильность исторического момента, вписанного в бауманскую „текущую современность“ [3], и их бессилие перед ней. 92% респондентов (выходцы из СНГ) утверждают, что чувствуют себя хорошо в России. 50% из них отвергают идею возврата» [24].

После разрушения аксиологических, нормативных, социокультурных референтов постсоветское население все еще переживает последствия конфузной идентичности как ответ на рецидивные кризисы. И. А. Савченко утверждает, что постсоветское общество развивает маргинальное отношение, связанное с кризисом множественной идентичности, которое вызывает личный конфликт, кажущуюся адаптацию (ассимиляцию) и реальную дезадаптацию [24]. В ответ

на эту проблему в 2015 г. было принято Постановление о патриотическом воспитании граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы², в котором патриотическое воспитание рассматривается как целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи. Главная цель — это воспитание граждан с высоким патриотическим сознанием, чувством верности Родине, готовностью выполнять гражданские и конституционные обязанности, направленные на защиту интересов Родины. В этой программе подчеркивается необходимость формирования гражданской идентичности российских граждан, а также обеспечения преемственности образовательного процесса, направленного на формирование российского патриотического сознания в условиях растущего экономического и геополитического соперничества.

Между тем Н. Кресова и А. Иванова изучают «ненадежную идентичность» русскоязычных эмигрантов в иммиграционном пространстве с помощью лингвистического анализа указательных местоимений, используемых в публикациях и блогах [8]. Исследование отражает, как все социокультурные ценности, приобретенные в стране происхождения (диплом, социальное положение, опыт работы, личные отношения), теряют свою значимость в стране иммиграции. В этих обстоятельствах человек страдает от неопределенности своей идентичности, которая порождает психические и физические проблемы, приводящие к потере самооценки.

Выводы

1. Кризис идентичности является причиной потери психосоциальной, этнокультурной, национальной, языковой ориентации, что вызвано воздействием многочисленных социально-политических, экономических, экологических, а также личных кризисов каждого человека.

2. Многократное воздействие кризисов, отсутствие чувства безопасности жизненного проекта приводят к конфузной идентичности, рассматриваемой как противостояние социокультурным ценностям и нормам новой постсоветской среды, чувство отворачивания и враждебности к новым социальным реалиям, что порождает аномии, отчуждение и маргинализацию.

3. Кризис множественной идентичности у постсоветского населения проявляется в значительной степени в манифестации национальной, территориальной, культурной, социальной, языковой идентичности на когнитивном, эмоциональном, поведенческом и этнодифференциальном уровнях как в стране иммиграции, так и в стране происхождения.

4. Анализ российской научной литературы выявляет озабоченность по поводу развития конфузной

² Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 года : постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

идентичности у постсоветского населения, проявляющейся как кризис множественной идентичности, что мы также наблюдаем у белорусских иммигрантов, проживающих в Гранаде. Вместе с тем развитие кризиса идентичности отличается у населения, не эмигрировавшего с территории бывшего СССР, и переселившихся людей. Это может быть результатом внедрения разных государственных программ межкультурной интеграции. Так, в России были задействованы государственные программы воспитания гражданственности и патриотизма, а в иммиграционной среде (Испания) — программы инкультурации.

5. «Я знаю, кем я не являюсь, но я не понимаю, к каким группам и обществам я принадлежу», — эта фраза респондента иллюстрирует неопределенную идентичность лиц постсоветского пространства, отмеченную распадом иллюзии о сходстве интересов государства и личности, подчеркивая неравенство интересов социальных, этнонациональных, этнокультурных, региональных, территориальных, профессиональных классов. Постсоветское население, проживающее в СНГ, находится в процессе формирования своей новой идентичности в соответствии с новыми

социальными, культурными, этническими, национальными, территориальными стандартами. В России опасность замены локальной идентичности глобальной искореняется политикой патриотического воспитания. Между тем постсоветское население, эмигрировавшее в момент максимального политического, культурного, социального, национального, этнического кризиса, проявляет консервативность конфузной идентичности, не имея интереса к восстановлению какой-либо этнической, национальной или социокультурной идентификации со страной происхождения.

Перспективы. После начального когнитивного приближения к проблеме и в соответствии с основной идеей национального стратегического плана интеграции в Испании, направленной на развитие культурной идентичности, укрепление социальной сплоченности, сотрудничество между коренным населением и группами меньшинств, предлагаем проработать вместе с заинтересованной группой социально-образовательный интервенционный проект, направленный на создание атмосферы для осознания и раскрытия участниками своего личного, культурного и профессионального потенциала.

Список литературы

1. Kárpava A. Implicaciones de los programas de acogida temporal de los menores, víctimas de la catástrofe nuclear de Chernóbyl, en el desarrollo de la inmigración ambiental bielorrusa en la provincia de Granada. Integración en el espacio de la paz intercultural. (Tesis doctoral). 2013. <https://digibug.ugr.es/handle/10481/31199?locale-attribute=en> (.
2. Beck U. La sociedad de riesgo: hacia una nueva modernidad. Trad. Navarro J., Jiménez D, & Borrás, Mª R. Barcelosna: Paidós. 1998.
3. Bauman Z. Modernidad líquida. Trad. Rosenberg M., & Arrambide Squirru J., IV edición. Madrid, 2018.
4. Bauman Z. Miedo líquido: la sociedad contemporánea y sus temores. Trad. Santos Mosquera, A. Barcelona, 2006.
5. Solano Galvis C. A., & Aubía Hernández N. I. Una frontera de Europa en África: condiciones para acercarse a la inclusión social. IV Jornada académica da ADESA Direito Internacional e Relações Internacionais. Realizado no Universidade Estácio de Sá, Rio de Janeiro, 2019, mayo.
6. Erikson E. Identidad, juventud y crisis. Madrid, 1992.
7. Pujadas J. Etnicidad. Identidad cultural de los pueblos. Madrid, 1993.
8. Kresova N. & Ivanova A. Definir y defender la identidad en un debate político: El caso de los blogueros emigrantes rusos. *Revista Signos*. 2014. № 47(85). Pp. 245–266.
9. Eidheim H. Cuando la identidad étnica es un estigma. En Barth F. (comp.), Los grupos étnicos y sus fronteras. México, 1976. Pp. 50–74.
10. Basabe N., Zlobina A. & Páez D. Integración sociocultural y adaptación psicológica de los inmigrantes extranjeros en el País Vasco. Vitoria: Servicio Central de Publicaciones del Gobierno Vasco. 2004.
11. Kárpava A. In-e migrante e identidad confusa. En Hernández Prados, Mª Á. (coord.), Educación para la vida ciudadana en una sociedad plural. Murcia, 2017. Pp. 67–73.
12. Kárpava A. & Bedmar-Moreno M. Desahuciados medioambientales. Historias de vida. *Convergencia. Revista de Ciencias Sociales*. 2015. Vol. 22(69). Pp. 107–130.
13. Яблоков А. В., Нестеренко В. Б., Нестеренко А. В., Преображенская Н. Е. Чернобыль: последствия катастрофы для человека и природы. Киев, 2011. 592 с.
14. Kárpava A. La identidad cultural confusa, respuesta desde la educación social. En Soriano Díaz A. & Bedmar Moreno M. (coords.), *Temas de Pedagogía Social / Educación Social*, 197–236. Granada, 2015
15. Фрейджер Р. & Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. М., 2004. 608 с.
16. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России*. 2015. № 314. С. 40–60. http://www.isras.ru/files/File/Publication/Mir_Rossii_1995_no_3-4_Yadov.pdf.
17. Данилова Е. Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // *Социологический журнал*. 1995. № 6. С. 56–65. <http://ecsocman.hse.ru/data/398/786/1217/017Danilova.pdf>.
18. Лукина А. В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. <http://www.dissers.ru/1/9161-1-lukina-anastasiya-vladimirovna-sociokulturnie-tehnologii-formirovaniya-nacionalnoy-identichnosti-istor.php>.

19. Поломошнов А. Ф. Культурная идентичность России: Н. Данилевский против В. Соловьева : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2007. 45 с.
20. Шубин Ю. А. Традиция как ресурс социально-культурной идентичности личности в современном обществе : дис. ... канд. культурол. СПб., 2009. 177 с.
21. Сосновский Д. В. Процессы формирования региональной идентичности на Украине (на примере Крыма) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 171 с. <http://www.libed.ru/dissertatsiya/811721-1-processi-formirovaniya-regionalnoy-identichnosti-ukraine-na-primere-krima.php>.
22. Хвыля-Олинтер Н. А. Национально-культурная идентичность современной российской молодежи в условиях глобализации: методология социологического анализа : дис. ... канд. социол. наук. М., 2011. 157 с.
23. Попов М. Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России : автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. Севастополь, 2011. 42 с.
24. Савченко И. А. Культурная идентичность как индикатор маргинальных тенденций // Известия Уральского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2011. № 2(90). С. 209–222.
Поступила 13.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

References

1. Kárpava A. Implicaciones de los programas de acogida temporal de los menores, víctimas de la catástrofe nuclear de Chernóbyl, en el desarrollo de la inmigración ambiental bielorrusa en la provincia de Granada. Integración en el espacio de la paz intercultural. (Tesis doctoral). 2013. <https://digibug.ugr.es/handle/10481/31199?locale-attribute=en>.
2. Beck U. La sociedad de riesgo: hacia una nueva modernidad. Trad. Navarro J., Jiménez D. & Borrás, Mª R. Barcelona, 1998.
3. Bauman Z. Modernidad líquida. Trad. Rosenberg M., & Arrambide Squirru J., IV edición. Madrid, 2018.
4. Bauman Z. Miedo líquido: la sociedad contemporánea y sus temores. Trad. Santos Mosquera, A. Barcelona, 2006.
5. Solano Galvis C. A., & Aubía Hernández N. I. Una frontera de Europa en África: condiciones para acercarse a la inclusión social. IV Jornada académica da ADESA Direito Internacional e Relações Internacionais. Realizado no Universidade Estácio de Sá, Rio de Janeiro, 2019, mayo.
6. Erikson E. Identidad, juventud y crisis. Madrid, 1992.
7. Pujadas J. Etnicidad. Identidad cultural de los pueblos. Madrid, 1993.
8. Kresova N. & Ivanova A. Definir y defender la identidad en un debate político: El caso de los blogueros emigrantes rusos. *Revista Signos*. 2014. No. 47(85). Pp. 245–266.
9. Eidheim H. Cuando la identidad étnica es un estigma. En Barth F. (comp.), Los grupos étnicos y sus fronteras. México, 1976. Pp. 50–74.
10. Basabe N., Zlobina A. & Páez D. Integración sociocultural y adaptación psicológica de los inmigrantes extranjeros en el País Vasco. Vitoria: Servicio Central de Publicaciones del Gobierno Vasco. 2004.
11. Kárpava A. In-e migrante e identidad confusa. En Hernández Prados, Mª Á. (coord.), Educación para la vida ciudadana en una sociedad plural. Murcia, 2017. Pp. 67–73.
12. Kárpava A. & Bedmar-Moreno M. Desahuciados medioambientales. Historias de vida. Convergencia. *Revista de Ciencias Sociales*. 2015. Vol. 22(69). Pp. 107–130.
13. Yablokov A. V., Nesterenko V. B., Nesterenko A. V., Preobrazhenskaya N. E. Chernobyl: aftermath of the disaster for man and nature. Kyiv, 2011. 592 p.
14. Kárpava A. La identidad cultural confusa, respuesta desde la educación social. En Soriano Díaz A. & Bedmar Moreno M. (coords.), Temas de Pedagogía Social / Educación Social, 197–236. Granada, 2015.
15. Frager R., Fadiman J. Personality and Personal Growth. Moscow, 2004. 608 p.
16. Yadov V. A. Social and socio-pedagogical mechanisms of formation of personality social identity. *Universe of Russia*. 2015. No. 314. Pp. 40–60. http://www.isras.ru/files/File/Publication/Mir_Rossii_1995_no_3-4_Yadov.pdf.
17. Danilova E. N. Identification strategies: Russian choice. *Sociological Journal*. 1995. No. 6. Pp. 56–65. <http://ecsocman.hse.ru/data/398/786/1217/017Danilova.pdf>.
18. Lukina A. V. Socio-cultural techniques for formation of national identity. Extended abstract of Candidate of sciences dissertation (in History). Yekaterinburg, 2004. <http://www.dissers.ru/1/9161-1-lukina-anastasiya-vladimirovna-sociokulturnie-tehnologii-formirovaniya-nacionalnoy-identichnosti-istor.php>.
19. Polomoshnov A. F. Cultural identity of Russia: Danilevsky N. vs. Soloviev V. Extended abstract of Doctor of sciences dissertation (in Philosophy). Rostov-on-Don, 2007. 45 p.
20. Shubin Yu. A. Tradition as the resource of personality socio-cultural identity in the modern world. Candidate of sciences dissertation (in Cultural studies). St. Petersburg, 2009. 177 p.
21. Sosnovsky D. V. Processes of formation of regional identity in Ukraine (exemplified by Crimea). Candidate of sciences dissertation (in Political studies). Moscow, 2009. 171 p. <http://www.libed.ru/dissertatsiya/811721-1-processi-formirovaniya-regionalnoy-identichnosti-ukraine-na-primere-krima.php>.
22. Khvylya-Olinter N. A. National cultural identity of modern Russian youth under conditions of globalization: methodology of sociological analysis. Candidate of sciences dissertation (in Sociology). Moscow, 2011. 157 p.
23. Popov M. E. Clash of identities in post-traditional Russia. Extended abstract of Doctor of sciences dissertation (in Philosophy). Sevastopol, 2011. 42 p.
24. Savchenko I. A. Cultural identity as the indicator of marginal tendencies. News of Ural State University. Series 2. Humanities. 2011. No. 2(90). Pp. 209–222.

Submitted 13.05.2022; approved after reviewing: 25.05.2022; accepted for publication: 30.06.2022.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.075 © А. М. Рябков, Е. С. Степанова, Р. Р. Муслумов, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-291-297

5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Особенности распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных

Александр Михайлович Рябков¹, старший психолог межрегионального отдела психологической работы; saintal@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1785-0795>

Елена Сергеевна Степанова¹, начальник межрегионального отдела психологической работы; alenastpvn@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0381-7281>

Рустам Рафикович Муслумов¹, кандидат психологических наук, доцент, ведущий аналитик межрегионального отдела психологической работы; mrr82@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1327-1590>

¹ Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний РФ по Свердловской области, 620019, Екатеринбург, ул. Репина, 4а, Россия

Реферат

Введение. В последние годы наблюдается все более широкое распространение криминальной субкультуры в российском обществе, особенно среди детей, подростков. Традиционно источником распространения элементов криминальной субкультуры считаются пенитенциарные учреждения, в том числе для несовершеннолетних. Целью исследования являлось выяснение особенностей распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних правонарушителей, в отношении которых исполняется уголовное наказание в виде лишения свободы или условного осуждения (без изоляции от общества), а также находящихся под следствием. **Материалы и методы.** Исследованием было охвачено 23 воспитательные колонии, 118 следственных изоляторов, а также 80 уголовно-исполнительных инспекций, всего в исследовании приняли участие 3020 подростков, из них 1088 несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии, 815 — содержащихся в следственном изоляторе и 1117 — состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. В исследовании использовалась авторская анкета, включающая 19 вопросов. **Результаты и обсуждение.** В исследовании были выявлены элементы криминальной субкультуры, которые чаще всего встречаются у подростков, а также регионы с наиболее высоким уровнем распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних. **Выводы.** Подростки еще до попадания в места лишения свободы демонстрировали высокий уровень криминальной зараженности. В качестве источников распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних в настоящее время на первый план выступают интернет и социальные сети.

Ключевые слова: криминальная субкультура; криминальная зараженность; арестантский уклад; несовершеннолетние подозреваемые; обвиняемые; осужденные; уголовно-исполнительная система

Для цитирования: Рябков А. М., Степанова Е. С., Муслумов Р. Р. Особенности распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 291–297. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-291-297>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.075; © А. М. Рябков, Е. С. Степанова, Р. Р. Муслумов, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-291-297

5.3.1 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Features of Spreading Criminal Subculture among Juvenile Suspects, Accused and Convicts

Alexander M. Ryabkov¹, senior psychologist of the interregional Department of Psychological work; saintal@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1785-0795>

Elena S. Stepanova¹, Head of the interregional Department of Psychological Work; alenastpvn@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0381-7281>

Rustam R. Muslumov¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-Professor, leading analyst of the interregional Department of Psychological work; mrr82@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1327-1590>

¹ the Main Directorate of the Russian Federal Penitentiary Service for the Sverdlovsk region, 4a Repin st., Yekaterinburg, 620019, Russia

Abstract

Introduction. In recent years, criminal subculture has been increasingly and widely spread in Russian society, especially among children and juveniles. Traditionally, penitentiary institutions, including those for minors, are considered to be the source of dispersing elements of the criminal subculture. The purpose of the study is to specify the peculiarities of spread of criminal subculture among juvenile offenders, whose sentence in the form of imprisonment or probation (without isolation from society) is being executed, as

well as those under investigation. **Materials and Methods.** The study covered 23 reform colonies, 118 pre-trial detention centers and 80 penal inspections. In total, 3,020 juveniles participated in the survey including: 1088 juveniles serving the sentence in reform colonies, 815 juveniles from pre-trial detention centers and 1,117 juveniles who are registered in penal inspections. The authors employed their own questionnaire with nineteen questions. **Results and Discussion.** The study identified elements of the criminal subculture that are most common among juveniles, as well as regions with the highest level of spread of the criminal subculture among minors. **Conclusions.** The juveniles had demonstrated a high level of addiction to crime even before entering places of deprivation of liberty. The sources of spreading criminal subculture among minors include the Internet and social networks as currently prevalent.

Keywords: criminal subculture; addiction to crime; convict's lifestyle; juvenile suspects; accused; convicts; penal system

Citation: Ryabkov A. M., Stepanova E. S., Muslumov R. R. Features of Spreading Criminal Subculture among Juvenile Suspects, Accused and Convicts. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 291–297. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-291-297>

Основные положения

1. В последние годы российское общество столкнулось с широким распространением криминальной субкультуры, которая вышла далеко за пределы пенитенциарных учреждений.

2. Многие из несовершеннолетних заражаются элементами криминальной субкультуры еще до попадания в места лишения свободы.

3. Среди каналов распространения криминальной субкультуры в среде подростков в настоящее время все большую роль играют интернет и социальные сети.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В последние годы наблюдается все более широкое распространение криминальной субкультуры в российском обществе, особенно среди детей и подростков. В образовательных организациях периодически фиксируются случаи правонарушений, совершаемых подростками, придерживающимися криминальной идеологии [1–3]. В связи с высоким социальным значением проблемы распространения криминальной субкультуры в контексте развития российского общества к ней обращено пристальное внимание руководства Федеральной службы исполнения наказаний России (далее — ФСИН России). Оно направлено на изучение данного феномена и выработку мероприятий по профилактике криминальной зараженности, особенно среди несовершеннолетних, находящихся в учреждениях ФСИН России и состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (далее — УИИ). По мнению ряда авторов, следование криминальной субкультуре при попадании в места лишения свободы закрепляет у несовершеннолетних недостаток критического отношения к себе и другим, позитивную оценку своих асоциальных поступков, что затрудняет усвоение конструктивных ценностных ориентаций, социально-положительных установок [4, с. 118].

Вызывает опасение популяризация в последние годы среди молодежи наиболее радикального неформального объединения несовершеннолетних, пропагандирующего криминальные ценности, — АУЕ (арестантский уклад един), в особенности в таких регионах, как Забайкалье, Бурятия, Краснодарский край,

г. Чита [5, с. 69]. Названное объединение представляет высокую опасность в рамках проблемы распространения криминальной субкультуры в пенитенциарных учреждениях и требует повышенного внимания в целях предотвращения вовлечения в данное движение новых участников. Важным шагом на пути борьбы с указанным явлением в России стало признание АУЕ экстремистской организацией решением Верховного Суда России от 17 августа 2020 г.

В исследовании ставилась задача рассмотреть степень вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру, провести анализ каналов ее распространения и отразить потенциал подверженности несовершеннолетних воздействию негативных культурных образцов.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. В зарубежной науке одним из первых исследователей криминальной субкультуры был Д. Клеммер, который показал, что у людей, попавших в места лишения свободы, традиционные верования, отношения и ценности замещаются культурными ценностями тюрьмы и стиля жизни осужденных. Лишенные свободы усваивают нормы тюремной жизни и способы жизнедеятельности внутри социальной системы заключенных [6]. Американский социолог Р. Мертон в 1938 г. опубликовал статью «Социальная структура и аномия», где доказывается, что основной причиной преступности является противоречие между ценностями, на достижение которых нацеливает общество, и возможностями их достижения по установленным обществом правилам [7, с. 167]. Р. Клаурд и Л. Оулин объясняют причины криминальной субкультуры отличием ценностей низших слоев от ценностей среднего класса, лежащих в основе кодексов и законов общества. Такой конфликт приводит к тому, что ценности низшего класса автоматически ведут к нарушениям закона [8, с. 145].

В отечественной психологической науке криминальной субкультуре несовершеннолетних уделяется большое внимание. Наиболее известный исследователь в этой области В. Ф. Пирожков описал криминальную субкультуру учащихся-подростков и юношей (1992). В современной отечественной науке исследуются следующие проблемы в области криминальной

субкультуры: влияние криминальной субкультуры на становление личности подростков (Н. Л. Денисов, 2002; О. Н. Волоскова, В. В. Болотова, 2010; В. С. Мухина, В. С. Басюк, В. М. Проценко, 2013; М. И. Кошева, Е. А. Краюшкина, 2019); совершенствование профилактики криминальной субкультуры среди несовершеннолетних (А. А. Федосеева, 2007; В. М. Поздняков, 2015; П. Ю. Аксенова, Н. А. Полянин, Ю. М. Филиппова, 2016; О. Б. Шредер, 2018); противодействие популяризации криминальной субкультуры среди молодежи (Е. А. Антонян, Е. А. Борисов, 2017); совершенствование диагностики криминогенности личности (В. М. Труш, Н. Д. Гомонов, В. П. Тимохов, 2020).

Специфика отечественной криминальной субкультуры, в отличие от зарубежной, заключается еще и в ее самобытности. Аналогов в западном мире российская тюремная субкультура, основанная на «тюремном законе», не имеет [9, с. 14]. В зарубежной практике это средство отождествления себя с преступной бандой, характеристика, свойственная семье, так называемой мафиозной группе. В России же столкновение несовершеннолетних с криминальной субкультурой становится по заражающему потенциалу более массовым, обладает значительной эмоциональной вовлеченностью в преступные сообщества.

Стоит отметить тенденции к возрастанию роли современных технологических средств распространения информации о криминальных сообществах, дефицит исследований актуальных путей и средств ее популяризации среди несовершеннолетних в воспитательных колониях (далее — ВК), следственных изоляторах (далее — СИЗО) и уголовно-исполнительных инспекциях (далее — УИИ). На текущий момент недостаточно массовых исследований в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом. Наша работа призвана восполнить обозначенные пробелы.

Материалы и методы

Сотрудниками межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН России по Свердловской области в соответствии с поручением ФСИН России от 14 января 2020 г. было проведено исследование состояния распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних, находящихся в сфере деятельности уголовно-исполнительной системы.

В качестве метода исследования выступило анкетирование. В исследовании участвовали 23 воспитательные колонии, 118 следственных изоляторов, 80 уголовно-исполнительных инспекций, всего было охвачено 3020 подростков, из них 1088 несовершеннолетних, отбывающих наказание в ВК, 815 — содержащихся в СИЗО и 1117 — состоящих на учете в УИИ. Была использована авторская анкета, включающая 19 вопросов, ответы на которые раскрывают отношение респондентов к различным элементам криминальной субкультуры. Анкета была направлена психологам

структурных подразделений всех территориальных органов ФСИН России, которые провели анкетирование несовершеннолетних, находящихся в их учреждениях. Первичная обработка анкеты и анализ посредством методов математической статистики были выполнены в программе MS Excel.

Результаты и обсуждение

Согласно данным опроса значительная доля подростков еще до попадания в поле зрения пенитенциарного ведомства характеризовалась высоким уровнем девиантности поведения (наличие татуировок, следование криминальным традициям и нормам, лояльность и готовность реализовывать их в своих действиях, раннее знакомство с психоактивными веществами). Большинство из них имели опыт употребления табачных изделий (69%), а также алкоголя (47%), наркотических (12%) и токсических веществ (5%). Татуировки с криминальной символикой в наличии у 7% опрошенных. Используют жаргон в неформальном общении с родственниками, друзьями, другими подростками 39% анкетированных, наиболее высокая доля таких несовершеннолетних среди содержащихся в СИЗО (51%) и состоящих на учете в УИИ (48%), в ВК таких подростков значительно меньше (21%).

Указали на то, что слушали музыкальные произведения, пропагандирующие тюремную романтику, 35% опрошенных подростков. Больше всего таких несовершеннолетних в СИЗО — 49%, меньше всего в ВК — 27%, среди состоящих на учете в УИИ — 32%.

Согласно полученным ответам значительная часть респондентов достаточно лояльно воспринимают движение АУЕ: «знают и относятся к нему нейтрально» (ВК — 16%, СИЗО — 27%, УИИ — 35%), «периодически пользуются элементами субкультуры» (соответственно 2%, 9% и 6%), «активно поддерживают движение АУЕ» (1%, 4% и 1%).

Расчет критерия φ^* — угловое преобразование Фишера — позволяет сделать вывод, что доля разделяющих нормы и ценности криминальной субкультуры и движения АУЕ среди несовершеннолетних, отбывающих наказание в ВК, ниже, чем среди содержащихся в СИЗО ($\varphi=6,18$; $p \leq 0,01$) и состоящих на учете в УИИ ($\varphi=10,58$; $p \leq 0,01$).

Среди подростков, отбывающих наказание, не связанное с изоляцией от общества, наибольшая доля лиц, ответивших, что поддерживают правила АУЕ, отмечается в таких регионах, как Алтайский край (41%), республики Марий Эл (30%), Татарстан (23%), Алтай (22%), Иркутская область (14%).

Источником информации о движении АУЕ и криминальной субкультуре, согласно ответам респондентов, являются, прежде всего, социальные сети и интернет (38%). Узнали о криминальной субкультуре и АУЕ «от друзей и знакомых» 40% опрошенных, а «от других осужденных в местах лишения свободы» — только 10% (рис. 1).

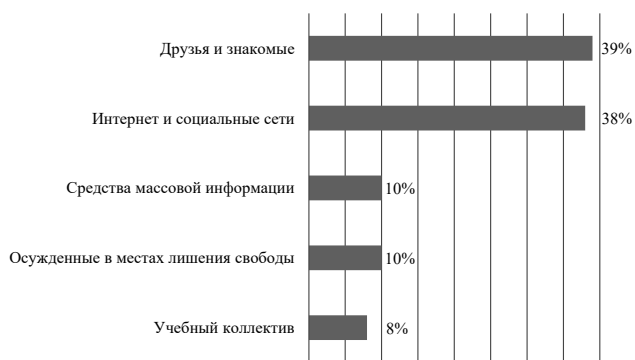

Рис. 1. Источники информации о криминальной субкультуре, n=3020

(Fig. 1. Sources of Information about the Criminal Subculture, n=3020)

На следование несовершеннолетних неофициальным (криминальным) «законам», «нормам» и «традициям» в ВК указали 20% респондентов, в СИЗО — 46%, в то время как среди подростков, состоящих на учете в УИИ, эта доля достигает 58% (рис. 2).

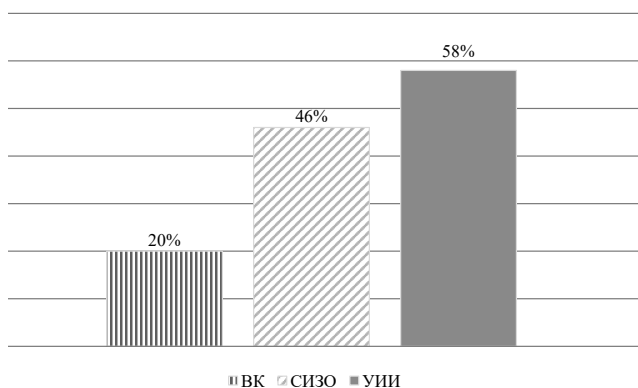

Рис. 2. Показатели распространенности криминальных правил среди несовершеннолетних, n=3020

(Fig. 2. Values of Juveniles' using Criminal Rules, n=3020)

Можно говорить, что среди опрошенных достаточно высок уровень распространения криминальной субкультуры, при этом среди подростков, состоящих на учете в УИИ, он выше, чем среди несовершеннолетних, отбывающих наказание в ВК ($\varphi=18,79$; $\rho \leq 0,01$) и содержащихся в СИЗО ($\varphi=12,07$; $\rho \leq 0,01$).

Имеются респонденты, которые считают, что «криминальные нормы справедливее официальных» (в ВК — 2%, СИЗО — 7%, УИИ — 7%). Сомневаются в ответе на этот вопрос 44% содержащихся в ВК, 43% — в СИЗО; 50% несовершеннолетних, состоящих на учете в УИИ. Данные показатели также свидетельствуют о лояльном отношении подростков, совершающих преступления, к криминальным нормам как альтернативе социально одобряемым ценностям.

Согласно результатам исследования опрошенным несовершеннолетним свойственны следующие элементы криминальной субкультуры:

— обращение друг к другу по прозвищам (ВК — 8%, СИЗО — 35%, УИИ — 52%);

— использование жаргона (ВК — 2%, СИЗО — 19%, УИИ — 23%);

— прослушивание музыкальных произведений, пропагандирующих тюремную романтику (ВК — 1%, СИЗО — 2%, УИИ — 15%);

— игры «под интерес» (СИЗО — 3%, УИИ — 14%);

— деление осужденных по статусам (ВК — 1%, СИЗО — 7%);

— ритуалы для новичков (ВК — 1%, СИЗО — 3%);

— нанесение татуировок с криминальной символикой (СИЗО — 1%, УИИ — 7%);

— использование текстов, изображений, порочащих законную деятельность (СИЗО — 2%, УИИ — 4%).

Можно отметить, что распространение элементов криминальной субкультуры выше в СИЗО и среди подростков, состоящих на учете в УИИ, чем в ВК. Причиной этого может являться тот факт, что в ВК организована целенаправленная работа по предотвращению популяризации криминальной субкультуры среди несовершеннолетних.

На вопрос, где чаще встречаются неофициальные (криминальные) «нормы» и «традиции», респонденты ответили следующим образом: «в следственном изоляторе» — 29%, «в изоляторе временного содержания» — 13%, «в общеобразовательных организациях» — 12%, «в специализированных учебных заведениях закрытого типа» — 11%, «при этапировании» — 10%.

Изучение вопроса, что, по мнению самих несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных (далее — ПОО), в наибольшей мере способствует отказу от соблюдения неофициальных (криминальных) «норм», «традиций», показало следующие результаты: «режим в учреждении» (37%), «положительное влияние членов семьи» (33%), «обучение в школе» (22%), «наличие хобби и интересов» (21%), «влияние друзей на свободе» (16%), «участливое отношение сотрудников» (15%), «занятость на производстве» (14%). Таким образом, для предотвращения процесса распространения криминальной субкультуры среди ПОО важнейшую роль играют сотрудники учреждения и семья. Поддержание режима в учреждении, проведение воспитательной работы с несовершеннолетними, а также привлечение родственников подростков для работы с ними по формированию социально приемлемых ценностей, жизненных целей и установок на правопослушное поведение являются основой общепрофилактической работы по предупреждению распространения криминальной субкультуры в подразделениях ФСИН России.

На вопрос, как, с точки зрения несовершеннолетних ПОО, к элементам криминальной субкультуры относятся сотрудники, непосредственно работающие с ними, абсолютное большинство опрошенных ответили, что «отрицательно и пресекают ее использование»:

78% подростков, содержащихся в ВК; 73% — в СИЗО; 57% — состоящих на учете в УИИ. Считают, что сотрудники «относятся к криминальной субкультуре отрицательно, но понимают, что искоренить ее невозможно», 4% — в ВК, 14% — в СИЗО, 18% — в УИИ. Отмечают, что сотрудники «относятся к криминальной субкультуре терпимо, как к необходимому для этой среды явлению», 2% — в ВК, 5% — в СИЗО, 9% — в УИИ.

В исследовании выявлена взаимосвязь между ответами на вопрос об отношении сотрудников учреждений и самих несовершеннолетних ПОО к элементам криминальной субкультуры. Расчет коэффициента корреляции Пирсона показал, что чем чаще в подразделении встречаются ответы, что «криминальные нормы справедливее официальных», тем чаще несовершеннолетние указывают на то, что «сотрудники относятся к криминальной субкультуре отрицательно, но понимают, что искоренить ее невозможно» ($r=0,73$; $p\leq 0,01$) либо «не видят необходимости отказываться от криминальных норм» ($r=0,65$; $p\leq 0,01$). И наоборот, чем чаще несовершеннолетние выбирали ответ, что «сотрудники отрицательно относятся к криминальной субкультуре, пресекают любое использование ее элементов», тем чаще они выбирали ответы, что «не считают криминальные нормы справедливее официальных законов» ($r=0,87$; $p\leq 0,01$), а также чаще отмечали положительную роль в отказе от соблюдения неофициальных «законов» и норм «режима в учреждении» ($r=0,84$; $p\leq 0,01$) и «обучения в школе» ($r=0,79$; $p\leq 0,01$).

Таким образом, лояльное отношение сотрудников к использованию элементов криминальной субкультуры несовершеннолетними способствует распространению данного явления в учреждениях ФСИН России. Напротив, устойчивая профессиональная позиция и развитое профессиональное самосознание сотрудника, просоциальная и правовая направленность являются эффективными способами решения проблемы криминальной зараженности несовершеннолетних, попавших в поле зрения уголовно-исполнительной системы.

Среди основных факторов, способствующих вовлечению несовершеннолетних в криминальную субкультуру, исследователи выделяют антиобщественное поведение семьи, наличие судимых родственников, проживание или времяпрепровождение в неблагополучных районах города с устойчивыми преступными традициями [10, с. 291], принадлежность к уличным неформальным группировкам несовершеннолетних и лиц молодежного возраста [11, с. 23]. Кроме того, наблюдаемая в последние несколько лет тенденция к романтизации образа преступника в художественных фильмах и сериалах, показываемых по телевидению, в передачах и ток-шоу, может стать фактором, детерминирующим преступления [12, с. 53]. В нашем исследовании мы видим, что к каналам распространения криминальной субкультуры в среде подростков в настоящий период добавляются интернет и социальные сети.

В ходе проведенного исследования выявлено, что большая часть несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных так или иначе вовлечена в криминальную субкультуру. Сотрудники правоохранительных органов при характеристике степени вовлечения человека в криминальную субкультуру часто используют термин «криминальная зараженность». Основываясь на данном исследовании и опыте работы в пенитенциарных учреждениях, мы определяем «криминальную зараженность» как личностную особенность, характеризующую вовлеченность несовершеннолетнего в криминальную (тюремную) субкультуру и выраженную: 1) в сформированной системе знаний об элементах криминальной (тюремной) субкультуры; 2) принятии и разделении криминальных (тюремных) норм, традиций и ценностей; 3) следовании им в своем поведении, а также дальнейшем транслировании их в межличностном взаимодействии [13, с. 133].

Общепризнанным фактом является то, что криминальная субкультура представляет собой одно из средств распространения преступности, поэтому ее ранняя диагностика является важной частью функционирования уголовно-исполнительной системы. Разработка валидных и надежных средств оценки степени вовлеченности подростков в криминальную субкультуру становится актуальной задачей психологической службы ФСИН России. Проведенное исследование легло в основу создания опросника криминальной зараженности несовершеннолетних, который направлен на выявление подростков с признаками криминальной зараженности на этапе поступления в следственные изоляторы и воспитательные колонии для своевременной организации мероприятий частной профилактики и нивелирования процессов криминализации среди них [14]. Методика разработана сотрудниками межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН по Свердловской области и апробирована психологами учреждений территориальных органов ФСИН России. Полученные результаты представляют актуальную информацию об уровне криминальной зараженности несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе.

Выводы

Исследование показало, что в настоящее время в распространении криминальной субкультуры можно выделить следующие тенденции:

1. Среди элементов криминальной субкультуры наиболее распространенными в среде несовершеннолетних ПОО являются использование жаргонизмов (39%), прослушивание музыкальных произведений, романтизирующих криминальную субкультуру (35%), использование прозвищ (31%).

2. Чаще всего несовершеннолетние заражаются элементами криминальной субкультуры еще до попадания в места лишения свободы (79%), обладая зна-

ниями о криминальных понятиях, представлениями о социальной структуре в группах осужденных и т. д.

3. Среди каналов распространения криминальной субкультуры в среде подростков все большую роль играют интернет и социальные сети (38%).

4. Подростки, попавшие в СИЗО ($\varphi=6,18; \rho \leq 0,01$) и состоящие на учете в УИИ ($\varphi=10,58; \rho \leq 0,01$), имеют более лояльное отношение к криминальной субкультуре, чем несовершеннолетние, отбывающие наказание в ВК.

5. Большинство опрошенных (69%) указывают на негативное отношение сотрудников, работающих с ними, к использованию элементов криминальной субкультуры несовершеннолетними ПОО.

6. Выявлено наличие прямой взаимосвязи ($r=0,87; \rho \leq 0,01$) между отношением сотрудников

учреждений к криминальной субкультуре и уровнем криминальной зараженности несовершеннолетних в них.

Перспективы. Результаты исследования криминальной зараженности несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе могут быть полезны в оценке факторов и условий, способствующих распространению криминальной субкультуры не только среди несовершеннолетних, находящихся в учреждениях ФСИН России, но и среди других подростков нашей страны. Дальнейшее изучение проблемы распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних будет направлено на исследование уровня криминальной зараженности обучающихся образовательных учреждений.

Список источников

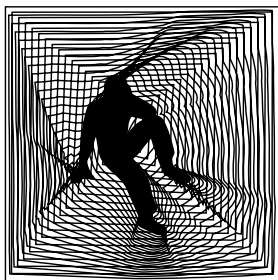
1. Дворянсков И. В., Панфилов Е. Е. Криминальная субкультура несовершеннолетних как девиантогенный фактор // Криминальные реалии, реагирование на них и закон / под ред. проф. А. И. Долговой. М., 2018. С. 225–233.
2. Меняйло Д. В., Иванова Ю. А., Меняйло Л. Н. АУЕ — криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 107–111.
3. Семочкина А. А. АУЕ — как фактор криминализации несовершеннолетних и их активного противопоставления государству и обществу // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 154–158.
4. Вэтра А. В., Ганишина И. С., Марьян М. И. Психологические особенности самоотношения несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления // Психология и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 91–102.
5. Шредер О. Б. Профилактика деструктивных явлений и проявлений криминальной субкультуры среди несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях // Прикладная юридическая психология. 2018. № 3(44). С. 68–79.
6. Clemmer D. The Prison Community. Boston, 1940. 341 p.
7. Иншаков С. М. Зарубежная криминология : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М., 2003. 383 с.
8. Верон Ф. Введение в криминологию : учебник. М., 1980. 312 с.
9. Шемякина В. В. Криминальная субкультура в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 24 с.
10. Минстер М. В. Современные тенденции развития криминальной субкультуры и ее негативное воздействие на преступность несовершеннолетних // Бюллетень науки и практики. 2017. № 6(19). С. 290–299.
11. Кузьмин С. И., Малетина Е. А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 1. С. 21–28.
12. Багаутдинова А. Р. Криминальная субкультура и масс-медиа // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 4. С. 52–54.
13. Рябков А. М., Степанова Е. С., Муслумов Р. Р. Разработка методики оценки уровня криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в учреждениях УИС России // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Новокузнецк, 2021. С. 133–136.
14. Рябков А. М., Степанова Е. С., Муслумов Р. Р. Разработка и апробация методики оценки криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Прикладная юридическая психология. 2022. № 2(59). С. 77–86.
Поступила 13.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Dvoryanskov I. V., Panfilov E. E. Criminal subculture of minors as a deviantogenic factor. Criminal realities, reaction to them and the law. Ed. by prof. Dolgova A. I. Moscow, 2018. Pp. 225–233. (In Russ.)
2. Menyailo D. V., Ivanova Yu. A., Menyailo L. N. AUE — criminal youth movement: the essence and methods of disperse. *Bulletin of the Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2019. No. 3. Pp. 107–111. (In Russ.)
3. Semochkina A. A. AUE as a factor of criminalization of minors and their active opposition to the state and society. *Bulletin of Economic Security*. 2020. No. 6. Pp. 154–158. (In Russ.)
4. Vetra A. V., Ganishina I. S., Maryin M. I. Psychological features of the self-attitude of minors, suspects, accused, convicted of violent crimes. *Psychology and Law*. 2022. Vol. 12, No. 1. Pp. 91–102. (In Russ.)
5. Schreder O. B. Prevention of destructive phenomena and manifestations of criminal subculture among juvenile convicts in correctional colonies. *Applied Legal Psychology*. 2018. No. 3(44). Pp. 68–79. (In Russ.)
6. Clemmer D. The Prison Community. Boston, 1940. p. 341.
7. Inshakov S. M. Foreign criminology. Student's book for universities. 2nd ed. Moscow, 2003. 383 p. (In Russ.)

8. Veron F. Introduction to criminology. Textbook. Moscow, 1980. 312 p. (In Russ.)
9. Shemyakina V. V. Criminal subculture in modern Russia. Abstract of Candidate of Sciences dissertation (in Law). Chelyabinsk, 2010. 24 p. (In Russ.)
10. Minster M. V. Modern tendencies in the development of criminal subculture and its negative impact on juvenile crime. *Bulletin of Science and Practice*. 2017. No. 6(19). Pp. 290–299. (In Russ.)
11. Kuzmin S. I., Maletina E. A. Classification of subcultural relations in the criminal community. *Penitentiary Science*. 2019. Vol. 13, No. 1. Pp. 21–28. (In Russ.)
12. Bagautdinova A. R. Criminal subculture and mass media. *The Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2008. No. 4. Pp. 52–54. (In Russ.)
13. Ryabkov A. M., Stepanova E. S., Muslumov R. R. Development of a methodology for assessing the level of addiction to crime among juvenile suspects, accused, convicted persons held in institutions of the Penitentiary System of Russia. Penal enforcement system today: interaction of science and practice. Novokuznetsk, 2021. Pp. 133–136. (In Russ.)
14. Ryabkov A. M., Stepanova E. S., Muslumov R. R. Development and approbation of a methodology for assessing the addiction to crime among juvenile suspects, accused and convicts. *Applied Legal Psychology*. 2022. No. 2(59). Pp. 77–86. (In Russ.)

*Submitted 13.05.2022; approved after reviewing: 25.05.2022; accepted for publication: 30.06.2022.
The authors' alleged contribution: all the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.*

Психокоррекция и регуляция состояний

Psycho-correction and regulation of states

Научно-практическая статья

УДК 159.9.07 © М. С. Яницкий, А. В. Серый, Р. О. Балабашук, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-298-306

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Хронотопические характеристики образа мира осужденных, находящихся в местах лишения свободы

Михаил Сергеевич Яницкий^{1,2}, доктор психологических наук, профессор РАО, профессор кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики; директор социально-психологического института; direktorspi@kemsu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

Андрей Викторович Серый², доктор психологических наук, профессор кафедры психологических наук; avgrey@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Роман Олегович Балабашук², аспирант кафедры психологических наук; romanpsy20@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9034-3274>

¹ Кузбасский институт ФСИН России, 654066, Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49, Россия

² Кемеровский государственный университет, 650000, Кемерово, ул. Красная, 6, Россия

Реферат

Введение. Продолжительное пребывание в местах лишения свободы, связанное с вынужденным ограничением физического и социального пространства, влиянием ценностей криминального сообщества, вызывает ответное изменение образа мира, выполняющее защитную, адаптационную функцию. Цель исследования — выявление конкретных особенностей образа мира человека в условиях пребывания в местах лишения свободы. **Материалы и методы.** Анализировались пространственно-временные и ценностно-смысловые компоненты образа мира, выявленные в серии исследований, выполненных на различных группах испытуемых, находящихся в местах лишения свободы. Оценивались индивидуальные границы психологического пространства и структурная организация идентичности личности; временная перспектива личности и субъективное отношение к своему прошлому, настоящему и будущему; индивидуальная иерархия и уровень реализованности ценностных ориентаций личности; осмысленность жизни и ее отдельных временных локусов. **Результаты и обсуждение.** Образ мира осужденных характеризуется особенностями пространственно-временных и ценностно-смысловых компонентов: непрочностью и проницаемостью внешних границ субъективной реальности; рассогласованностью структуры идентичности личности; жесткой фиксацией на каком-либо временном локусе, «выпадением» из настоящего и разорванностью временной перспективы; ориентацией на «дефицитарные» ценности; низкими показателями осмысленности жизни. **Выводы.** Образ мира осужденных, находящихся в местах лишения свободы, отличается низким уровнем развития всех его хронотопических характеристик. Данные особенности обусловлены совокупностью фрустрирующих факторов внешней социальной среды исправительного учреждения. Вариативность хронотопических характеристик образа мира осужденных определяется характером и тяжестью совершенного преступления, продолжительностью пребывания в местах и «внутрилагерным» социальным статусом.

Ключевые слова: образ мира; пространство; время; ценности; личностные смыслы; хронотоп; осужденные; исправительное учреждение

Для цитирования: Яницкий М. С., Серый А. В., Балабашук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира осужденных, находящихся в местах лишения свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 298–306. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-298-306>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.07 © М. S. Yanitsky, A. V. Seriy, R. O. Balabashchuk, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-298-306

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

5.3.4 Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Chronotopic Characteristics of the Representation of the World among Convicts in Penitentiary Facilities

Mikhail S. Yanitsky^{1,2}, Doctor of Sciences (in Psychology), Professor of the Russian Academy of Education, professor at the chair of Penitentiary Psychology and Pedagogy; Director of Social Psychological Institute; direktorspi@kemsu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

Andrey V. Seriy², Doctor of Sciences (in Psychology), professor at the chair of Psychological Sciences; avgrey@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Roman O. Balabashchuk², post-graduate student at the chair of Psychological Sciences; romanpsy20@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9034-3274>

¹ Kuzbass Institute of Russian Federal Penitentiary Service, 49 Oktyabrsky pr., Novokuznetsk, 654066, Russia

² Kemerovo State University, 6 Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia

Abstract

Introduction. Prolonged stay in penitentiary facilities connected with the forced restriction of physical and social space, the influence of the values of the criminal community, causes a retaliatory change in the representation of the world, which performs a protective, adaptive function. The purpose of the study is to identify specific features of the person's representation of the world in conditions of staying in penitentiary facilities. **Materials and Methods.** Under analysis are space and time and value-semantic components of the representation of the world revealed in a series of studies performed with various groups of subjects in penitentiary facilities. The authors estimate individual boundaries of the psychological space and the structural organization of the personality's identity; the time perspective of an individual and the subjective attitude to one's past, present and future; individual hierarchy and the level of realization of the value orientations of an individual; meaningfulness of life and its individual temporal loci. **Results and Discussion.** The convicts' representation of the world is characterized by peculiarities of space and time and value-semantic components: fragility and permeability of the outer boundaries of subjective reality; inconsistency in the structure of personality identity; rigid fixation on some temporal locus, "falling out" of the present and incoherence of the time perspective; focus on "deficiency" values; low levels of meaningfulness of life. **Conclusions.** Representation of the world among convicts who are in penitentiary facilities is distinguished by a low level of development of all its chronotopic characteristics. These features are determined by a combination of frustrating factors in the external social environment of the correctional institution. The variability of the chronotopic characteristics of convicts' representation of the world is determined by the nature and severity of the crime committed, the length of staying in penitentiary facilities and the "intra-prison" social status.

Keywords: representation of the world; space; time; values; personal meanings; chronotopus; convicts; correctional institution

Citation: Yanitsky M. S., Seriy A. V., Balabashchuk R. O. Chronotopic Characteristics of the Representation of the World among Convicts in Penitentiary Facilities. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 298–306. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-298-306>

Основные положения

1. Образ мира человека представляет собой сложное образование, включающее комплекс субъективных пространственно-временных и ценностно-смысловых хронотопических характеристик. В качестве таких компонентов образа мира рассматриваются система идентичностей личности, ограничивающая ее психологическую «территорию»; временная перспектива личности и субъективное восприятие своего психологического времени; система ценностных ориентаций личности; осмысленность жизни и актуальное смысловое состояние человека. Особенности образа мира и его изменчивость связаны с объективными параметрами жизненного мира человека, определяющими его образ жизни.

2. Пребывание в местах лишения свободы, связанное с действием совокупности фрустрирующих факторов аверсивной внешней среды, обуславливает ответную трансформацию образа мира осужденных, выражающуюся в снижении уровня развития и продуктивности всех его хронотопических характеристик. Данная трансформация образа мира может затруднять социально-психологическую адаптацию к условиям исправительного учреждения и ресоциализацию после выхода на свободу, что требует разработки соответствующих корректирующих мероприятий в рамках воспитательной работы с осужденными.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Объективно существующие условия жизни человека определяют специфику его жизнедеятельности, т. е. задают его образ жизни. Образ жизни, в свою очередь, детерминирует становление образа мира как субъективного отражения объективной реальности. Особый интерес исследователей закономерно вызывают особенности образа мира человека, находящегося в экстремальных или сложных условиях жизнедеятельности, под которыми понимается совокупность фрустрирующих факторов, обуславливающих повышенное напряжение адаптационных механизмов, необходимое для обеспечения равновесия в системе человек-среда [1]. К таким условиям жизнедеятельности относится прежде всего длительное нахождение в ограничивающих или же аверсивных условиях. Релевантной моделью действия подобных условий выступает продолжительное пребывание в местах лишения свободы, связанное с вынужденным ограничением физического и социального пространства, а также влиянием ценностей и норм поведения, принятых в криминальной субкультуре, в течение длительного времени.

Цель — выявление особенностей образа мира человека в условиях пребывания в местах лишения свободы.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Согласно принятому в психологии личности определению образ мира выступает субъективной интерпретацией человеком своего жизненного пространства, дающей ему возможность ориентироваться в окружающей действительности [2], а также источником ожиданий, формирующим временную перспективу жизнеосуществления [3]. Тем самым образ мира, являющийся индивидуальным выражением жизненного мира человека, представляет собой пространственно-временной континуум. Вполне логично, что феномен образа мира традиционно раскрывается посредством использования концепта «хронотоп», который, согласно образному определению А. А. Ухтомского, есть «спайка» пространства и времени, «закономерная связь пространственно-временных координат» [4, с. 347]. Это классическое понимание в современной трактовке дополняется включением в число основных содержательных характеристик хронотопа также и ценностно-смысловых компонентов. Так, по словам В. П. Зинченко, наряду с пространством и временем в хронотопе человека содержатся смысловые и ценностные аспекты сознания, которые он называет «ценностно-смысловым измерением» [5]. Соответственно, и образ мира сегодня также рассматривается как совокупность пространственно-временных и ценностно-смысловых элементов, выступающих его хронотопическими измерениями. Например, В. П. Серкин определяет образ мира как сложную систему, содержащую субъективные пространственно-временные и ценностно-смысловые координаты объективного жизненного мира человека [2]. Данные представления выступают теоретико-методологическими основаниями современных психологических исследований образа мира человека.

Образ мира не является неизменным, трансформируясь вслед за изменением объективного мира, в котором происходит жизнь человека. Как пишет С. А. Богомаз, каждый новый субъективный образ мира служит результатом текущей «перекодировки» актуальных реалий объективного мира [6, с. 175]. Согласно распространенному мнению, такая постоянно осуществляющаяся модификация хронотопических характеристик образа мира представляет собой психологическую реакцию приспособления к меняющемуся миру, позволяющую сохранить устойчивость при изменении условий жизни [7]. Е. С. Фоминых и И. А. Шаповал называют этот функциональный механизм психологической адаптации к непрерывному изменению объективной реальности «хронотопированием», понимаемым как «пространственно-временное упорядочивание» образа мира. Действие такого механизма, по словам авторов, заключается в переоценке и переосмыслении хронотопа человека и границ его собственного «Я», результатом чего ста-

новится сохранение, изменение или формирование нового смысла жизни [8]. Тем самым изменение объективных условий жизнедеятельности затрагивает фактически все составляющие образа мира человека. Вполне очевидно, что при существенном изменении жизненной ситуации, в том числе при отбытии наказания в местах лишения свободы, трансформации подвергаются и пространственно-временные и ценностно-смысловые составляющие образа мира.

В современных исследованиях образа мира его субъективной пространственной характеристикой выступают особенности системы идентичностей человека, очерчивающих его индивидуальную «психологическую территорию». Временными характеристиками образа мира являются представления человека о своем прошлом, настоящем и будущем и отношение к ним, а также субъективное восприятие активности, эмоциональной окраски, наполненности времени и т. д. Ценностно-смысловыми характеристиками образа мира рассматриваются ценностные ориентации личности, их осознанность, интернализированность и фактическая реализованность, а также осмысленность жизни, в том числе своего прошлого, настоящего и будущего [9]. К настоящему времени сложилось устойчивое понимание характера изменения этих компонентов образа мира в условиях пребывания в местах лишения свободы, однако их трансформация, как правило, не анализируется в контексте общего, системного ответа, обеспечивающегося одновременной перестройкой всех хронотопических характеристик.

Материалы и методы

Изучение проблемы основывается на вторичном анализе результатов серии исследований, в том числе выполненных с нашим участием, которые были реализованы на различных группах испытуемых, находящихся в местах лишения свободы. В рамках исследования анализировались следующие пространственно-временные и ценностно-смысловые компоненты образа мира: индивидуальные границы психологического пространства и структурная организация идентичности личности; временная перспектива личности и субъективное отношение к своему прошлому, настоящему и будущему; индивидуальная иерархия и уровень реализованности ценностных ориентаций личности; осмысленность жизни и ее отдельных временных локусов.

Результаты и обсуждение

Данные, полученные в ходе исследования психологических границ и Я-концепции осужденных, свидетельствуют о том, что им, в отличие от обычных законопослушных граждан, свойственна относительная «непрочность», проницаемость границ своего психологического пространства. Вполне закономерно, что это выражается в снижении ряда психологических характеристик — суверенности личности, интерналь-

ности, уверенности в себе, ощущения безопасности, доверия к окружающим и т. д. При этом, как отмечает Е. В. Чернышова, свойственная осужденным ориентация на внешнюю реальность сочетается со следованием не нормам социума в целом, а нормам «ближней», т. е. уголовной, среды, что сопряжено с большей внутренней конфликтностью [10]. С. Г. Елизаров и А. И. Ахметзянова на основании анализа структурной организации идентичности заключенных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, приходят к подобному выводу о ее рассогласованности, при этом степень рассогласованности структуры идентичности оказывается прямо пропорциональной тяжести совершенного противоправного деяния. По данным авторов, обнаруживаются также особенности нарушения согласованности структуры идентичности в зависимости от характера совершенного правонарушения. Так, у осужденных за преступления против жизни и здоровья граждан наблюдается статус преждевременной идентичности, проявляющийся в склонности к подчинению авторитетам, конформности, несамостоятельности, зависимости при совершении жизненного выбора, неспособности к целеполаганию, а также в отсутствии осознания собственной идентичности. У осужденных за преступления против собственности рассогласованность структурной организации идентичности выражается также в ее диффузном статусе, т. е. в отсутствии жизненных целей и желания их сформировать, низких показателей самоинтереса, ригидности Я-концепции, неготовности к самоизменению и позитивному саморазвитию [11]. Тем самым в деформации характеристик субъективного пространства осужденных отмечаются как инвариантные, так и вариативные проявления, определяющиеся тяжестью и характером преступления, повлекшего за собой наказание в виде лишения свободы.

Очевидно, что специфика трансформации психологических границ и Я-концепции у осужденных, находящихся в местах лишения свободы, определяет и аналогичные различия в изменениях временной перспективы личности, что подтверждают, в частности, результаты исследования В. Е. Купченко и А. К. Куатова [12]. При этом общей особенностью временной перспективы, присущей самым различным группам осужденных, являются выраженная нацеленность на будущее, его субъективное приближение и отчетливо позитивная окрашенность, свойственные, как это вытекает из исследования Ю. В. Славинской и Б. Г. Бовина, даже приговоренным к пожизненному заключению [13]. А. А. Мартынова говорит об искажении восприятия своего жизненного пути как особом механизме переживания такой экстремальной жизненной ситуации, проявляющемся в конструировании смысла жизни и жизненных целей для сохранения связей с реальным миром. Этот защитный механизм

выражается в соответствующих изменениях временных характеристик образа мира осужденных — преобладании ориентации на будущее, идеализации своего прошлого и будущего, определенном «выпадении» из настоящего [14]. Предполагается, что чем ярче проявления действия описанного механизма, тем успешнее адаптация осужденного к актуальной жизненной ситуации — условиям исправительно-трудового учреждения. Это подтверждается также нашими собственными исследованиями, согласно которым психологическое «закрывание» временных локусов прошлого и настоящего может способствовать более эффективному переживанию экстремальных ситуаций [15]. Тем не менее описываемый феномен нуждается, вероятно, в дополнительном изучении, в частности в лонгитюдном исследовании.

Как справедливо отмечает И. А. Уваров, «в условиях изоляции от общества осужденный испытывает потребность в определении не только „ближних“ целей, актуальных для него в период отбывания наказания, но и перспективных — связанных с организацией жизненного пространства после освобождения из мест лишения свободы» [16, с. 166]. При этом, по словам автора, при нарушении равновесия между «ближними» и «дальними» целями возможно рассогласование системы ценностных ориентаций личности. Тем самым процесс трансформации пространственно-временных характеристик образа мира закономерно сопряжен и с перестройкой системы ценностных ориентаций, которая также представляет собой механизм интрапсихической адаптации к изменению объективных условий существования. Приоритет в системе ценностных ориентаций лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, приобретают такие ценности, как «свобода» и «здоровье», значимость которых имеет отчетливый дефицитарный характер [17]. Результаты исследования системы ценностей осужденных, полученные А. А. Истоминым и О. В. Истоминой, также демонстрируют характерное повышение ранга значимости ценности «свобода», которая понимается заключенными в буквальном смысле, как свобода от ограничений, накладываемых условиями пенитенциарного учреждения [18]. В связи с этим А. С. Чертовикова приходит к выводу, что такое «упрощение» системы ценностных ориентаций, проявляющееся в актуализации относительно «низших» терминальных ценностей, есть следствие пребывания в исправительных учреждениях [19].

Однако подобное «снижение» уровня развития ценностной системы заключенных могло быть свойственно им и до попадания в места лишения свободы — совершение преступлений против личности и собственности, одновременно противоречащее этическим нормам общества и нарушающее установленные государством законы, уже предполагает опреде-

ленную деформацию системы морально-этических ценностей. Для исключения влияния пенитенциарного сообщества на формирование ценностной системы нами было проведено собственное исследование ценностей лиц, обвиняемых в совершении таких преступлений, как кражи, грабежи, убийства, изнасилования, нарушения общественного порядка и др., которые были арестованы впервые и находились в следственном изоляторе до вынесения приговора [20]. Как показали полученные нами результаты, система ценностных ориентаций лиц данной группы характеризуется доминированием «защитных», обусловленных фрустрацией ценностей: «свободы от» независимости, прежних семейных и дружеских взаимоотношений, а также материального благополучия. Одновременно для описываемой категории правонарушителей свойственно отрицание высших альтруистических ценностей — счастья других, чуткости, терпимости и широты взглядов, а также ценностей развития, самореализации и творчества. При этом отмечается низкий уровень реализованности основных жизненных ценностей в описываемой группе, что еще раз свидетельствует о дефицитарном характере их ценностной системы, т. е. о ее адаптационном происхождении.

Описываемые особенности ценностной иерархии правонарушителей свидетельствуют, что нарушение ими моральных и правовых норм имеет определенную идеологическую основу — «отрицательную», эгоцентрическую систему ценностей, которая вследствие фрустрации базовых потребностей при лишении свободы может еще более закрепляться. Можно сказать, что взаимосвязь, существующая между степенью ценностного «снижения» и частотой и продолжительностью нахождения в местах лишения свободы, имеет двусторонний причинно-следственный характер. Это подтверждают, в частности, результаты исследования А. А. Истомина и О. В. Истоминой, согласно которым рецидивисты демонстрируют более «эгоистически ориентированную» жизненную позицию [18]. Как отмечают Н. Д. Узлов и С. Ш. Арасланов, «уголовный мир живет по своим законам и моральным нормам, отличающимся от мира светской жизни, в нем приняты совершенно иные ценности» [21]. Очевидно, что среда исправительного учреждения, характеризующаяся в целом антисоциальными установками, не способствует эффективности ценностной регуляции социального поведения.

Закономерно, что низкий уровень развития системы ценностных ориентаций личности осужденных, приводящий к нарушению ее регулятивных функций, связан с неспособностью к принятию на себя ответственности за собственные действия и, соответственно, со снижением уровня осмысленности жизни. Так, по словам А. С. Чертовиковой, «упрощение системы ценностных ориентаций и актуализация более низких

терминальных ценностей» отражаются в изменении сознания осужденных, которые «меньше ориентируются на смысл жизни, что значительно снижает общий смысл их существования» [19, с. 408]. При этом, по данным автора, такая закономерность более отчетливо проявляется среди осужденных за насильственные преступления, которые отличаются достоверно большим снижением общей осмысленности жизни и осмысленности собственного будущего по сравнению с отбывающими наказание за совершение преступлений корыстной направленности. В отношении влияния на показатели осмысленности жизни такого фактора, как продолжительность и повторность нахождения в исправительном учреждении, существуют различные точки зрения. Так, по мнению А. А. Истомина и О. В. Истоминой, уровень общей осмысленности жизни практически не различается у осужденных за одно преступление и у лиц с множественным рецидивом преступлений [18]. Это в определенной степени противоречит описанным выше закономерностям трансформации системы ценностных ориентаций в местах лишения свободы, а также высказанному ранее предположению о системном характере изменения всех составляющих образа мира в ответ на изменение среды жизнеосуществления.

В связи с этим нами была проведена серия собственных исследований особенностей смысловой сферы различных групп правонарушителей — впервые арестованных и находящихся в следственном изоляторе; осужденных, отбывающих наказание первый раз в колонии общего режима; рецидивистов, отбывающих срок наказания в колонии строгого режима [20; 22]. Обобщенные результаты, полученные по тесту смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева в этих исследованиях, приведены в таблице 1.

Таблица 1. Усредненные показатели теста СЖО у осужденных в зависимости от длительности пребывания в местах лишения свободы, стандартные баллы
(Table 1. Average Values of the Life Meaning Test for Convicts according to the Length of Stay in Penitentiary Facilities (Standard Scores))

Субшкалы СЖО	Исследуемые группы			Различия при $p < 0,05$ в парах
	1-я (n=56)	2-я (n=50)	3-я (n=45)	
ОЖ	2,41	2,57	2,68	
Цели	3,30	1,36	3,53	1-2; 2-3
Процесс	2,46	3,03	2,09	2-3
Результат	2,60	1,57	2,31	1-2
ЛК-Я	3,32	4,06	3,84	
ЛК-Ж	2,44	3,13	2,50	

Примечания: 1-я группа — содержащиеся в следственном изоляторе; 2-я группа — осужденные впервые; 3-я группа — рецидивисты

Как видно из приведенных результатов, группа содержащихся в следственном изоляторе характеризуется низкой общей осмысленностью жизни, а также

низким уровнем осмысленности предшествующего этапа жизни, неудовлетворенностью актуальным жизненным периодом, а также определенной утратой целевых ориентиров в будущем. Среди смысловых ориентаций данной группы наибольший показатель имеет субшкала «Цели», соответственно, большинство указанных лиц на уровне представлений осмысливают свое будущее, но, поскольку преступление совершено в первый раз, то образ его является нечетким и размытым (знаю, что будет, но не знаю, как это будет). Такая «экзистенциальная фрустрация» (в терминологии В. Франкла) в некоторой степени может объясняться актуальной судебно-следственной ситуацией и неизвестностью в отношении ожидаемого приговора.

Осужденным впервые свойственны достоверно более низкие показатели осмысленности цели по сравнению с другими группами, а также своего прошлого в сравнении с первой группой. Это указывает на кризисное состояние испытуемых при столкновении с условиями новой жизненной ситуации (крайне аверсивной по своей сути), что заставляет их концентрироваться на настоящем моменте ситуации (наиболее выраженный показатель — субшкала «Процесс»). Это, вероятно, объясняет то, что у испытуемых данной группы показатель осмысленности настоящего значимо выше, чем в группе рецидивистов.

Несмотря на то что условия содержания в колонии строгого режима значительно жестче, чем в колонии общего режима, у испытуемых-рецидивистов осмысленность и целей, и своего прошлого значимо выше, чем у испытуемых второй группы. По-видимому, в данном случае можно говорить о факторе социального статуса, повышающегося по мере продолжительности пребывания в исправительном учреждении, и адаптации к внешним условиям, определяющим смысловые аспекты жизнедеятельности этой группы осужденных. Соответственно, рецидивисты, принимая ценности антисоциальной среды и идентифицируя себя с ней, в большей степени адаптированы к условиям пребывания в местах лишения свободы и имеют более четкие представления относительно своего будущего.

В условиях лишения свободы и жесткого ограничения удовлетворения привычных потребностей идентификация осужденного с новым «внутрилагерным» социальным статусом во многом определяет особенности системы личностных смыслов. Для конкретизации значимости влияния фактора социального статуса среди осужденных впервые и рецидивистов нами были выделены четыре группы испытуемых в соответствии с устоявшимся стратификационным укладом исправительного учреждения: «сотрудничающие с властями», «честно работающие», «изгои», «криминальные авторитеты». Разделение испытуемых на названные группы осуществлялось на основании экспертной оценки психологов исправительных учреждений, не-

посредственно взаимодействующих с данными осужденными, а также начальников отрядов, куда входили эти испытуемые. Средние результаты по тесту СЖО Д. А. Леонтьева в описываемых группах приведены в таблице 2.

Таблица 2. Усредненные показатели теста СЖО у осужденных в зависимости от «внутрилагерного» социального статуса, стандартные баллы
(Table 2. Average Values of Life Meaning Test for Convicts according to the "Intra-Prison" Social Status (Standard Scores))

Субшкалы СЖО	Исследуемые группы				Различия при $p < 0,05$ в парах
	1-я (n=24)	2-я (n=46)	3-я (n=14)	4-я (n=11)	
ОЖ	2,4	3,6	2,4	3,0	
Цели	2,7	5,4	3,5	3,7	1-2
Процесс	2,0	2,4	2,0	2,0	
Результат	1,7	3,2	2,8	1,7	1-2; 1-3
ЛК-Я	3,4	5,4	3,1	5,0	1-2; 2-3
ЛК-Ж	2,6	3,4	1,8	2,2	2-3

Примечания: 1-я группа — «сотрудничающие с властями»; 2-я группа — «честно работающие»; 3-я группа — «изгои»; 4-я группа — «криминальные авторитеты»

Представители группы «сотрудничающих с властями» имеют официальные оплачиваемые должности в системе «внутрилагерного» обслуживания (дневальные, завхозы, работники медсанчасти, клуба, блока питания и т. д.), хорошо характеризуются администрацией колонии и фактически находятся на облегченном режиме. Большинство из них имеют поощрения и возможность досрочного освобождения. Несмотря на это, большинство представителей данной группы демонстрирует самый низкий уровень осмысленности своего прошлого, настоящего и будущего. Как отмечают сами такие испытуемые, называющие себя «приспособленцами», они хотят не просто выжить, а создать себе максимум удобных и комфортных условий. Возможно, такая направленность, обусловленная отсутствием стратегических целей на фоне инструментального отношения к настоящему, вызывает синдром ситуации ожидания, выражающийся в блокировании личностных смыслов в жестко локализованной субъективной реальности.

Наиболее высокие показатели осмысленности различных временных локусов демонстрируют представители группы «честно работающих», что статистически значимо выделяет их из общей выборки. Стратегия поведения представителей данной группы заключается в принятии условий лагерного режима, они живут с осмысленной целью выхода на свободу, это и придает ощущение принятия ответственности за поведение, ведущее к освобождению, при этом осмысление прошлого блокируется сознанием, вероятно, в силу действия психологических защитных механизмов, а процесс настоящего — в силу его монотонности и однообразности (настоящее воспринимается как

еще один прожитый день, приближающий освобождение). Можно заключить, что осмысление целей будущего и принятие за них ответственности позволяют осужденным идентифицировать себя как «Я-человек» в жестких условиях внешней действительности, даже отрицая и рационализируя реальность.

Отнесенные к так называемым «изгоям» характеризуются низким уровнем общей осмысленности жизни, который, несмотря на средние значения осознанности своего прошлого и будущего, обусловлен очень низкими показателями локуса контроля, т. е. способности контролировать события собственной жизни и принимать ответственность за то, как она сложится. Представления об отсутствии свободы выбора, неверие в возможность управлять событиями собственной жизни в данном случае связаны, очевидно, с тем, что в качестве стимулов, определяющих поведение данной группы, выступают физическое или психологическое насилие, личностное унижение, отвержение и т. п.

Группа «криминальных авторитетов» характеризуется ярко выраженной отрицательной личностной направленностью, сущность которой состоит в противодействии администрации колонии (отказ от любых видов работ, стремление осуществлять внутреннее управление в лагере и т. д.). Представители данной группы содержатся на строгом режиме, однако благодаря связям с преступным миром и «авторитетному влиянию» на заключенных способны в значительной степени достигать желаемых целей. Тем не менее показатели общей осмысленности жизни и большинства ее составляющих у представителей данной группы находятся на достаточно низком уровне, что, вероятно, связано с непродуктивностью их «отрицательной системы ценностей».

Приведенные результаты свидетельствуют о сравнительно низком уровне развития как пространственно-временных, так и ценностно-смысловых компонентов образа мира осужденных, находящихся в местах лишения свободы, что может осложнять процесс адаптации к условиям исправительного учреждения, а также препятствовать после-

дующей ресоциализации в обществе после отбытия наказания. Сказанное определяет значимость разработки и внедрения в практику воспитательной работы с осужденными системы психолого-педагогических мероприятий по формированию положительного характера и прогрессивной направленности их образа мира.

Выводы

1. Образ мира осужденных, находящихся в местах лишения свободы, в целом отличается низким уровнем развития всех его хронотопических характеристик: непрочностью и проницаемостью внешних границ субъективной реальности; рассогласованностью структуры идентичности личности; жесткой фиксацией на каком-либо временном локусе, «выпадением» из настоящего и разорванностью временной перспективы; ориентацией на дефицитарные ценности; низкими показателями осмысленности жизни.

2. Данные особенности связаны со сложными, ограничивающими или аверсивными условиями жизнедеятельности осужденных, подразумевающими широкий спектр фрустрирующих факторов внешней социальной среды: социальной изоляцией, замкнутостью среды исправительного учреждения, ограниченными возможностями удовлетворения потребностей, рутинной деятельностью и однообразием обстановки, жесткой регламентацией поведения, спецификой социальной стратификации криминального сообщества, навязывающего свои нормы и требования.

3. Факторами, обуславливающими вариативность хронотопических характеристик образа мира осужденных, выступают характер и тяжесть совершенного преступления; частота и продолжительность пребывания в местах лишения свободы; «внутрилагерный» социальный статус и положение в криминальной иерархии.

Перспективы. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости и возможности разработки и внедрения в практику воспитательной работы с осужденными системы психолого-педагогических мероприятий по формированию положительного характера и прогрессивной направленности их образа мира в целом и его отдельных хронотопических составляющих.

Список источников

1. Яницкий М. С., Серый А. В. Трансформация представлений об экстремальной ситуации в постнеклассической психологии // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2013. № 3. С. 120–124.
2. Серкин В. П. Пять определений понятия и схема образа мира // *Вестник Московского университета. Серия 14, Психология*. 2006. № 1. С. 11–19.
3. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // *Вестник Московского университета. Серия 14, Психология*. 1981. № 2. С. 15–29.
4. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002. 448 с.
5. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // *Вопросы философии*. 2011. № 8. С. 85–97.
6. Богомаз С. А. Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири // *Ценностные основания психологической науки и психология ценностей*. М., 2008. С. 67–69.
7. Козлова Н. В., Овчинникова Ю. В. Особенности образа мира личности на разных этапах личностно-профессионального становления // *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 62. С. 96–112.

8. Фоминных Е. С., Шаповал И. А. Трансформации хронотопа и границ личности как диспозиции деструктивности выбора: между возможностью и закономерностью // Психология и Психотехника. 2017. № 4. С. 23–36. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.4.24486>.
9. Яницкий М. С., Серый А. В., Балабащук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира студентов вуза // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании : мат-лы II междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2019. Вып. 2. С. 851–859.
10. Чернышева Е. В. Особенности представлений осужденных к лишению свободы о себе // Пасхи: научный психологический журнал. 2005. № 2(12). С. 210–218.
11. Елизаров С. Г., Ахметзянова А. И. Психологические механизмы регуляции социальной идентичности лиц, находящихся в местах лишения свободы // Человек и его здоровье. 2017. № 3. С. 136–144.
12. Купченко В. Е., Куатов А. К. Особенности временной перспективы осужденных с разным типом Я-концепции // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2009. № 1. С. 10–16.
13. Славинская Ю. В., Бовин Б. Г. Временная перспектива отбывающих пожизненное лишение свободы // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 41–54.
14. Мартынова А. А. Временная перспектива осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания // Ученые записки СПбГМУ им. И. П. Павлова. 2014. № 21(4). С. 54–57.
15. Яницкий М. С., Иванов М. С., Утюганов А. А. Изменение осмысленности прошлого, настоящего и будущего как механизм переживания экстремальных ситуаций // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 2. С. 124–130.
16. Уваров И. А. Категория «свобода» в системе базовых ценностей идеологии пенитенциарного сообщества // Общество. Культура. Право. Краснодар, 2011. С. 166–170.
17. Уваров И. А. Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы как социологическая проблема // Теория и практика общественного развития. 2020. № 11(153). С. 61–64.
18. Истомин А. А., Истомина О. В. Особенности ценностных ориентаций осужденных с различными криминологическими характеристиками // Психолого-педагогические проблемы девиантного поведения личности: исследования, профилактика, преодоление : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Псков, 2015. С. 114–126.
19. Чертовикова А. С. Особенности ценностно-смысловой сферы осужденных за насильственные преступления // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-1. С. 407–411.
20. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000. 204 с.
21. Узлов Н. Д., Арасланов С. Ш. Личностные особенности заключенных в соответствии с их иерархией в преступном сообществе // Психология и право. 2013. Т. 3, № 2. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61036.shtml> (дата обращения: 31.03.2022).
22. Серый А. В. Функционирование системы личностных смыслов в аверсивных условиях жизнедеятельности // Проблемы морально-нравственного развития личности и общества. Кемерово, 2004. С. 223–227.

Поступила 10.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 30.06.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Yanitskiy M. S., Seriy A. V. Transformation of ideas about an extreme situation in post-nonclassical psychology. *Personality in Extreme Conditions and Crisis Situations*. 2013. No. 3. Pp. 120–124. (In Russ.)
2. Serkin V. P. Five definitions of the concept and the scheme of the representation of the world. *Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology*. 2006. No. 1. Pp. 11–19. (In Russ.)
3. Smirnov S. D. The world of images and the image of the world. *Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology*. 1981. No. 2. Pp. 15–29. (In Russ.)
4. Ukhtomsky A. A. Dominant. St. Petersburg, 2002. 448 p. (In Russ.)
5. Zinchenko V. P. Values in the structure of consciousness. *Questions of Philosophy*. 2011. No. 8. Pp. 85–97. (In Russ.)
6. Bogomaz S. A. Differences in the structure of values, meanings and personal characteristics of representatives of three cities of Siberia. Value foundations of psychological science and psychology of values. Moscow, 2008. Pp. 67–69. (In Russ.)
7. Kozlova N. V., Ovchinnikova Yu. V. Features of the representation of the world of personality at different stages of personal and professional formation. *Siberian Journal of Psychology*. 2016. No. 62. Pp. 96–112. (In Russ.)
8. Fominykh E. S., Shapoval I. A. Transformations of the chronotope and boundaries of personality as a disposition of the destructiveness of choice: between possibility and regularity. *Psychology and Psychotechniques*. 2017. No. 4. Pp. 23–36. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.4.24486>. (In Russ.)
9. Yanitskiy M. S., Seriy A. V., Balabashchuk R. O. Chronotopic characteristics of university students' representation of the world. Herzen Readings: Psychological Research in Education. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2019. Issue 2. Pp. 851–859. (In Russ.)
10. Chernysheva E. V. Features of representations of persons sentenced to imprisonment about themselves. *Scientific Psychological Journal*. 2005. No. 2(12). Pp. 210–218. (In Russ.)
11. Elizarov S. G., Akhmetzyanova A. I. Psychological mechanisms of regulation of social identity of the imprisoned. *Man and his Health*. 2017. No. 3. Pp. 136–144. (In Russ.)
12. Kupchenko V. E., Kuatov A. K. Features of the time perspective of convicts with different types of Self-concept. *Bulletin of Omsk University. Series: Psychology*. 2009. No. 1. Pp. 10–16. (In Russ.)
13. Slavinskaya Yu. V., Bovin B. G. Time perspective of life prisoners. *Applied Legal Psychology*. 2011. No. 4. Pp. 41–54. (In Russ.)
14. Martynova A. A. The time perspective of persons convicted of crimes of avarice during the initial period of serving their sentence. *Scientific Notes of the Pavlov St. Petersburg State Medical University*. 2014. No. 21(4). Pp. 54–57. (In Russ.)

15. Yanitskiy M. S., Ivanov M. S., Utyuganov A. A. Changing the meaningfulness of the past, present and future as a mechanism for experiencing extreme situations. *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*. 2012. No. 2. Pp. 124–130. (In Russ.)
16. Uvarov I. A. Category "freedom" in the system of basic values of the ideology of the penitentiary community. *Society. Culture. Law*. Krasnodar, 2011. Pp. 166–170. (In Russ.)
17. Uvarov I. A. Value orientations of persons sentenced to imprisonment as a sociological problem. *Theory and Practice of Social Development*. 2020. No. 11(153). Pp. 61–64. (In Russ.)
18. Istomin A. A., Istomina O. V. Features of value orientations of convicts with various criminological characteristics. Psychological and pedagogical problems of deviant behavior of personality: research, prevention, overcoming. Proceedings of the International scientific and practical conference. Pskov, 2015. Pp. 114–126. (In Russ.)
19. Chertovikova A. S. Features of the value-semantic sphere of the convicted of violent crimes. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2021. No. 72-1. Pp. 407–411. (In Russ.)
20. Yanitskiy M. S. Value orientations of personality as a dynamic system. Kemerovo, 2000. 204 p. (In Russ.)
21. Uzlov N. D., Araslanov S. Sh. Personal characteristics of prisoners in accordance with their hierarchy in the criminal community. *Psychology and Law*. 2013. Vol. 3, No. 2. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61036.shtml> (accessed data: 31.03.2022). (In Russ.)
22. Seriy A. V. Functioning of the system of personal meanings in aversive conditions of life. Problems of moral and morality development of personality and society. Kemerovo, 2004. Pp. 223–227. (In Russ.)

Submitted 10.02.2022; approved after reviewing: 10.03.2022; accepted for publication: 30.06.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Научно-теоретическая статья

УДК 159.98 © А. А. Прусова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-307-315

5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии

5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология

Ценностные отношения взрослых в психологическом консультировании

Александра Андреевна Прусова¹, магистр психологии, психолог-консультант;

al.prusova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2843-5933>

¹ Институт психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, 248023, Калуга, ул. Разина, 22/48, Россия

Реферат

Введение. Проблемы развития современного консультирования нередко связаны с тем, что многие специалисты не в полной мере учитывают воздействие ценностных отношений клиентов, их роль на успех консультирования, на продуктивное и эффективное преодоление существующих барьеров и масок, тормозящих развитие клиента и мешающих ему стать тем, кем он может стать. Цель исследования — обнаружить особенности проявления и характера изменения ценностных отношений взрослых людей в процессе их психологического консультирования. Объект исследования — ценностные отношения в жизненных ситуациях взрослых людей и их репрезентация в консультативных отношениях. Предмет исследования — консультативные проявления ценностных отношений взрослых людей в процессе психологического консультирования и их анализ. Новизна исследования связана с попыткой изучения особенностей проявления и трансформации ценностных отношений взрослых людей в процессе психологического консультирования. **Результаты и обсуждение.** Ценностные отношения — это множество человеческих потребностей и способов представления и переживания мира, которые объясняют существующее многообразие смыслов жизнедеятельности человека как личности, партнера и профессионала. Ценностные ориентации можно определить как направленность человека на присвоение, поддержание и утверждение в своей жизнедеятельности тех или иных ценностей, которые становятся для него более или менее общими целями его жизни, основаниями построения и трансформации отношений с собой и другими людьми, понимания внутренней и внешней действительности, а также совершения жизненных выборов и связанных с ними поступков, присвоения и трансформации моделей поведения и интеракций (общения). **Выводы.** Ценностные отношения взрослых людей связаны с повседневными практиками их жизнедеятельности: 1) ценностные отношения обнаруживаются во внутреннем и внешних конфликтах, в процессе принятия решения и совершения жизненно важного выбора, что подтверждается соотношением переживания вакуума, ценностных рассогласований и их соотношением с фундаментальными мотивациями экзистенциальной исполненности; 2) содействие психолога-консультанта в рефлексии ценностных оснований выбора позволяет взрослому человеку осознать роль ценностных отношений как в кризисных, так и в повседневных практиках их жизнедеятельности.

Ключевые слова: ценностные отношения; взрослый; психологическое консультирование; консультант; клиент

Для цитирования: Прусова А. А. Ценностные отношения взрослых в психологическом консультировании // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 307–315. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-307-315>

Scientific and Practical Article

UDC 159.98 © А. А. Prusova, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-307-315

5.3.1 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

5.3.5 Social Psychology, Political and Economic Psychology

Value Attitudes of Adults in Psychological Counseling

Alexandra A. Prusova¹, Master of Psychology, consulting psychologist; al.prusova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2843-5933>

¹ Institute of Psychology of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, 22/48 Razin st., Kaluga, 248023, Russia

Abstract

Introduction. The problems of the development of modern counseling frequently result from the situation that many specialists do not comprehensively take into account the impact of clients' value attitudes, their role in successful counseling, in the productive and effective tackling current barriers and masks that hinder the development of the client and prevent him from becoming what he can be. The purpose of the study is to identify the features of the manifestation and nature of the change in the value attitudes of adults in the process of their psychological counseling. The object of the study covers the value attitudes in life situations of adults and their representation in psychological counseling. The subject of the study includes counseling manifestations of the value attitudes of adults in the process of psychological counseling and their analysis. The novelty of the research lies in the attempt to study the peculiarities of the manifestation and transformation of the value attitudes of adults in the process of psychological counseling. **Results and Discussion.** Value attitudes are a set of human needs and ways of representing and experiencing the world, which explain the existing variety of meanings of human life as a person, partner and professional. Value orientations can be defined as a person's focus on the appropriation, maintenance and approval in his life of certain values that become more or less common goals of his life, the foundations for building and transforming of relationships with himself and other people, grounds for understanding internal

and external reality, for making life choices and actions based on them, appropriation and transformation of behavior patterns and interactions (communication). **Conclusions.** The value attitudes of adults are connected with the daily practices of their life: 1) value attitudes are revealed in internal and external conflicts, in decision-making and making a crucial choice, which is confirmed by the ratio of experiencing a vacuum, value mismatches and their relationship with the fundamental motivations of existential fulfillment; 2) the assistance of a counseling psychologist in reflecting on the value bases of choice enables an adult to realize the role of value attitudes both in crisis and in everyday practices of their life.

Keywords: value attitudes; adult; psychological counseling; consultant; client

Citation: Prusova A. A. Value Attitudes of Adults in Psychological Counseling. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 307–315. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-307-315>

Основные положения

1. Ценностные отношения — множество человеческих потребностей и способов представления и переживания мира, которые объясняют существующее многообразие смыслов жизнедеятельности человека как личности, партнера и профессионала.

2. Ценностные отношения субъектов консультирования (клиента и консультанта) актуализируются в выборе ими направления и, значит, успехе консультирования и всей жизнедеятельности за пределами помогающих отношений.

3. В содержании разных направлений психотерапии и психологического консультирования сфокусированы ценности, которые важны для исцеляющегося и/или развивающегося пациента или клиента и на которые ориентируется консультант в своей деятельности. Ценности опираются на конкретную палитру техник и практики, отражающую совокупность ведущих целей и правил помогающего взаимодействия.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В современной России консультирование и психотерапия становятся все более привычными практиками помощи взрослым людям в решении возникающих внутриличностных и межличностных проблем, карьерном и профессиональном становлении, решении задач совершенствования и развития, а также профилактики деформаций этого развития, девиаций и иных нарушений, вплоть до противоправного и преступного поведения. Вместе с тем привычность помогающих практик, их распространенность и активное развитие в образовательной (академической), медицинской (психиатрической) и социальной (социальная работа) сферах не означает, что эти практики освоены. Россия все еще не имеет высокоразвитой культуры консультативных и психотерапевтических отношений: проблемы совершенствования подготовки консультантов и психотерапевтов, а также оптимизации самой помощи, повышения психологической культуры населения страны в целом остаются актуальными. Одна из основных причин — малая осознанность проблематики ценностных отношений субъектов консультирования. Многие отечественные психологи-консультанты до сих пор работают, опираясь

на предпочитаемые ими подходы и технологии помощи «сами по себе», без их соотнесенности с ценностями, лежащими в основе подходов, и ценностями, которые разделяют сами консультанты как личности, партнеры и профессионалы. Специалисты часто не в полной мере учитывают воздействие ценностных отношений клиентов, их роль на успех консультирования в целом, на продуктивное и эффективное преодоление барьеров и масок, тормозящих развитие клиента и мешающих ему стать тем, кем он может стать, — самоактуализирующейся личностью, осуществляющей всей своей жизнью истинные, а не фиктивные жизненные ценности, в полном соответствии со своей внутренней сущностью и в гармонии с окружающим миром. В рамках подходов и традиций, обращающих особое внимание на ценностные отношения клиентов как взрослых, зрелых, имеющих сформированную систему ценностей людей, наблюдается возможность помогать людям даже в решении наиболее сложных, проблемных ситуаций, предотвращать и корректировать индивидуальные и социальные деформации и эксцессы.

Цель исследования — обнаружить особенности проявления и характера изменения ценностных отношений взрослых людей в процессе их психологического консультирования.

Объект исследования — ценностные отношения в жизненных ситуациях взрослых людей и их репрезентация в консультативных отношениях.

Предмет исследования — консультативные проявления ценностных отношений взрослых людей в процессе психологического консультирования и их анализ.

Методы исследования: теоретическое осмысление проблем формирования и развития ценностных ориентаций взрослых людей в психологическом консультировании.

Новизна исследования связана с попыткой изучения особенностей проявления и трансформации ценностных отношений взрослых людей в процессе психологического консультирования.

Результаты и обсуждение

Ценности — один из наиболее важных междисциплинарных объектов современных научных исследований. Большую роль их изучению отводит и современная социальная психология. Ценности

в психологии изучались многими исследователями. Среди зарубежных представителей можно особо отметить А. Маслоу, В. Франкла, Г. Олпорта, Л. Кольберга, М. Рокича, Э. Фромма и др. [1–4], среди отечественных — А. И. Донцова, В. Н. Мясищева, А. В. Серого, В. А. Ядова, М. С. Яницкого и др. [5–8]. Множественность обращений порождает множественность подходов. Результатом их различия служат возникающие проблемы соотношения данных подходов и предлагаемых ими «ценностно-смысловых отношений», «(смысловых) мотивов», «ценностно-целевых ориентаций» и т. д. Все эти понятия, хотя и не имеют единого определения и истолкования, отражают факт существования и развития человека как субъекта культуры — «присваивателя», носителя, воплотителя и творца ценностей и конкретизирующих эти ценности целей. Роль ценностей, ценностных отношений человека особенно важна, когда он взаимодействует с другим человеком, в том числе по поводу данных ценностей. Примерами являются эдологические практики, практики социально-психологической помощи человеку человеку, включая психологическое консультирование, направленное на разрешение проблем, причиной которых часто становятся деформации и затруднения в сфере осмысления себя и мира, построения ценностных отношений с собой и миром, выборе адекватных ценностям моделей поведения и взаимодействия [6; 9–11].

Ценностные отношения — множество человеческих потребностей и способов представления и переживания мира, которые объясняют существующее многообразие смыслов жизнедеятельности человека как личности, партнера и профессионала. То, что для одного человека имеет большую ценность, для другого — может иметь малую или вообще никакой. То, что важно для человека как личности, может не иметь никакого значения для него как профессионала и для «мира профессии» в целом. Ценностные ориентации мы можем определить как направленность личности на присвоение, поддержание и утверждение в своей жизнедеятельности тех или иных ценностей, которые становятся для человека:

а) более или менее общими целями его жизни, а также основаниями построения и трансформации отношений с собой и другими людьми;

б) основаниями понимания внутренней и внешней действительности;

в) совершения жизненных выборов и связанных с ними поступков, присвоения и трансформации моделей поведения и интеракций (общения).

Полагаем правильным дифференцировать понятия «ценностные ориентации» и «ценности»: ценностные ориентации характеризуют не только сознательное, но и действенное, активное отношение личности к миру, являются результатом «перехода» ценностей из «чистого» сознания в поведенческую плоскость.

Ценностные отношения актуализируются в ситуации выбора. Внутренняя структура ценностного отношения, как это отражено еще А. И. Донцовым [5], объединяет два компонента:

1) собственно ценностную, содержательную сторону — индивидуальные эталоны, регулирующие выборы и активность человека;

2) динамическую, активационную сторону — формы, степень и область активности субъекта, опосредованной этими эталонами.

Наиболее важными и часто сложными являются «стержневые» ценностные эталоны личности, которые опосредуют процесс социальной жизнедеятельности человека в целом; эти эталоны актуализируются в связи с основными сферами деятельности человека, образуя цель и смысл жизни. Данное понимание отражает влияние ценностей, их удовлетворения, подтверждения, доступности и общей удовлетворенности человека собой и миром, исполненности его жизни как социального существа.

В концепции Д. А. Леонтьева, развивающей модель Э. Фромма и В. Франкла [2; 3], выделен ряд «логик осуществления выборов»:

— логика удовлетворения потребностей («Я делаю так, потому что я так хочу») и парная ей логика социальной нормативности («Потому что так надо, так правильно»);

— логика реакции на стимул («Потому что он первый начал») и парная ей логика предрасположенности, стереотипа, диспозиции («Потому что я так привык»);

— логика смысла или жизненной необходимости («Потому что мне это важно») и парная ей логика свободного выбора («А почему бы и нет?») [12, с. 155–156].

В работах многих иных исследователей данные логики также описаны в категориях инстинктивного и осознанного поведения, а также поведения и выборов, отражающих меру развития человека, в том числе сложности его жизненного мира и взрослости [1; 13 и др.]. Ценностный выбор в узком смысле осуществляется в рамках последней группы логик (как борьба мотивов), когда субъект становится способным выходить за пределы конкретной ситуации и осмысливать жизнь в целом или отдельные ее аспекты, конкретные ситуации и конкретных людей, вместе со стратегической линией. Это предполагает наличие личностной, партнерской и профессиональной зрелости, рефлексии, способности к ценностно-смысловому определению и «подтверждению» жизни. Говорить о ценностных отношениях в консультировании и в контексте человеческой жизни в целом можно только при условии, что речь идет о взрослом человеке. Сформированность и гармоничность ценностных отношений человека — показатели его зрелости, одна из целей консультирования [1; 2; 9].

Гипотетически можно выделить такие этапы ценностного выбора, как осознание субъектом цен-

ностей, их большей или меньшей противоречивости и т. д., этап самоопределения в отношении этих ценностей (формирование отношения к осознанной ценности, определение ее места в иерархии личностных ценностей и структуре своего «Я»); осознание сути конфликта между конкурирующими мотивационными линиями (осознание направленности мотива и определения «цены» намерения); собственно выбор альтернативы как ценностно-осмысленный выбор. Такой порядок в целом описан еще в классических социально-психологических работах, посвященных нравственному развитию (Л. Кольберг и К. (Дж.) Гиллиган и др.) [4; 14]. Важно отметить, что ценностный выбор не только процесс и результат осознания личностью мотивобразующих ценностей и выбора конкретных мотивационных линий, но и понимание и принятие этих ценностей человеком, т. е. акт личностного, партнерского и профессионального роста, самореализации и социальной реализации субъекта. Поэтому развитие способности к осознанному ценностному выбору является одной из важнейших характеристик развития человека.

А. А. Кожурова указывает, что, рассматривая категорию «ценностное отношение», важно обратить внимание на концепт отношения [15]. Исследуя сущность понятия «отношение», В. Н. Мясищев подчеркивал, что психологический смысл отношения состоит в том, что оно является одной из форм отражения человеком окружающей действительности. Он полагал ценностные отношения важнейшей характеристикой человека: «...система сознательных жизненных отношений, как в норме, так и патологии» [6, с. 16].

С. М. Ершова пишет, что структура ценностного отношения является многоуровневой и многокомпонентной, она включает первичный слой желаний, долженствований, нужд; выбор индивида между ориентацией на ближайшие цели и отдаленную перспективу (тактикой и стратегией, или стратегемой); осознание того, что жизненный выбор и ориентация на ценности являются относительно стабильным, «рутинным» состоянием; превращение жизненного выбора в основание для понимания ориентаций других людей [16].

Предметом отношения могут выступать разные виды и формы деятельности человека, включая помогающую деятельность. Многочисленные типологии таких отношений представлены, в частности, в посвященных данной проблематике работах М. Р. Арпентьевой, Ф. Е. Васильюка, Г. А. Ковалева, А. Ф. Копьева, Т. А. Флоренской и многих иных представителей диалогического подхода в консультативной психологии [17–20], полагающих, что существует богатая палитра вариантов отношений людей в ситуации помощи и в иных ситуациях: человек движется в своем отношении к миру, к другому и к себе по континуумам. При этом, наряду с непосред-

ственным, существуют опосредствованные отношения, которые связаны с местом ожидаемого результата деятельности в системе целей личности. Чрезмерное преобладание в жизнедеятельности человека опосредствованных отношений говорит о том, что он живет, игнорируя собственную суть. Поэтому психологическое консультирование и психотерапия предлагают ему восстановить связи с теми первичными, непосредственными ценностями, или «данностями» его бытия, которые действительно значимы именно для него, а не только для окружающих. Ценность всегда ценность и для общества, и для человека. Рассогласованность в этой сфере ведет к отчуждению в отношениях человека с собой и миром и утере ценностей (в том числе десакрализации). Сложное сочетание мотивов, формирующее отношение, описывается исследователями как структура отношения [6]. О нарушенных взаимоотношениях как причине проблем человека как личности партнера и профессионала рассуждали и зарубежные психологи-гуманисты и персонологи: А. Адлер [21], выделивший ценности и отношения истинные и фиктивные, ведущие к развитию и любви и к деградации и конфликтам; К. Роджерс [22], определивший три ступени становления человека: становление личностью, становление партнером и становление профессионалом; А. Маслоу [1], описавший дефициентные и недефициентные отношения человека с миром, а также многие иные классики и современники. Проблемы, с которыми сталкиваются клиенты, в целом могут быть охарактеризованы как связанные преимущественно с нарушениями и затруднениями понимания социальных ситуаций, себя или окружающих людей в интимно-личностном, деловом и других видах отношений. Эти проблемы локализованы на ценностно-целевых, смысловых и интерактивно-ролевых уровнях жизнедеятельности. Однако при внимательном рассмотрении можно увидеть, что источниками всех проблем человека являются деформации и иные нарушения формирования и развития его ценностных отношений. Пример — концепции конфликта и насилия, конформности и подчинения социальному насилию и т. д., а также концепции отчуждения и аномии, которые говорят о том, что жизнь человека и его выборы в первую очередь связаны с характером жизненных ценностей, так же как и жизнестойкость человека, способность и готовность к активному совладанию с жизненными трудностями.

Ценностные отношения представлены в поведении и интеракциях людей в повседневных и кризисных ситуациях в большей или меньшей степени. Наиболее ярко и полно они выражены, когда человек имеет возможность выбирать модель поведения или интеракций, свободу осмысления себя и мира, свободу формирования и проявления целей. Это не всегда возможно в повседневности, но весьма желательно в консультировании и психотерапии. Ряд исследователей подчеркивает, что характер воздействия личност-

ных ценностей на поведение субъекта связан с мерой их ясности (осознанности) и непротиворечивости, согласованности друг с другом и с тем, что субъект ощущает как собственную суть.

Проблемами клиента в консультировании часто выступают следующие ситуации:

1. Ценностно-смысловой конфликт, ценностно-смысловой диссонанс, ведущие к межличностным и внутриличностным конфликтам, например, когда две важные ценности претендуют в той или иной ситуации на первое место одновременно.

2. У человека рассогласованы декларируемые и истинные ценности, фиктивные ценности заняли место истинных [16; 21 и др.].

3. У человека наблюдаются яркие проявления отчуждения и аномии, десакрализации и экзистенциального вакуума, неверия в себя и жизнь, жизнеотрицание [2; 23].

Поэтому в консультативной психологии современности одной из задач выступает анализ того, как именно проявляются ценности в консультативном, психотерапевтическом и супервизорском процессах.

Типологизация ситуаций и форм психотерапии и психологического консультирования на основании выделения различных типов клиентов и стоящих перед ними проблем дает возможность определить следующие виды консультирования:

1) обращенных к решению в разной мере выраженных проблем (конфликтов и рассогласований, выгорания и перенапряжения, деформаций и деструкций) внутриличностного и межличностного уровней;

2) проблем социально-психологического функционирования и его восстановления (психологической защиты и совладания с жизненными трудностями) и проблем социально-психологического развития (самореализации и наставничества) в сфере семейных, профессиональных и иных отношений.

Они могут стремиться пережить травмирующую внешнюю экстремальную ситуацию, травмирующую ситуацию в межличностных «объектных» отношениях или найти выход из внутреннего кризиса, связанного с «экзистенциальной фрустрацией» и задержкой (нежеланием) развития.

Во всех вышеперечисленных случаях они могут пытаться понять и изменить себя, окружающих людей или ситуацию своей жизни: свои ценности и связанные с ними ролевые позиции; свои модели общения с другими людьми; уровни, способы и фокусы понимания себя и мира, т. е. свою жизнедеятельность. Наиболее яркие проявления ценностного отношения на уровне вербальных показателей встречаются в высказываниях (вопросах, комментариях клиента или пациента и т. д.), указывающих:

1) на изменения ценностей и целей жизни, десакрализацию или ресакрализацию;

2) изменения самопонимания и миропонимания, их расширение или сужение, углубление или уплощение, непонимание или развитие понимания и т. д.;

3) (непонятные) изменения общения и поведения, резкие и выраженные трансформации в своем или чужом поведении и общении, выступающих диссонансами по отношению к привычным, сложившимся паттернам;

4) необходимость перемен и существование конфликтов, в том числе возникшие «разрывы» и «провалы» в жизнедеятельности, невозможность целостного, нефрагментарного осмысления жизнедеятельности;

5) невозможность оставаться прежним (на прежнем месте, в привычном времени, в привычном окружении, в привычном статусе и т. д.).

Наиболее содержательные и научно обоснованные подходы к осмыслению проявлений ценностей в психологическом консультировании и психотерапии представляют собой исследования идентичности и самоопределения человека, совершения им жизненного выбора и выбора самого себя, особенно в ситуации так называемого экзистенциального выбора. Хотя ценности присутствуют в Я-концепции человека как личности, партнера и профессионала постоянно, имманентно, наиболее выразительно они проявляются и трансформируются в процессе столкновения с жизненными трудностями, перипетиями. Жизненные трудности, состояния стрессов и дистрессов, а также травмы и посттравматические состояния ярко обнаруживают ценностный мир человека. В моменты переживания травм, кризисов и т. д. активизируются задачи совершения более или менее глобального, важного, оперативного принятия решений о переменах в своей жизни, ценностях и целях, своей личности и отношениях, своей карьере и профессии и т. д. Человек выбирает самого себя, свое окружение, и в этом выборе он проверяет и подтверждает или изменяет свои ценности, трансформирует ценностные отношения, сложившиеся в предшествующей жизни и ведущие его к более или менее желательным последствиям.

Консультативная ситуация — это ситуация выбора. Консультант интегрирует переживания, представления и поведенческие реакции клиента, возвращая их клиенту в едином ценностно окрашенном представлении («интегрирующем впечатлении»). Клиент может использовать данное впечатление для того, чтобы осознать что-то важное для него, что-то значимое, в том числе в качестве значимого и ценного. Рефлексия ценностей, рефлексия представлений и переживаний, связанных с этими ценностями, рефлексия моделей поведения и общения — центральные процессы консультирования [9].

В консультировании и психотерапии человек обращается к своим ценностям: тем базовым постулатам, которые связаны с этими ценностями и которые позволяли ему успешно справляться с жизненными задачами (переводить проблемы в задачи) ранее. Однако очень

часто в кризисной ситуации человек обнаруживает, что разделяемые или даже декларируемые им ценности в ситуации кризиса оказываются недействительными, не способными помочь ему решить проблему. Нередко перед человеком стоит и задача подтверждения ценности [24], ее утверждения и осуществления: то, что ранее декларировалось и считалось само собой разумеющимся, обретает статус задачи. Человек должен подтвердить свои ценности и таким образом себя самого (свою Я-концепцию и самопонимание, свои концепции, других людей и мира — их понимание). Это состояние часто соотносят с понятием взрослости или зрелости. Трудности, связанные с выбором, многочисленны, они касаются как самых общих ориентаций человека («быть или иметь»), так и более частных. Так, в ситуации кризисов, затрагивающих самые основы бытия человека (духовный или ценностный кризис, экзистенциальный кризис, кризис смены или потери члена семьи, работы, места жительства и т. д.), деструкции (в том числе десакрализации), трансформации ценностей отражаются в ряде состояний отчужденной аномии (и астенического безразличия), жизненного тупика и безнадежности, переживания / осознания бессмысленности и невозможности понимания, неверия в себя и людей и сверхдоверия к миру и т. п. Эти трансформации и деформации проявляются также в различных видах активности и на уровнях поведения: чем более масштабны трансформации, тем в большей мере деятельность поиска и пересмотра ценностных отношений — смыслов жизнедеятельности — выступает как самостоятельная, осознанная. Как писал В. Франкл [2], иногда человеку недоступна иная деятельность как деятельность пересмотра и построения своего ценностного, смыслового отношения к обстоятельствам жизни, изменившимся столь резко, радикально и субъективно негативно, что отрицают не только отдельные шаблоны поведения и интеракций, не только некоторые понимания себя и мира, но порой, как кажется, все цели и ценности человека, всю его жизнь и жизнь человечества в целом.

Помимо этого, многие ценностные трансформации исходят из простого процесса «перерастания»: клиент или пациент обладает стремлением к развитию и достижению высших (для него или для человеческого бытия в целом) ценностей. Он часто стремится и ставит задачу достижения чего-то, что выходит за рамки его наличных способностей, статуса, привычных ценностей и целей. Он решаете достичь чего-то. Очень часто, однако, за этим стремлением самореализации все же стоят проблемы, связанные с нежеланием мириться с чем-то в мире партнерских (интимно-личностных) и профессиональных отношений. Они не удовлетворяют какие-то запросы внутреннего мира, рождая дисбаланс или деструкции внутриличностных отношений.

Внутренний конфликт обычно является следствием внешнего. При этом можно назвать огромную об-

ласть современных конфликтологических исследований, которая описывает типы конфликтов, в том числе ценностно-смысловые или экзистенциальные. Конфликтология — огромная междисциплинарная сфера исследований противоречий между социальными субъектами разного типа, большая доля исследований в которой посвящена различиям ценностных ориентаций как «истинным», базовым причинам конфликта и снятию различий ценностных ориентаций в разрешении конфликта (медиации и т. д.). При этом консультативная конфликтология акцентирует внимание на проблемах конфронтации и консенсуса (в медиационных и посреднических технологиях).

Ценностные отношения субъектов консультирования (клиента и консультанта) актуализируются в выборе ими направления и, значит, успехе консультирования и всей жизнедеятельности за пределами помогающих отношений. В. В. Колпачников, А. Сосланд и многие другие отечественные исследователи считают, что элементы любой психотехнической системы или любого психотерапевтического подхода или школы интегрируют и системы ценностей и целей [9; 25; 26]. Данные системы могут декларироваться явно или оставаться скрытыми (как в религиозно-ориентированных подходах) или даже скрывающимися (как в некоторых парадоксальных подходах), но всегда есть. Раскрывается та или иная система ценностей через согласованную модель человека и общества (их развития и жизнедеятельности), человеческих или социальных отношений, трудности и кризисы развития. Ценности опираются на конкретную палитру техник и практики, отражающую совокупность ведущих целей и правил помогающего взаимодействия. Персонализирует систему ценностей конкретный специалист, для которого избранный им подход является не просто технической системой, а способом существования и развития в мире. В процессе индоктринации, длительного и интенсивного взаимодействия психолог как «значимый другой» организует, вдохновляет, корректирует активность пациента в контексте концептуальных основ подхода / психотехнической системы. Однако любому «психотерапевту важно удерживать в мысли то очевидное обстоятельство, что у человека, ставшего пациентом психотерапии, есть независимая от психотерапии жизнь, в контексте которой вся психотерапия — только маленькая и необязательная часть» [10, с. 45].

Переживание ценностного конфликта делает человека открытым для консультативных воздействий. Как показало наше эмпирическое исследование [27], не само стремление к какой-то ценности и не переживание ее трудности достижения каким-то образом артикулируют и усиливают переживание удовлетворенности собой и миром, гармонии и экзистенциальной исполненности, в конфликте переживаются и утверждаются экзистенциальные мотивации. Экзистенциальные смыслы, к ко-

торым побуждается индивид, и ценностный конфликт, который он переживает, сопряжены. Они находятся в едином пространстве поиска и самоопределения. Переживание конфликта и переживание экзистенциальной исполненности находятся, таким образом, в единой связи. Не сама ориентация на те или иные ценности или переживание о том, насколько они доступны, сопряжены с процессом развития экзистенциальной исполненности, а наличие конфликта усиливает эти процессы в определенной сфере.

Поэтому неслучайно, что любой консультативный подход направлен на ценности. Любое психологическое отношение отражает ценность, поэтому понятие «ценностное отношение» во многом тавтологично, оно может быть использовано лишь для того, чтобы подчеркнуть, что объект данного отношения имеет особую значимость, ценность для субъекта (терминальную или инструментальную). Ценностные отношения, будучи оформлены в виде личностных «принципов», обладают большим мотивационным влиянием на поведение человека. Они придают целостность и направление различным мотивам человеческого познания, общения и практической деятельности в ходе решения общих и типичных человеческих проблем.

В содержании разных направлений психотерапии и психологического консультирования сфокусированы ценности, которые важны для исцеляющегося и/или развивающегося пациента или клиента и на которые ориентируется консультант в своей деятельности. Несомненным «лидером» ценностно-ориентированных подходов в консультировании при этом выступает религиозно-ориентированная [13; 24] и экзистенциально-гуманистическая модели психотерапии [1–3]. В системных и интегративных подходах, в том числе в мультикультурном консультировании, отмечается, что уровень помощи связан с тем, насколько клиент готов и способен к более полному, точному пониманию себя как члена определенной социокультурной группы, живущего в определенный исторический период, в определенных политических реалиях и т. д. При этом конкретные техники облегчают или затрудняют идентификацию человека с конкретными культурно-историческими ценностями. Большое значение имеют и уровень квалификации специалиста, и уровень развития человека как личности, партнера и профессионала.

Основными процессами в практике работы с клиентами являются процессы и результаты (взаимо)понимания как (пере)осознания и переработки, изменения индивидуальных способов (путей) жизни, интраперсональных (внутриличностных) и интерперсональных (межличностных) отношений личности. Эти процессы реализуются в ходе работы с индивидом или всей группой, среди них основными являются «понимание для профилактики» (например, проговаривание и выговаривание), в котором доминирующую роль играют

процессы осознания и переживания, «понимание для реабилитации» (сопровождающееся феноменами катарсиса, личностных и межличностных изменений на уровне ценностей, способов понимания себя и мира, моделей общения и поведения), в рамках которого акцент смещается на действенные компоненты понимания [28], а также «понимание для развития» — творчество клиентом себя и окружающей жизни в диалоге с консультантом. Основные шаги на этом пути осознания и смысловой переработки таковы:

1) осознание стереотипов взаимоотношений и их проекции на жизнь клиентов и социальных работников, их профессиональные контакты, их интраперсональные и интерперсональные аспекты, анализ проблем соотношения социального и психологического уровней жизнедеятельности;

2) осознание шагов и стадий различных поведенческих паттернов («поведений») клиентов;

3) осознание способов осмысления (осознания, переживания) клиентом мира, людей, себя самих;

4) осознание наиболее сложных (экзистенциальных) и распространенных (обыденных) проблем клиентов;

5) осознание достижений, успехов и неудач, их переживание, коррекция программ интервенций и построение планов развития клиентов и специалистов;

6) осознание, переживание возможностей и ограничений, преодоление ограничений и развитие возможностей, формирование, апробация и коррекция проектов и планов будущего и пересмотр заключений прошлого;

7) пересмотр ценностей и целей жизни и деятельности в разных ее сферах.

В контексте данных представлений психологическое консультирование может быть определено как процесс диалогического, ценностно-смыслового взаимодействия индивидов и групп по поводу исследования проблем их социально-психологического становления, функционирования и развития, способов разрешения этих проблем, а также по поводу оптимизации их жизнедеятельности, (ре)социализации и самореализации («социальной исполненности») и в конечном счете самоактуализации и достижения состояния экзистенциальной, а не только социальной исполненности. Однако до настоящего времени эта сфера не стала предметом системного изучения ни с точки зрения методологической, ни с точки зрения практической. Мы надеемся, что наше исследование является вкладом в решение данной задачи, а также в разработку эффективных и продуктивных подходов к работе с клиентами (пациентами) [29].

Выводы

Ценностные отношения субъектов консультирования (клиента и консультанта) актуализируются в выборе ими направления и, значит, в успехе консультирования и всей жизнедеятельности за пределами помогающих отношений. В содержании разных направлений психоте-

рапии и психологического консультирования сфокусированы ценности, которые важны для исцеляющегося и/или развивающегося пациента или клиента и на которые ориентируется консультант в своей деятельности. Ценности опираются на конкретную палитру техник и практики, отражающую совокупность ведущих целей и правил помогающего взаимодействия. Персонализирует систему ценностей конкретный специалист, для которого избраный им подход является не просто технической системой, а способом существования и развития в мире.

Ценностные отношения взрослых людей связаны с повседневными практиками их жизнедеятельности:

1) ценностные отношения обнаруживаются во внутреннем и внешних конфликтах, в процессе принятия решения и совершения жизненно важного выбора, что подтверждается соотношением переживания вакуума, ценностных рассогласований и их соотношением с фундаментальными мотивациями экзистенциальной исполненности;

2) содействие психолога-консультанта в рефлексии ценностных оснований выбора позволяет взрослому человеку осознать роль ценностных отношений как в кризисных, так и в повседневных практиках их жизнедеятельности.

Перспективы исследования

1. Ведущей задачей дальнейших исследований мы видим проведение и анализ эмпирического изучения проблемы, в том числе на основе осуществления с помощью разработанной нами схемы про-

цедуры контент-анализа консультативных бесед взрослых в контексте экзистенциально-гуманистической и иных школ и направлений работы с клиентами.

2. Полезна разработка авторской модели консультирования, ориентированного на трансформацию и развитие ценностных отношений взрослых людей, осознание и преобразование ценностного конфликта как источника внутренних и внешних трудностей и нарушений, достижения состояний личностной, межличностной и профессиональной эффективности, идентичности и исполненности.

3. Ближайшей перспективой приложения результатов проведенного исследования является разработка рекомендаций по совершенствованию процессов консультаций при работе со взрослыми людьми разных возрастных и социальных групп.

4. На основе полученных результатов может быть усовершенствована модель практической подготовки психологов в вузе, разработан практикум психологического консультирования.

5. Может быть разработана система рекомендаций по совершенствованию подготовки специалистов иных профессий, сталкивающихся с конфликтами и деформациями ценностей и носителями таких деформаций и конфликтов (педагогов и социальных работников, сотрудников право- и здравоохранительных учреждений и т. д.).

Список источников

1. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999. 425 с.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник / общ. ред. Л. Я. Гозмана. М., 1990. 368 с.
3. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. 415 с.
4. Kohlberg L., Levine Ch., Hewer A. Moral stages: a current formulation and a response to critics. Basel, N-Y, 1983. 300 p.
5. Донцов А. И. О ценностных отношениях личности // Советская педагогика. 1974. № 5. С. 67–76.
6. Мясницев В. Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека. М., 1960. 320 с.
7. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
8. Яницкий М. С., Серый А. В., Пелех Ю. В. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии // Философия образования. 2013. № 1(46). С. 175–186.
9. Арпентьева М. Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений (на материале психологического консультирования) : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 497 с.
10. Василюк Ф. Е. Модель хронотопа психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 4. С. 26–49.
11. Леонтьев Д. А. Психология выбора. Часть I. За пределами рациональности // Психологический журнал. 2014. № 5. С. 5–18.
12. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999. 487 с.
13. Василюк Ф. Е. Типы духовного совладания // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 5. С. 139–152. <https://doi.org/10.17759/cpp.2014220507>.
14. Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Harvard, 1993. 192 p.
15. Кожурова А. А. Особенности ценностных отношений как основа формирования личности // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 6. С. 143–146.
16. Ершова С. М. Теоретическое осмысление категорий «Ценность» и «Ценностные отношения» // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 8. С. 52–59.
17. Ковалев Г. А. Три парадигмы в психологии — три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 41–49.
18. Копьев А. Ф. О духовно-аксиологических предпосылках монологизма // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. 2009. № 2. С. 144–156.
19. Копьев А. Ф., Топольская Т. А. Психотерапия обыденной жизни (феноменологическое исследование диалога) // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25, № 4. С. 94–114. <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250407>.

20. Флоренская Т. А. Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем. М., 2009. 480 с.
21. Адлер А. Понять природу человека. М., 2022. 213 с.
22. Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия / пер. с англ. М., 1997. 320 с.
23. Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. 343 с.
24. Ханжина О. А. Ценностное отношение студентов к образованию как аспект культуры образовательных отношений: элементы измерения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2013. Т. 5, № 3. С. 122–125.
25. Колпачников В. В. Психотехническая система обучения человекоцентрированному подходу // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 3. С. 135–146. <https://doi.org/10.17759/chp.2015110312>.
26. Сосланд А. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М., 1999. 368 с.
27. Арпентьева М. Р., Прусова А. А. Ценностные отношения взрослых в психологическом консультировании / под ред. М. Р. Арпентьевой. Калуга, 2022. 218 с.
28. Флоренская Т. А. Диалог как метод психологии консультирования (духовно ориентированный подход) // Психологический журнал. 1994. № 5. С. 12–15.
29. Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the XXI Century / Ed. by M. R. Arpentieva, etc. Canada, Toronto, 2018. 710 p. (Ser. Actual problem of the practical psychology. Vol. 4).
Поступила 25.05.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

References

1. Maslow A. New frontiers of human nature. Moscow, 1999. 425 p. (In Russ.)
2. Frankl V. Man in search of meaning. Collected papers. Ed. by Gozman L. Ya. Moscow, 1990. 368 p. (In Russ.)
3. Fromm E. Psychoanalysis and ethics. Moscow, 1993. 415 p. (In Russ.)
4. Kohlberg L., Levine Ch., Hewer A. Moral stages: a current formulation and a response to critics. Basel, N-Y, 1983. 300 p.
5. Dontsov A. I. On the value relations of an individual. *Soviet Pedagogy*. 1974. No. 5. Pp. 67–76. (In Russ.)
6. Myasishchev V. N. The main problems and the current state of the psychology of human relations. Moscow, 1960. 320 p. (In Russ.)
7. Yadov V. A. Social identification in a crisis society. *Sociological Journal*. 1994. No. 1. Pp. 35–52. (In Russ.)
8. Yanitskiy M. S., Seriy A. V., Pelekh Yu. V. Value–semantic paradigm as the basis of post–non–classical pedagogical psychology. *Philosophy of Education*. 2013. No. 1(46). Pp. 175–186. (In Russ.)
9. Arpentieva M. R. Mutual understanding as a phenomenon of interpersonal relations (on the material of psychological counseling). Doctor of sciences dissertation (in Psychology). Moscow, 2015. 497 p. (In Russ.)
10. Vasilyuk F. E. Model of the chronotope of psychotherapy. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2009. No. 4. Pp. 26–49. (In Russ.)
11. Leontiev D. A. Psychology of choice. Part I. Beyond Rationality. *Psychological Journal*. 2014. No. 5. Pp. 5–18. (In Russ.)
12. Leontiev D. A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality. Moscow, 1999. 487 p. (In Russ.)
13. Vasilyuk F. E. Types of spiritual coping. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2014. Vol. 22, No. 5. Pp. 139–152. <https://doi.org/10.17759/cpp.2014220507>. (In Russ.)
14. Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Harvard, 1993. 192 p.
15. Kozhurova A. A. Features of value attitudes as the basis for the formation of personality. *Siberian Pedagogical Journal*. 2006. No. 6. Pp. 143–146. (In Russ.)
16. Ershova S. M. Theoretical understanding of the categories "Value" and "Value Attitudes". *Siberian Pedagogical Journal*. 2011. No. 8. Pp. 52–59. (In Russ.)
17. Kovalev G. A. Three paradigms in psychology — three strategies of psychological influence. *Psychological Issues*. 1987. No. 3. Pp. 41–49. (In Russ.)
18. Kopiev A. F. On the spiritual and axiological prerequisites of monologism. *Proceedings on Psychological Counseling and Psychotherapy*. 2009. No. 2. Pp. 144–156. (In Russ.)
19. Kopiev A. F., Topolskaya T. A. Psychotherapy of everyday life (phenomenological study of dialogue). *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2017. Vol. 25, No. 4. Pp. 94–114. <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250407> (In Russ.)
20. Florenskaya T. A. The world is your home. Man in solving life's problems. Moscow, 2009. 480 p. (In Russ.)
21. Adler A. To understand the nature of man. Moscow, 2022. 213 p. (In Russ.)
22. Rogers C. Client–centered therapy. Transl. from English. Moscow, 1997. 320 p. (In Russ.)
23. Schweitzer A. Culture and ethics. Moscow, 1973. 343 p. (In Russ.)
24. Khanzhina O. A. Value attitude of students to education as an aspect of culture of educational relations: elements of measurement. *Bulletin of South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences*. 2013. Vol. 5, No. 3. Pp. 122–125. (In Russ.)
25. Kolpachnikov V. V. Psychotechnical system of teaching a human–centered approach. *Cultural–Historical Psychology*. 2015. Vol. 11, No. 3. Pp. 135–146. <https://doi.org/10.17759/chp.2015110312>. (In Russ.)
26. Sosland A. Fundamental structure of the psychotherapeutic method or how to create your own school in psychotherapy. Moscow, 1999. 368 p. (In Russ.)
27. Arpentieva M. R., Prusova A. A. Value attitudes of adults in psychological counseling. Ed. by Arpentieva M. R. Kaluga, 2022. 218 p. (In Russ.)
28. Florenskaya T. A. Dialogue as a method of counseling psychology (spiritually oriented approach). *Psychological Journal*. 1994. No. 5. Pp. 12–15 (In Russ.)
29. Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the XXI Century. Ed. by Arpentieva M. R. Toronto, 2018. 710 p. (Ser. "Actual problem of the practical psychology". Vol. 4).
Submitted 25.05.2022; approved after reviewing: 30.05.2022; accepted for publication: 30.06.2022.

Научно-практическая статья

УДК 343 © В. В. Орлов, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-316-325

5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология

Закономерности в поведении лиц, осуществляющих вооруженные нападения на учебные учреждения

Владимир Владимирович Орлов¹, кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС; pallidum@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

¹ Академия ФСИН России, 390000, Рязань, ул. Сенная, 1, Россия

Реферат

Введение. Выявляются закономерности в поведении лиц, осуществляющих массовые убийства в учебных заведениях, для разработки программы профилактики данного рода преступлений. **Материалы и методы.** Методом анализа конкретных ситуаций (кейс-метод) рассмотрены 107 случаев массовых расстрелов в учебных заведениях (скулшутинг) в России, США, Канаде, Германии и Финляндии. Каждый случай был проанализирован по шести критериям на предмет выявления географических, временных и лунафазных зависимостей. **Результаты и обсуждение.** Выявлено наличие статистически достоверной взаимосвязи между временем вооруженных нападений на учебные заведения и фазами лунного цикла. Установлен опасный период, включающий три дня до и три дня после «узловых» моментов лунного цикла — полнолуния или новолуния; наиболее же часто атаки на учебные заведения совершаются в период растущей Луны, на второй день по новолунию. **Выводы.** Доказанное отсутствие географических и календарных привязок эксцессов скулшутинга говорит об отсутствии у данного деструктивного явления организационных структур и координационных центров. На фоне несостоятельности попыток построить систему раннего выявления подобного рода преступлений исключительно на базе составления индивидуальных психологических портретов «школьных стрелков» необходима иная, объективная система выявления закономерностей, определяющих их поведение, элементом которой может стать привязка к фазам лунного цикла.

Ключевые слова: колумбайн; массовые расстрелы в учебных заведениях; школьная стрельба; скулшутинг; лунафазная активность

Для цитирования: Орлов В. В. Закономерности в поведении лиц, осуществляющих вооруженные нападения на учебные учреждения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 316–325. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2022-390-316-325>

Scientific and Practical Article

UDC 343 © V. V. Orlov, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-316-325

5.3.5 Social Psychology, Political and Economic Psychology

Behaviour Patterns of Persons who Commit Armed Attacks on Educational Institutions

Vladimir V. Orlov¹, Candidate of Sciences (in Medicine), senior lecturer at the chair of Psychology of Professional Activity in the Penitentiary System; pallidum@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

¹ the Academy of the Russian Federal Penitentiary Service, 1 Sennaya st., Ryazan, 390000, Russia

Abstract

Introduction. The regularities in behaviour of persons who commit mass killings in educational institutions are revealed to develop a program for the prevention of this kind of crimes. **Materials and Methods.** 107 cases of mass shootings in educational institutions ("schoolshooting") in Russia, the USA, Canada, Germany and Finland were considered via case-study method. Each case was analyzed according to six criteria of identifying geographical, temporal and moon-phase dependencies. **Results and Discussion.** A statistically reliable relationship between the time of armed attacks on educational institutions and the phases of the lunar cycle was revealed. The author establishes the dangerous period, which covers three days before and three days after the "crucial" points of the lunar cycle — full moon or new moon; it is stated that the most frequent attacks on educational institutions are committed during the growing Moon, on the second day of the new moon. **Conclusions.** The proven absence of geographical and calendar bindings of excesses of "schoolshooting" indicates the absence of organizational structures and coordination centers for this destructive phenomenon. Against the background of failed attempts to build a system of early revealing of such crimes solely on the basis of drawing up individual psychological portraits of "school shooters", it is necessary to develop a different, objective system to identify patterns that determine their behavior, an element of which can be connected with the phases of the lunar cycle.

Keywords: columbine; mass shootings in educational institutions; schoolshooting; school violence; Moon phase activity

Citation: Orlov V. V. Behaviour Patterns of Persons who Commit Armed Attacks on Educational Institutions. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 316–325. (In Russ.) <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2022-390-316-325>

Основные положения

1. Феномен вооруженных нападений на учебные учреждения (скулшутинг) давно выделился в самостоятельную социальную проблему. Интернет в целом и социальные сети в частности способствовали распространению данного явления в глобальном масштабе. При этом, несмотря на шаблонность действий «школьных стрелков» и выраженную их индуцированность, выявить четкие закономерности в их поведении пока не удалось.

2. Попытки создания системы раннего выявления подростков, склонных к такого рода преступлениям, только на основе составления усредненного психологического портрета «школьного стрелка» успехом не увенчались, в связи с чем возникла потребность выявления других — объективных — закономерностей поведения «скулшутеров», или факторов, это поведение определяющих.

3. Луна объективно оказывает влияние на планету Земля и ее обитателей; связь ее с физическим и психическим состоянием человека установлена и доказана. Изменения гравитационного влияния Луны в определенные моменты лунного цикла способны через эпифизарную систему вызывать гормональные сдвиги, в свою очередь ведущие к изменению поведенческих реакций.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В исследованиях феномена скулшутинга мы сталкиваемся с парадоксом: невзирая на выраженные внешние влияния, «школьные стрелки» остаются преступниками-одиночками, что крайне затрудняет их выявление и профилактику указанных преступлений. Поиск закономерностей в их поведении, на основании которых можно было бы создать действенный алгоритм предотвращения подобных деяний, видится основным вопросом рассматриваемой проблемы.

Залогом успешного создания действенной методики предотвращения подобных инцидентов выступают составление психологического портрета среднестатистического «школьного стрелка» и определение его поведенческих паттернов. Несмотря на значительную работу, проведенную как отечественными, так и зарубежными специалистами, установление психологических закономерностей в поведении «школьных стрелков» не привело к созданию эффективных программ раннего выявления склонности учащихся к школьному насилию. В связи с этим ряд авторов предпринял попытки поиска иных — непсихологических — закономерностей в действиях «школьных стрелков» [1, с. 97].

В частности, устанавливалась взаимосвязь между временем нападений на учебные заведения и определенными календарными датами. Продиктовано это было тем фактом, что Э. Харрис и Д. Клиболд осуществили свою акцию в день рождения А. Гитлера. Ни одна из подобных попыток успехом не увенчалась, поскольку

данное совпадение носило случайностный характер и Харрис и Клиболд изначально планировали провести нападение 19 апреля, приурочив его к очередной годовщине террористического акта в Оклахома-сити. Иначе говоря, привязка к некоему событию действительно имела, но она была неверно истолкована.

Основное же заблуждение подавляющего большинства исследователей данного феномена, по нашему мнению, заключается в том, что поиск закономерностей проводится ими в нематериальных сферах, в ущерб менее явным, но объективным влияниям.

Цель исследования — выявить наличие достоверных закономерностей в действиях «школьных стрелков» или обстоятельств, их сопровождающих, на основании которых можно было бы прогнозировать риск повторных эксцессов.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования помогут определить параметры опасного периода в осуществлении актов вооруженных нападений на учебные заведения и предусмотреть их в разработке программ по обеспечению безопасности школьников и студентов.

Материалы и методы

Методом анализа конкретных ситуаций (кейс-метод) рассмотрены 107 случаев массовых расстрелов в учебных заведениях (скулшутинг) в России, США, Канаде, Германии и Финляндии. Каждый случай был проанализирован по шести критериям на предмет выявления географических, временных и лунафазных зависимостей.

Для исследования взята выборка случаев вооруженных нападений на учебные заведения с 3 февраля 2014 г., момента первого российского скулшутинга, по 31 декабря 2021 г.

Вся информация по изучаемым случаям получена из открытых источников. При этом автор умышленно отказался от сведений, распространяемых в социальных сетях, ввиду низкой степени их достоверности и использовал только сайты государственных структур и официальные новостные ресурсы. Анализ был проведен методом конкретных ситуаций. Полученные результаты были математически проанализированы методами вариационной статистики с использованием параметрического t-критерия Стьюдента.

В выборку вошло 107 случаев вооруженных нападений на учебные заведения; из них 25 — происшедших на территории Российской Федерации и 82 — на территориях стран северного полушария: США, Канады, Германии и Финляндии.

Результаты и обсуждение

20 апреля 1999 г. учащиеся школы «Колумбайн» Эрик Харрис и Дилан Клиболд устроили в своем учебном заведении массовый расстрел, в ходе которого было убито 13 и ранено 22 школьника.

Харрис и Клиболд не просто совершили беспрецедентное по жестокости и цинизму преступление — они

Таблица 1. Случаи скулшутинга в учебных заведениях Российской Федерации за период 3 февраля 2014 г. — 31 декабря 2021 г. (основная группа)

(Table 1. Schoolshooting Cases in Educational Institutions of the Russian Federation from February 3, 2014 to December 31, 2021 (main group))

Дата происшествия				Место происшествия	Нападающий		Пострадавшие		
Год	Месяц	Число	День недели		Возраст	Пол	Убито	Ранено	Всего
2014	2	3	пн	Отрадное	15	муж.	2	1	3
2014	10	21	чт	Электросталь	14	муж.	1	0	1
2016	9	23	пт	Суксун	23	муж.	0	1	1
2017	2	11	сб	Нижнекамск	14	муж.	1	0	1
2017	5	12	пт	Усинск	16	муж.	0	1	1
2017	9	5	вт	Ивантеевка	15	муж.	0	4	4
2017	10	19	чт	Сыктывкар	?	муж.	0	1	1
2017	10	25	ср	Волгоград	?	муж.	1	0	1
2017	11	1	ср	Москва	18	муж.	1	0	1
2017	11	28	вт	Высоковск	?	муж.	0	1	1
2017	12	18	пн	Иркутск	?	муж.	1	0	1
2017	12	21	чт	Комсомольск-на-Амуре	?	муж.	0	3	3
2018	1	15	пн	Пермь	15, 16	муж.	0	15	15
2018	1	18	чт	Симферополь	?	муж.	0	1	1
2018	1	19	пт	Улан-Удэ	?	муж.	0	7	7
2018	3	21	ср	Шадринск	13, 14, 13	жен.	0	7	7
2018	4	18	ср	Стерлитамак	17	муж.	0	3	3
2018	5	10	чт	Барабинск	16	муж.	0	3	3
2018	10	17	ср	Керчь	18	муж.	21	67	88
2019	5	28	вт	Вольск	13	муж.	0	1	1
2019	11	14	чт	Благовещенск	19	муж.	1	3	4
2021	4	10	сб	Санкт-Петербург	?	муж.	0	0	0
2021	5	11	вт	Казань	19	муж.	9	32	41
2021	9	20	пн	Пермь	18	муж.	6	47	53
2021	12	13	пн	Серпухов	18	муж.	0	13	13
						ИТОГО:	44	211	255

породили абсолютно новую социальную проблему, которую с подачи средств массовой информации ныне условно называют «колумбайн» (по названию школы) или скулшутинг (дословно «школьная стрельба»).

Инцидент в школе «Колумбайн» был не первым в американской и мировой истории. Например, 17 января 1989 г. массовое убийство произошло в школе г. Стоктона (Калифорния); 24 марта 1998 г. — в школе г. Джонсборо (Арканзас) и т. п. Но только «Колумбайн» стал именем нарицательным для обозначения подобных эксцессов, а Харрис и Клиболд посмертно стали кумирами тинэйджеров и обзавелись сначала поклонниками, а потом и подражателями [2, с. 158]. Так, уже через неделю их сценарий повторил Тодд Смит Кэмерон (28 апреля 1999 г.; г. Табер (Канада)), а ровно через месяц Томас Соломон (20 мая 1999 г.; г. Конайрес (США)).

Первый официальный российский «школьный стрелок» Сергей Гордеев (3 февраля 2014 г., г. Отрадное) также действовал по сценарию Харриса и Клиболда, подражая им даже внешне. «Стрелок из Ивантеевки» Михаил Пивнев, осуществивший нападение на учебное заведение 5 сентября 2017 г., заявил, что ждал возможности реализовать свои планы три года, т. е. с 2014-го, ориентируясь уже на Гордеева. Данные три случая объединяет явная цепочка индуцируемости (Харрис и Клиболд → Гордеев

→ Пивнев), или, по определению Е. Г. Дозорцевой с авторами, «информационное заражение» [3, с. 98].

Таким образом, некорректная подача информации о подобных инцидентах с муслированием ее в социальных сетях способствует фокусировке общественного внимания на преступнике с созданием вокруг него ореола популярной («медийной») личности. Возведение его в статус «звезды» расширяет аудиторию его поклонников и способствует распространению его идей [4, с. 67].

Случаи скулшутинга в учебных заведениях Российской Федерации. В выборку вошло 25 случаев вооруженных нападений на учебные заведения (табл. 1). Сюда включались только случаи, попадающие под определение «вооруженного нападения на учебные учреждения», т. е. предварительно спланированная акция, осуществленная человеком, имеющим непосредственное отношение к данному учебному заведению, носящая демонстративный характер, не сопровождающаяся корыстными мотивами и направленная на получение максимального количества жертв, вне их сегрегации по какому бы то ни было признаку [5, с. 64].

Факты, когда учебное заведение стало просто территорией криминального события (например, убийство школьницы на почве ревности с последующим самоубийством преступника в здании школы № 8 г. Находки 18 марта 2016 г.), из выборки были исключены.

Таблица 2. Случаи скулшутинга в учебных заведениях США за период 3 февраля 2014 г. — 31 декабря 2021 г. (контрольная группа)
(Table 2. Schoolshooting cases in Educational Institutions of the USA) from February 3, 2014 to December 31, 2021 (control group)

Дата происшествия				Место происшествия	Нападающий		Пострадавшие		
Год	Месяц	Число	День недели		Возраст	Пол	Убито	Ранено	Всего
2014	4	9	ср	Моррисвилл	16	муж.	0	20	20
2014	5	23	пт	Исла-Виста	22	муж.	6	14	20
2014	6	10	вт	Троусдэйл	15	муж.	1	1	2
2014	10	24	пт	Мэрисвилл	15	муж.	4	1	5
2014	11	20	чт	Таллахасси	31	муж.	0	3	3
2015	2	5	чт	Колумбия	46	муж.	1	0	1
2015	6	5	пт	Сизтл	26	муж.	1	2	3
2015	10	1	чт	Розбург	26	муж.	9	7	16
2016	2	12	пт	Глендейл	15	жен.	1	0	1
2016	2	29	пн	Миддлтаун	14	муж.	0	4	4
2016	6	1	ср	Лос-Анджелес	38	муж.	2	0	2
2016	9	28	ср	Таунвилл	14	муж.	2	3	5
2017	1	20	вс	Вест Либерти	17	муж.	0	2	2
2017	6	8	чт	Тунханнок	24	муж.	3	0	3
2017	9	13	ср	Рокфорд	15	муж.	1	3	4
2017	12	7	чт	Ацтек	21	муж.	2	0	2
2018	1	23	чт	Бентон	15	муж.	2	14	16
2018	2	14	ср	Паркленд	19	муж.	17	17	34
2018	4	20	пт	Окала	19	муж.	0	1	1
2018	5	18	пт	Санта-Фе	17	муж.	10	13	23
2018	5	25	пт	Нобльсвилл	13	муж.	0	2	2
2019	5	7	вт	Хайлан-Ранч	18, 16	муж.	1	8	9
2019	11	14	пн	Санта-Кларита	16	муж.	2	3	5
2021	11	30	вт	Оксфорд	15	муж.	4	7	11
						ИТОГО:	69	125	194

Случаи скулшутинга в учебных заведениях США. В качестве контрольной группы было взято 24 случая массовых расстрелов в учебных заведениях США, происшедших за тот же период (табл. 2).

Усредненный портрет российского «школьного стрелка». Общий анализ полученной информации дал возможность составить усредненный портрет российского «школьного стрелка»: это лицо мужского пола (96% случаев); в возрасте около 18 лет (20%) со средним возрастом по выборке 16,2 года; не склонный к действиям в составе группы (92,86%); предпочитающий использовать пневматическое либо холодное оружие (72%).

Контрольная группа, состоящая из американских «скулшутеров», продемонстрировала сходные показатели: это также лицо мужского пола (92%); в возрасте около 15 лет (24%) при среднем возрасте по выборке 20,12 года; не склонный к действиям в составе группы (96%); предпочитающий использовать огнестрельное оружие (близко к 100%, отличие от российских показателей обусловлено разницей в «оружейной культуре» в РФ и США и степенью доступности огнестрельного оружия) [5, с. 65].

При этом в обеих группах наши данные полностью коррелировали с результатами более ранних исследований [6, с. 444]. К сожалению, там был сделан вывод, что общепсихологический профиль «школь-

ных стрелков» не представляет значительного интереса и нередко, напротив, усложняет идентификацию таких учащихся на ранних стадиях [1, с. 97]. На основании последнего нами было принято решение отказаться от стандартных подходов и осуществить поиск потенциальных закономерностей не на уровне конкретных личностей, а на уровне факторов, способных оказать влияние на всю группу «школьных стрелков» в целом.

На первом этапе исследования была осуществлена попытка выявить закономерности в географическом расположении населенных пунктов, где имели место эксцессы школьных расстрелов. Для этого сначала были проанализированы географические координаты каждого населенного пункта на предмет тяготения их к определенной широте или долготе. Географические координаты выражались в градусах, минутах и секундах и были получены с сайта подсчета расстояний между населенными пунктами ANY Road¹.

На втором этапе был использован интернет-ресурс Гугл-Планета Земля², в котором все перечисленные точки были в виде геометок нанесены на интерактивной карте в целях выявления закономерностей расположения данных населенных пунктов или обнаружения специфического «георисунка» (например, пентаграммы или знаков нацистской символики).

¹ <https://anyroad.ru>

² <https://earth.google.com>

Ни в том, ни в другом случае географических закономерностей в расположении мест осуществления нападений на учебные заведения выявлено не было. Это нельзя считать неудачей, поскольку отсутствие закономерности говорит о том, что нет скоординированности действий отдельных «школьных стрелков». Несмотря на распространение их идей преимущественно через интернет и высокую степень подверженности внешним влияниям, «скулшутеры» не являются структурированным движением и не имеют общего координационного центра (в отличие, например, от деструктивных движений «Синий кит» и «МКУ» («Маньяки — Культ убийц»)).

Далее автор перешел к анализу эксцессов скулшутинга по шкале времени, что также не позволило обнаружить закономерности во времени реализации нападений в образовательных учреждениях ни на месячном, ни на недельном уровне. Это также соответствовало данным более ранних исследований.

Полученный результат помог уточнить вопрос психического состояния нападающих: если предположить у «школьных стрелков» наличие психических расстройств, то они не имеют сезонной зависимости и не связаны с учебными нагрузками или психологической усталостью от занятий.

Зависимость действий «скулшутеров» от дат, способных оказать провоцирующее воздействие. На следующем этапе исследования была проанализирована возможная зависимость действий «скулшутеров» от праздничных и памятных дат, которые были подразделены на три категории.

Праздники разных религиозных течений: христианские (Пасха (в основной группе — православная; в контрольной — католическая)); иудейские (пурим, песах, йом-кипур); сатанинские (Вальпургиева ночь, мэй-дэй, хеллоуин, пятница 13-го); языческие (имболк, йоль, самайн, мабон)).

Дни рождения известных личностей — В. И. Ленина, А. Гитлера, Э. Че Гевары, М. Цзэдуна, Д. Лейна.

Даты провоцирующих событий — террористический акт в Оклахома-сити; террористический акт 911; массовое самоубийство в Джонстауне.

Как и в предыдущих случаях, закономерностей выявлено не было, что позволяет сделать вывод об исключении в действиях «школьных стрелков» наличия как религиозно-мистической подоплеки, так и политических мотивов. Несмотря на пристальное внимание к данному направлению, оно должно быть признано бесперспективным, а единичные случаи совпадений — носящими случайный характер, не имеющий статистической достоверности.

Следующим критерием анализа были взяты фазы лунного цикла, приходящиеся на дни эксцессов, кото-

рые устанавливались с привлечением сайта «Информационный ресурс и руководство по Луне»³.

Эксцессы основной группы по фазам лунного цикла. Анализ времени эксцессов основной группы по фазам лунного цикла выявил, что основная их часть (52%) произошла на растущей Луне; чуть меньше (40%) — на убывающей; и только 2 из них (8%) пришлось на узловые моменты лунного цикла — полнолуние и новолуние (по одному на каждое событие).

При этом обнаружена выраженная закономерность: большинство эксцессов (72%) случилось в течение трех дней до и после узловых событий лунного цикла, т. е. вблизи полнолуний и новолуний. Первая часть анализа контрольной группы результатов основной группы не подтвердила. В США подавляющая часть школьных расстрелов была совершена на убывающей Луне — 54,17%, а на растущей — только 41,67%. На узловую точку цикла (новолуние) пришлось одно событие (4,17%). Однако выявленная в первой группе закономерность, подчиняющаяся формуле *узловое событие +/-3 дня*, была подтверждена показателями, близкими значениям основной группы, — 70,83%.

Несмотря на объективный характер полученных данных, автор, тем не менее, понимал, что они не могут быть четко увязаны с исследуемым явлением. Кроме того, влияние небесных объектов на какие бы то ни было стороны человеческой жизни дискредитировано псевдонаукой астрологией, и даже неопровержимые факты такого влияния вызывают в научной среде если не неприятие, то скепсис. В связи с этим было принято решение провести дополнительную проверку достоверности полученных данных, для чего была сформирована еще одна группа, получившая название дополнительной. В нее вошли 58 случаев, происшедших в период с 20 апреля 1999 г. (дата «колумбайна») по 3 февраля 2014 г. (дата первого российского скулшутинга) в странах северного полушария (США, Канада, Германия, Финляндия). Сведения о них были получены из исследования Р. Langman [7] и интернет-ресурса School Shooters.info⁴ (табл. 3).

Зависимости нападений на учебные заведения от фазы лунного цикла. Данные дополнительной группы показали достаточную степень корреляции с данными основной и контрольной групп.

На большой выборке было подтверждено наличие зависимости нападений на учебные заведения от стадии Луны, обнаруженной в основной группе. Так, на растущую Луну пришлось 62,07% эксцессов; на убывающую — 34,48%; на узловые моменты лунного цикла — 3,45% (одно полнолуние и одно новолуние).

Было выявлено и подчинение формуле *полнолуние/новолуние +/-3 дня* — на указанный период пришлось 55,17% инцидентов с применением оружия в школах.

³ <https://www.moonconnection.com>

⁴ <https://schoolshooters.info>

Таблица 3. Случаи скулшутинга в учебных заведениях стран северного полушария за период 20 апреля 1999 г. — 3 февраля 2014 г. (дополнительная группа)
(Table 3. Schoolshooting cases in Educational Institutions of the Countries in the Northern Hemisphere from April 20, 1999 to February 3, 2014 (additional group))

Дата происшествия				Место происшествия	Нападающий		Пострадавшие		
Год	Месяц	Число	День недели		Возраст	Пол	Убито	Ранено	Всего
1999	4	20	ср	Литлтон (США)	18, 18	муж.	13	22	35
1999	4	28	ср	Табер (Канада)	14	муж.	1	1	2
1999	5	20	чт	Конайрес (США)	15	муж.	0	4	4
1999	12	6	пн	Форт-Гибсон (США)	13	муж.	0	5	5
2000	3	10	пт	Саванна (США)	19	муж.	2	1	3
2000	5	26	пт	Лейк-Уэрт (США)	13	муж.	1	0	1
2000	6	28	ср	Сизтл (США)	42	муж.	1	0	1
2000	8	28	пн	Фейетвилл (США)	37	муж.	1	0	1
2001	3	5	пн	Сантис (США)	15	муж.	2	15	17
2001	3	7	ср	Уильямспорт (США)	14	жен.	0	1	1
2001	3	22	чт	Эль-Кахон (США)	18	муж.	0	5	5
2002	1	16	ср	Гранди (США)	43	муж.	3	3	6
2002	4	26	пт	Эрфурт (Германия)	19	муж.	16	7	23
2002	10	29	вт	Тусон (США)	41	муж.	3	3	6
2003	4	24	чт	Рэд Лайон (США)	14	муж.	1	0	1
2003	5	9	пт	Кливленд (США)	62	муж.	1	2	3
2003	9	24	ср	Колд Спринг (США)	15	муж.	2	0	2
2004	2	9	пн	Гринбуш (США)	16	муж.	0	1	1
2005	3	21	пн	Ред-Лейк (США)	16	муж.	9	7	16
2005	11	8	вт	Джексборо (США)	14	муж.	1	2	3
2006	3	14	вт	Рино (США)	14	муж.	0	2	2
2006	8	30	ср	Хиллсборо (США)	18	муж.	1	2	3
2006	9	13	чт	Монреаль (Канада)	25	муж.	1	19	20
2006	9	27	пт	Бейли (США)	53	муж.	1	0	1
2006	9	29	пт	Казеновия (США)	15	муж.	1	0	1
2006	10	2	пн	Барт Тауншип (США)	32	муж.	5	5	10
2006	11	20	пн	Эмсеттен (Германия)	18	муж.	0	37	37
2007	1	3	ср	Такома (США)	18	муж.	1	0	1
2007	4	2	пн	Сизтл (США)	41	муж.	1	0	1
2007	4	11	ср	Грешем (США)	15	муж.	0	10	10
2007	4	16	пн	Блексберг (США)	23	муж.	32	25	57
2007	10	10	ср	Кливленд (США)	14	муж.	0	4	4
2007	11	7	ср	Йокела (Финляндия)	18	муж.	8	10	18
2007	12	11	вт	Лас-Вегас (США)	18	муж.	0	6	6
2008	2	8	пт	Батон-Руж (США)	23	жен.	2	0	2
2008	2	14	чт	Де-Калб (США)	28	муж.	5	18	23
2008	9	23	вт	Каухайоки (Финляндия)	22	муж.	10	1	11
2009	1	21	ср	Блэксбург (США)	25	муж.	1	0	1
2009	3	11	ср	Винненден (Германия)	17	муж.	15	9	24
2009	4	3	пт	Бингемтон (США)	41	муж.	13	4	17
2009	4	26	вс	Хэмптон (США)	18	муж.	0	2	2
2009	5	6	ср	Мидлтаун (США)	29	муж.	1	0	1
2009	9	17	чт	Ансбах (США)	18	муж.	0	15	15
2009	12	4	пт	Вестал (США)	46	муж.	1	0	1
2010	2	12	пт	Хантсвилл (США)	44	муж.	3	3	6
2010	2	23	вт	Литлтон (США)	32	муж.	0	2	2
2010	10	8	пт	Карлсбад (США)	41	муж.	0	2	2
2011	1	5	ср	Омаха (США)	17	муж.	1	2	3
2011	1	8	сб	Тусон (США)	22	муж.	6	13	19
2012	2	27	пн	Чардон (США)	17	муж.	3	3	6
2012	4	2	пн	Окленд (США)	43	муж.	7	3	10
2012	8	27	вт	Балтимор (США)	15	муж.	0	1	1
2012	12	14	пн	Ньютаун (США)	20	муж.	27	2	29
2013	1	10	чт	Тафт (США)	16	муж.	0	2	2
2013	6	7	пт	Санта-Моника (США)	23	муж.	5	4	9
2013	10	21	пн	Спаркс (США)	12	муж.	1	2	3
2013	12	13	пт	Сентенниал (США)	18	муж.	1	0	1
2014	1	14	вт	Розуэлл (США)	12	муж.	0	2	2
					ИТОГО:		210	289	499

Таким образом, на общей выборке в количестве 107 случаев скулшутинга, происшедших в странах северного полушария за период с 20 апреля 1999 г. по 31 декабря

2021 г., удалось убедительно показать следующую закономерность: преступления подобного плана совершаются, как правило, в период растущей Луны (55,14%) (табл. 4).

Таблица 4. Зависимость актов скулшутинга от фаз лунного цикла
(Table 4. Dependency of Schoolshooting Case on Moon Cycle Phases)

Период лунного цикла	Группа			Всего	
	Основная	Контрольная	Дополнительная		
	кол-во актов	кол-во актов	кол-во актов	кол-во актов	% от общего числа
Новолуние	1	1	1	3	2,80
Полнолуние	1	0	1	2	1,87
Растущая Луна	13	10	36	59	55,14
Убывающая Луна	10	13	20	43	40,19

Подавляющая часть рассматриваемых преступлений (62,62%) приходится на три дня до и три дня после узловых точек лунного цикла (полнолуние и новолуние). При этом тяготение описываемых событий более выражено к новолунию (59,7% случаев). Наиболее же часто (9,35%) атаки на учебные заведения совершаются в период растущей Луны, на второй день по новолунию (табл. 5).

Лунафазная зависимость различных биологических систем. Изучение лунафазной зависимости различных биологических систем, в том числе и человека, носит широкий, но несистематизированный характер. По профилю поднятого в данном исследовании вопроса таковых изысканий не проводилось вообще, что вынудило автора для обоснования полученных результатов обратиться к трудам коллег из смежных областей знания.

Так, Е. В. Шивринская показала (но на недостаточной выборке) лунафазную зависимость аварий на атомных подводных лодках. При этом в области техногенных катастроф ею была выявлена та же закономерность, что и в настоящей работе, — *полнолуние/новолуние +/-3 дня*. Однако попыток объяснить собственные данные Е. В. Шивринская не предприняла, резюмировав, что феномен существует и «требует объяснений» [8, с. 214–215].

И. В. Куликов рассматривал влияние фаз Луны на дорожно-транспортный травматизм и также выявил, что он тяготеет к узловым точкам лунного цикла — полнолунию (32%) и новолунию (31%) [9, с. 64]. К сожалению, раскладки по дням цикла в его работе не осуществлено, но и приведенные данные нашим результатам не противоречат.

И. В. Федин с соавторами изучал взаимосвязь с временем года и фазами Луны завершенных случаев суицида среди населения г. Красноярска. Исследование носило полемический характер и ставило своей целью опровергнуть «веру во влияние луны, особенно полнолуния, на самоубийства и поведение человека в целом» [10, с. 67]. Обозначенный постулат был доказан (что,

кстати, также не противоречит нашим данным), однако в целом признать работу коллектива под руководством И. В. Фебина корректной не представляется возможным, потому что разбивка лунного цикла была осуществлена на три неравноправные группы — полнолуние (1 день), новолуние (1 день) и интерфаза (26 дней). Интерфаза в исследовании И. В. Фебина и соавторов была разделена на периоды «растущей луны» и «убывающей луны», без разбивки по дням каждого периода. Таким образом, объективной картины влияния Луны получено не было.

Е. В. Карепина с соавторами рассмотрела зависимость у лиц младшего подросткового возраста от фаз Луны уровней агрессии, агрессивности и гемодинамических показателей [11, с. 23–26]. Это наиболее близкое к нашей теме исследование, которое выявило повышение уровней физической, вербальной и косвенной агрессии, а также индексов агрессивности и враждебности в период растущей Луны до показателей, близких определенным в нашем исследовании. Итак, высокий уровень числа эксцессов скулшутинга именно в период растущей Луны не носит частный характер, а укладывается в общую тенденцию к повышению агрессивности у разных групп лиц в указанный период.

Интересное исследование зависимости от лунных фаз волатильности мировых финансовых рынков было проведено Г. А. Дмитриком. Несмотря на внешнюю удаленность темы указанного исследования от обсуждаемого вопроса, оно позволило осуществить в отношении наших результатов проверочное решение и показать универсальность влияния лунафазных механизмов на различные сферы жизни человека. Так, Г. А. Дмитриком было обнаружено, что наиболее волатильными являются фазы полнолуния и новолуния и дни перехода на эти фазы [12, с. 123].

Связи лунных фаз с гормональным статусом человека. Группа ученых под руководством С. С. Находкина провела анализ лунафазной активности основных гормонов человека в новолуние и полнолуние и получила объективные, статистически достоверные данные о повышении уровней кортизола, адренокортикотропного гормона и мелатонина в полнолуние [13, с. 30–35]. К сожалению, исследования гормонального фона в другие дни лунного цикла проведено не было, в связи с чем упомянутую работу считать исчерпывающей нельзя.

Наиболее же полную попытку дать естественнонаучное объяснение связи лунных фаз с деятельностью человека предпринял С. В. Иванов. По его данным, лунные экстремумы, особенно новолуние, сопровождаются выраженным снижением объема эпифиза — «систола эпифиза». «Систола эпифиза» складывается из двух компонентов: высокоамплитудных колебаний объемов ядер клеток эпифиза (пинеалоцитов) и импульсного генерализованного опустошения систе-

Таблица 5. Распределение актов скулшутинга по дням лунного цикла
(Table 5. Distributing Schollshooting Cases by days of the Moon Cycle)

День лунного цикла	Группа						Всего	
	Основная		Контрольная		Дополнительная			
	кол-во актов	% в группе	кол-во актов	% в группе	кол-во актов	% в группе	кол-во актов	% от общего числа
Новолуние	1	4,00	1	4,17	1	1,72	3	2,80
Новолуние+1	1	4,00	0	0,00	5	8,62	6	5,61
Новолуние+2	2	8,00	2	8,33	1	1,72	5	4,67
Новолуние+3	3	12,00	2	8,33	0	0,00	5	4,67
Новолуние+4	0	0,00	1	4,17	4	6,90	5	4,67
Новолуние+5	1	4,00	0	0,00	2	3,45	3	2,80
Новолуние+6	0	0,00	0	0,00	3	5,17	3	2,80
Новолуние+7	0	0,00	0	0,00	2	3,45	2	1,87
Новолуние+8	1	4,00	0	0,00	0	0,00	1	0,93
Новолуние+9	1	4,00	0	0,00	0	0,00	1	0,93
Новолуние+10	1	4,00	0	0,00	0	0,00	1	0,93
Новолуние-1	2	8,00	0	0,00	3	5,17	5	4,67
Новолуние-2	2	8,00	1	4,17	7	12,07	10	9,35
Новолуние-3	0	0,00	3	12,50	3	5,17	6	5,61
Новолуние-4	0	0,00	1	4,17	0	0,00	1	0,93
Новолуние-5	0	0,00	0	0,00	1	1,72	1	0,93
Новолуние-6	0	0,00	1	4,17	0	0,00	1	0,93
Полнолуние	1	4,00	0	0,00	1	1,72	2	1,87
Полнолуние+1	2	8,00	2	8,33	0	0,00	4	3,74
Полнолуние+2	0	0,00	0	0,00	1	1,72	1	0,93
Полнолуние+3	1	4,00	3	12,50	0	0,00	4	3,74
Полнолуние+4	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00
Полнолуние+5	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00
Полнолуние+6	1	4,00	0	0,00	0	0,00	1	0,93
Полнолуние+7	0	0,00	2	8,33	3	5,17	5	4,67
Полнолуние+8	0	0,00	0	0,00	2	3,45	2	1,87
Полнолуние+9	1	4,00	0	0,00	0	0,00	1	0,93
Полнолуние+10	1	4,00	0	0,00	0	0,00	1	0,93
Полнолуние-1	2	8,00	0	0,00	4	6,90	6	5,61
Полнолуние-2	0	0,00	1	4,17	2	3,45	3	2,80
Полнолуние-3	1	4,00	2	8,33	4	6,90	7	6,54
Полнолуние-4	0	0,00	0	0,00	1	1,72	1	0,93
Полнолуние-5	0	0,00	0	0,00	7	12,07	7	6,54
Полнолуние-6	0	0,00	2	8,33	0	0,00	2	1,87
Полнолуние-7	0	0,00	0	0,00	1	1,72	1	0,93
Всего:	25		24		58		107	

мы канальцев эпифиза в ликвор третьего желудочка. Провоцирует «систолу эпифиза» вертикальный дрейф пинеальных конкреций, локализованных в канальцах и периваскулярных пространствах эпифиза вблизи полярных булавовидных отростков пинеалоцитов. Это смещение может происходить на пике приращения гравитации, возникающего в результате геометрического сложения солярных и лунных сил тяготения

в период новолуния, когда Земля, Луна и Солнце выстраиваются в одну линию [14, с. 488].

Мы рассматриваем гипотезу С. В. Иванова как наиболее приемлемую для объяснения феноменов лунафазной активности, в том числе и в отношении выявленной им зависимости случаев скулшутинга от времени лунного цикла. Однако вопрос установления тонкой связи между вызванной изменением гравитации в опреде-

ленные моменты лунного цикла «систолай эпиפי́за» и поведенческими реакциями «школьных стрелков» подлежит дальнейшему выяснению.

Выводы

1. Не выявлено закономерностей в географическом расположении населенных пунктов, где имели место вооруженные нападения на учебные учреждения, и календарной зависимости эксцессов, что говорит об отсутствии единого планирования данных акций и косвенно свидетельствует об отсутствии у лиц, разделяющих идеи движения «колумбайн», организационных структур.

2. Не обнаружено привязки дат вооруженных нападений на учебные учреждения к датам религиозных праздников, дням рождения известных политических деятелей, датам событий, способных оказать провоцирующую роль, что говорит об отсутствии политической или религиозно-мистической ангажированности исполнителей актов вооруженных нападений на учебные учреждения.

3. Во всех группах установлена статистически достоверная зависимость случаев вооруженных нападений на учебные учреждения от фазы лунного цик-

ла: подавляющая часть из них приходится на период, включающий три дня до и три дня после полнолуния или новолуния; наиболее же часто атаки на учебные заведения совершаются в период растущей Луны, на второй день по новолунию.

Перспективы. Полученные данные имеют объективный, проверяемый характер и уже на таком уровне могут быть использованы в работе как школьных психологов, так и сотрудников структур, отвечающих за безопасность учебных заведений. Вместе с тем до установления тонкого механизма взаимосвязи лунных фаз и поведенческих реакций «школьных стрелков» законченными исследования по указанной тематике считать нельзя. Очевидно, что решить рассматриваемый вопрос в рамках одной научной дисциплины не представляется возможным, необходимо междисциплинарное взаимодействие психологов со специалистами из областей хронобиологии и биохимии. Прогнозируемые результаты исследований позволят не только усовершенствовать системы общественной безопасности, но и снять ряд медико-биологических проблем.

Список источников

1. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // *Власть*. 2021. Т. 29, № 1. С. 93–108.
2. Книжникова С. В. Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики // *Социальная психология и общество*. 2019. Т. 10, № 1. С. 152–159.
3. Дозорцева Е. Г., Ошевский Д. С., Сырковашина К. В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // *Психология и право*. 2020. Т. 10, № 2. С. 97–110.
4. Суходольская Ю. В. Факторы, детерминирующие совершение массового убийства в образовательной организации, и механизм преступного поведения скулшутера // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2021. № 3(83). С. 67–70.
5. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // *Национальный психологический журнал*. 2018. № 4(32). С. 62–76.
6. Карпов В. О. Культ колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2018. № 4(34). С. 442–446.
7. Langman P. Desperate identities: A bio-psycho-social analysis of perpetrators of mass violence. *Criminal Public Policy*. 2019. № 1. Pp. 1–24.
8. Шивринская Е. В. Техногенные катастрофы и особые фазы Луны // *Модели и методы аэродинамики: мат-лы тринадцатой междунар. школы-семинара. Жуковский, 2013*. С. 214–215.
9. Куликов И. В. Влияние основных фаз Луны на дорожно-транспортный травматизм // *Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы: мат-лы научных исследований кафедр судебной медицины г. Хабаровска, Владивостока и Якутска и бюро судебно-медицинской экспертизы Дальнего Востока. Хабаровск, 1999*. С. 63–65.
10. Федин И. В., Чикун В. И., Тутаркова А. Г., Журавлева Е. А. Статистика завершеного суицида среди населения города Красноярск за 2016–2017 гг., поиск взаимосвязи с фазами луны, временем года и возрастом // *Судебные медики Сибири: мат-лы науч.-практ. конф. Омск, 2019*. С. 61–69.
11. Карпина Е. В., Киселев В. Д., Плешкова Н. В. Зависимость уровней агрессии, агрессивности и гемодинамических показателей от фаз лунного цикла в группе лиц младшего подросткового возраста // *Известия Алтайского государственного университета*. 2007. № 3(55). С. 23–27.
12. Дмитрик Г. А. Зависимость волатильности мировых финансовых рынков от лунных фаз, оказывающих влияние на психоэмоциональное поведение их участников // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 8. С. 121–124.
13. Находкин С. С., Гончаров Н. П., Каця Г. В., Барашков Н. А., Кононова С. К., Терютин Ф. М., Соловьев А. В., Пшенникова В. Г., Федорова С. А. Анализ лунафазной зависимости основных гормонов эндокринной системы человека // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. 2014. Т. 11, № 2. С. 29–35.
14. Иванов С. В. Субстраты и возможные механизмы луна-сенсорной функции эпиפי́за в контексте редусомной гипотезы старения и контроля биологического времени в онтогенезе // *Успехи геронтологии*. 2008. Т. 21, № 3. С. 488–490.

Поступила 29.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 30.06.2022.

References

1. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. Schoolshooting in Russia: what matters? *Power*. 2021. Vol. 29, No. 1. Pp. 93–108. (In Russ.)
2. Knizhnikova S. V. Amok: relevance of studying attacks in schools, causes, possibilities of primary prevention. *Social Psychology and Society*. 2019. Vol. 10, No. 1. Pp. 152–159. (In Russ.)
3. Dozortseva E. G., Oshevsky D. S., Syrokvashina K. V. Psychological, social and informational aspects of juvenile attacks on educational institutions. *Psychology and Law*. 2020. Vol. 10, No. 2. Pp. 97–110. (In Russ.)
4. Sukhodolskaya Yu. V. Factors determining the commission of mass murder in an educational organization and the mechanism of schoolshooter's criminal behavior. *The Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2021. No. 3(83). Pp. 67–70. (In Russ.)
5. Davydov D. G., Khlomov K. D. Mass murders in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. *National Psychological Journal*. 2018. No. 4(32). Pp. 62–76. (In Russ.)
6. Karpov V. O. The cult of columbine: the main determinants of mass killings in schools. *The Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs*. 2018. No. 4(34). Pp. 442–446. (In Russ.)
7. Langman P. Desperate identities: A bio-psycho-social analysis of perpetrators of mass violence. *Criminal Public Policy*. 2019. Pp. 1–24.
8. Shivrinskaya E. V. Technogenic catastrophes and special phases of the Moon. Models and methods of aerodynamics. Materials of the 13th International school-seminar. Zhukovsky, 2013. Pp. 214–215. (In Russ.)
9. Kulikov I. V. Influence of the main phases of the Moon on road traffic injuries. Selected issues of forensic medical examination. Materials of scientific research of the departments of forensic medicine of Khabarovsk, Vladivostok and Yakutsk, and the Bureau of Forensic medical examination of the Far East. Khabarovsk, 1999. Pp. 63–65. (In Russ.)
10. Fedin I. V., Chikun V. I., Tutarkova A. G., Zhuravleva E. A. Statistics of completed suicide among the population of Krasnoyarsk during 2016–2017, the search for a relationship with the phases of the moon, time of year and age. Forensic doctors of Siberia. Materials of scientific and practical conference. Omsk, 2019. Pp. 61–69. (In Russ.)
11. Karepina E. V., Kiselev V. D., Pleshkova N. V. Dependence of levels of aggression, aggressiveness and hemodynamic parameters on phases of the lunar cycle in a group of early adolescents. *Proceedings of Altai State University*. 2007. No. 3(55). Pp. 23–27. (In Russ.)
12. Dmitrik G. A. Dependence of the volatility of global financial markets on lunar phases that influence the psycho-emotional behavior of their participants. *Innovations and Investments*. 2020. No. 8. Pp. 121–124. (In Russ.)
13. Nakhodkin S. S., Goncharov N. P., Katsia G. V., Barashkov N. A., Kononova S. K., Teryutin F. M., Soloviev A. V., Pshennikova V. G., Fedorova S. A. Analysis of the luna phase dependence of the main hormones of the human endocrine system. *The Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov*. 2014. Vol. 11, No. 2. Pp. 29–35. (In Russ.)
14. Ivanov S. V. Substrates and possible mechanisms of the moon-sensory function of the epiphysis in the context of the reduction-related hypothesis of aging and control of biological time in ontogenesis. *Advances in Gerontology*. 2008. Vol. 21, No. 3. Pp. 488–490. (In Russ.)

Submitted 29.03.2022; approved after reviewing: 15.04.2022; accepted for publication: 30.06.2022.

Научно-практическая статья

УДК 159.96 © Н. Н. Алигаева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-326-333

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Эмоциональные состояния осужденных в контексте понятия «временная перспектива»

Нигар Назимовна Алигаева¹, аспирант кафедры общей и социальной психологии;
nigar-0520@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>

¹ *Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, 22/48, Россия*

Реферат

Введение. Процесс отбывания наказания в местах лишения свободы приводит к пространственным изменениям и отчетливо разделяет жизнь человека на «до» и «после». Являясь частью пространственно-временного континуума, восприятие времени также претерпевает изменения. Цель — изучение особенностей эмоциональных состояний осужденных (а также осужденных-инвалидов) в контексте понятия «временная перспектива» для определения основных мишеней психокоррекционного воздействия. **Материалы и методы.** В исследовании приняли участие 273 осужденных в возрасте от 22 до 65 лет, отбывающих наказание в подведомственных организациях и учреждениях УФСИН России по Рязанской области. Эмпирическими методами послужили шкала ситуативной тревожности Спилбурга-Ханина, опросник потребности в достижении Ю. М. Орлова, тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга, опросник потребности в общении Ю. М. Орлова, шкала дифференциальных эмоций К. Изарда, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо. **Результаты и обсуждение.** В ходе данного исследования было выявлено, что для осужденных без инвалидности в большей степени характерен высокий уровень ситуативной тревожности, а также наличие корреляционных связей между исследуемыми параметрами эмоциональных состояний. В выборке осужденных-инвалидов также была выделена группа лиц, имеющих высокий уровень ситуативной тревожности, в которой наблюдаются корреляционные связи между исследуемыми параметрами, что свидетельствует о тесной взаимосвязи между тремя блоками эмоциональных состояний при наличии высокого показателя блока «Прошлое». **Выводы.** Исследование позволило выделить следующие мишени психокоррекционного воздействия: высокий уровень ситуативной тревожности, необходимо-упорствующий тип и импунитивная направленность реакции на фрустрацию, высокие показатели индексов негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

Ключевые слова: временная перспектива; эмоциональные состояния; осужденные-инвалиды; отбывание наказания; места лишения свободы

Для цитирования: *Алигаева Н. Н. Эмоциональные состояния осужденных в контексте понятия «временная перспектива» // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 326–333. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-326-333>*

Scientific and Practical Article

UDC 159.96 © N. N. Aligaeva, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-326-333

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Convicts' Emotional States within the Concept of "Time Perspective"

Nigar N. Aligaeva¹, post-graduate student at the chair of General and Social Psychology;
nigar-0520@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>

¹ *Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, 22/48 Razin st., Kaluga, 248023, Russia*

Abstract

Introduction. The process of serving a sentence in prisons leads to spatial changes and clearly divides a person's life into "before" and "after". As part of the space-time continuum, the perception of time also undergoes changes. The purpose of this research is to study the peculiarities of the emotional states of convicts (as well as convicts with disabilities) in the context of the concept of "time perspective" to identify the main targets of psycho-correctional influence. **Materials and Methods.** The study involved 273 convicts aged 22 to 65 years who serve sentences in subordinate organizations and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Rязan region. Empirical methods included the Spielberger-Khanin scale of situational anxiety, the questionnaire of the need for achievement by Yu.M. Orlov, test of frustration reactions by S. Rosenzweig, questionnaire of the need for communication by Yu. M. Orlov, K. Izard's scale of differential emotions, the Zimbardo Time Perspective Inventory. **Results and Discussion.** In the course of this study, it was revealed that convicts without disabilities are more characterized by a high level of situational anxiety, as well as the presence of correlations between the parameters of emotional states under study. In the sample of disabled convicts, a group of persons with a high level of situational anxiety was also identified, in which there are correlations between the parameters under study, which indicates a close relationship between the three blocks of emotional states with a high indicator of the "Past" block. **Conclusions.** The study made it possible to identify the following targets of psycho-correctional influence: a high level of situational anxiety, a necessary-persistent type and an impunitive orientation of the reaction to frustration, high values of negative and anxiety-depressive emotions.

Keywords: time perspective; emotional states; convicts with disabilities; serving the sentence; penitentiary facilities

Citation: Aligaeva N. N. Convicts' Emotional States within the Concept of "Time Perspective". *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 326–333. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-326-333>

Основные положения

1. Отбывание наказания в местах лишения свободы является объективно экстремальной ситуацией и приводит к пространственным изменениям в жизни, что затрудняет возможности человека привычными способами справляться с трудностями, изменяет восприятие времени и хромотопических характеристик его мира.

2. В группах с высоким уровнем ситуативной тревожности отмечается наличие взаимосвязи между компонентами эмоциональных состояний, сопоставляемыми с «Прошлым», «Настоящим» и «Будущим», и выделяются следующие мишени психокоррекционного воздействия: высокий уровень ситуативной тревожности, необходимо-упорствующий тип и импунитивная направленность реакции на фрустрацию, высокие показатели индексов негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Эмоциональные состояния, тесно связанные с потребностями, мотивами поведения и действиями, являются «индикаторами» общего состояния человека. Эмоции и эмоциональные состояния не только обуславливают деятельность, но и сами обуславливаются ею. В данном случае отбывание наказания влияет на состояние человека, выступая социальным фактором воздействия, а также вызывая различные эмоциональные состояния.

Экстремальные обстоятельства и сложные жизненные ситуации способны приводить к изменению временной перспективы: расщеплению временной структуры, временной дезориентации субъекта, рассинхронизации временных локусов, дефицитарности смысловой наполненности одной или нескольких временных зон и т. д. В качестве стратегии совладания при возникновении трудностей человек осознанно выбирает «уход» в одну из категорий временного континуума: «застревание в прошлом», бесосновательную идеализацию и невротическую устремленность в будущее, гедонистическую фиксацию на настоящем в ущерб планированию жизненной перспективы. Однако данные стратегии могут блокировать способность человека взаимодействовать с окружающим миром, затруднять процессы адаптации и ресоциализации [1].

Ситуация отбывания наказания в местах лишения свободы является объективно экстремальной, затрудняющей возможности человека справляться с возникающими трудностями привычными ему способами, приводящей к изменению хромотопических характе-

ристик его мира. Возникающие негативные эмоциональные состояния протекают на фоне необходимости адаптации к новым условиям: хронической потери свободы выбора, отсутствия уединения, ежедневной стигматизации, постоянного страха, необходимости носить «маску неуязвимости» и эмоциональной уравновешенности (во избежание эксплуатации другими), а также и постоянного следования «навязанным извне» строгим правилам и распорядку [2]. Однако ситуация усугубляется при наличии различных физических нарушений и хронических соматических заболеваний, приведших к установлению группы инвалидности. Известно, что процесс отбывания наказания также оказывает значительное воздействие на здоровье человека [3]. По шкале стресса Холмса-Рея тюремное заключение занимает 4 место в списке (63 балла), а серьезная травма или заболевание — 6 место (53 балла), что свидетельствует о высоком уровне психотравматизации, связанном с данными событиями.

Отбытие наказания в местах лишения свободы приводит к пространственным изменениям в жизни: человек ограничивается в территориальном плане, во взаимодействии с обществом. Восприятие времени, выступающее частью пространственно-временного континуума, приобретает специфические черты для осужденных, в том числе для осужденных-инвалидов, на восприятие времени которых также оказывает воздействие наличие заболеваний [4].

Именно поэтому целью настоящего исследования служит изучение особенностей эмоциональных состояний осужденных (а также осужденных-инвалидов) в контексте понятия «временная перспектива» для выявления основных мишеней психокоррекционного воздействия.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы.

Эмоциональные состояния — это «переживания человеком своего отношения к окружающей действительности и к самому себе в определенный момент времени, относительно устойчивые и типичные для данного человека; те состояния, которые регулируются преимущественно эмоциональной сферой и охватывают эмоциональные реакции и эмоциональные отношения» [5].

Эмоциональные состояния различаются по продолжительности (продолжительные и краткие), силе влияния на переживания и поведение человека (глубокие и поверхностные), модальности (положительные и отрицательные), воздействию на организм (стенические, астенические и амбивалентные), степени осознанности (осознанные и неосознанные), выполняемым функциям.

В основу данного исследования положены выделенные Е. П. Ильиным эмоциональные состояния: связанные с прогнозом и ожиданием; связанные с достижением и недостижением цели; коммуникативные [6]. В каждом варианте присутствуют параметры, значимые при исследовании состояний лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы: в первом — ситуативная тревожность, во втором — фрустрационные состояния, в третьем — доминирующие (актуальные) эмоции.

Для осужденных характерны различные проявления эмоций и состояний, граничащих между нормой и патологией: эмоциональная односторонность, эмоциональная тупость, повышенное эмоциональное возбуждение и неуравновешенность, низкая эмоциональная отзывчивость, искажение чувств, эмоциональная напряженность под воздействием стрессовых факторов. Особенности эмоциональных состояний осужденных могут быть проявлениями эмоционального типа личности, устойчивых черт личности, качеств характера или психопатии [7]. По мере адаптации к условиям отбывания наказания осужденные становятся более эмоционально отстраненными, «социально» замкнутыми, не способными полноценно адаптироваться к жизни после освобождения [8].

Эмоциональные состояния связаны с отношением человека к прошлому, настоящему и будущему, так как благодаря анализу и интерпретации событий прошлого и проектированию будущего люди создают нарратив о своей жизни, который составляет представление личности о собственном Я (личностные диспозиции) [9]. Однако отбытие наказания не только оказывает воздействие на восприятие психологического времени, но и способствует фундаментальным изменениям в личности осужденного, что также затрудняет благоприятную адаптацию после освобождения [10].

А. С. Спиваковская и А. С. Четкина выявили, что актуальное эмоциональное состояние способно влиять на характер актуализации событий (положительное эмоциональное состояние может актуализировать позитивные события жизни; отрицательное — негативные) [11]. М. А. Падун, М. А. Гагарина, А. Н. Зелянина определили, что представления человека о прошлом — это результат его субъективной эмоциональной и когнитивной обработки [12].

При объективном изменении характеристик пространства, скорее всего, произойдут изменения и временных характеристик. Е. В. Некрасова отмечает, что «деформация жизненного пространства всегда сопровождается изменением субъективного восприятия времени, которое может выражаться в его (времени) „замедлении“, „убыстрении“, „остановке“, а в отдельных случаях — во „вневременности бытия“, потере чувства реальности, проживании „псевдожизни“, построении „псевдобудущего“» [13].

Временная перспектива исследовалась у лиц, осужденных за корыстные преступления (А. А. Мартынова [14]), за преступления, связанные с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (Е. С. Лобанова, А. А. Михайлова [15]), за экстремистскую и террористическую деятельность, а также за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы (П. Н. Казберов, А. В. Новиков [16]).

Ю. В. Славинская и Б. Г. Бовин анализировали временную перспективу осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы в колонии особого режима, и выявили, что позитивное реконструирование прошлого, наполнение смыслами настоящего и будущего позволяют человеку обеспечить «психологическую опору, защиту от неподвижности времени и его опасностей для психического и физического здоровья» [17].

Е. А. Ипполитова изучала временную перспективу осужденных на разных этапах отбывания наказания и установила, что вне зависимости от срока осужденные ориентированы на фаталистическое настоящее, позитивное прошлое и будущее [18].

Период отбывания наказания в местах лишения свободы, который отчетливо разделяет жизнь человека на «до» и «после», создает все предпосылки для самоопределения, формирования «новой» личности с новыми взглядами на свой жизненный путь. Проявление сильной ориентации на «до», на собственное прошлое способствует когнитивному сдвигу при оценке событий в настоящем времени. Представления о прошлом опираются на реальные события, происходившие ранее, или являются продуктом когнитивной интерпретации [19].

Польскими исследователями во главе с К. Tucholska была разработана методика Prison Time, позволяющая изучить перцептивно-формальные измерения времени (темп, динамику, изменчивость) и эмоционально-валентное измерение (эмоциональное отношение к переживанию времени на момент отбытия наказания) [20].

По мнению Р. А. Ахмерова, лица с инвалидностью обладают «биографической близорукостью», которая проявляется в неспособности «видеть» жизненную перспективу. Их представления о будущем менее продуманы, негибки, скудны [21].

Таким образом, временная перспектива лиц с инвалидностью, отбывающих наказание в местах лишения свободы, характеризуется дезинтеграцией, направленностью временного вектора переживаний в прошлое, фаталистическим отношением к настоящему.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование проводилось на базе подведомственных организаций и учреждений УФСИН России по Рязанской области с осужденными мужчинами в возрасте от 22 до 65 лет. В эмпирическом исследо-

вании приняли участие 273 человека. Основанием разделения испытуемых на две группы являлось наличие инвалидности (физических нарушений и соматических заболеваний). Экспериментальную группу составили 123 осужденных-инвалида. В контрольную группу были включены 150 осужденных без инвалидности.

В ранее опубликованных работах автора иллюстрировалась модель эмоциональных состояний в контексте понятия «временная перспектива» [22], суть которой заключается в том, что представленные Е. П. Ильиным разновидности эмоциональных состояний сопоставляются с тремя временными отрезками жизни:

- эмоциональные состояния прогноза / ожидания — «Прошлое»;
- эмоциональные состояния достижения / недостижения — «Будущее»;
- коммуникативные эмоциональные состояния — «Настоящее».

Для исследования эмоциональных состояний осужденных использовались сравнительный метод; шкала ситуативной тревожности Спилбурга-Ханина, опросник потребности в достижении Ю. М. Орлова, тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга, опросник потребности в общении Ю. М. Орлова, шкала дифференциальных эмоций К. Изарда; для количественной обработки данных — t-критерий Стьюдента, коэффициент корреляции Пирсона, для качественной обработки — анализ и описание; структурный метод. Для исследования особенностей восприятия психологического времени применялся опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной.

Результаты и обсуждение

При проведении эмпирического исследования было выявлено, что осужденными-инвалидами прошлое воспринимается негативно (свойственны неприятие событий прошлого, разочарование), для них настоящее оторвано от прошлого и будущего и направлено на удовлетворение актуальных потребностей и получение удовольствия, будущее характеризуется отсутствием конкретных целей и планов (рис. 1).

Связь эмоционального состояния с прогнозом.

Высокие показатели ситуативной тревожности характерны для лиц, не имеющих инвалидности ($t_{\text{эмп.}}=1,38; p>0,05$). Это связано с тем, что данные лица после освобождения из мест лишения свободы сталкиваются с различными обстоятельствами (трудоустройство и поиск жилья), что изначально приводит к негативным ожиданиям, так как прошлый опыт часто был безуспешным. Осужденные-инвалиды знают о наличии государственных социальных программ помощи и поддержки людям с инвалидностью, поэтому на момент отбытия наказания стремятся получить необходимые документы, социальные льготы и пенсию.

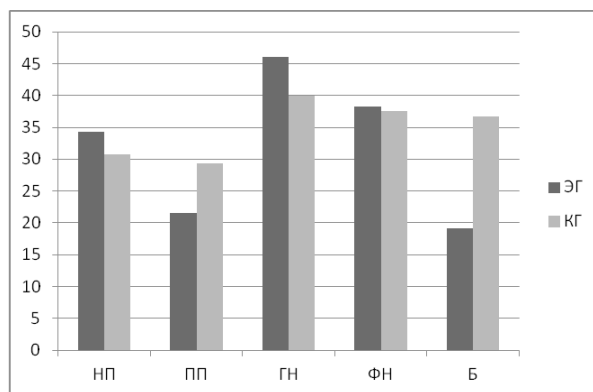

Рис. 1. Сравнение средних показателей по опроснику временной перспективы: НП — негативное прошлое; ПП — позитивное прошлое; ГН — гедонистическое настоящее; ФН — фаталистическое настоящее; Б — будущее; ЭГ — экспериментальная группа; КГ — контрольная группа (Fig. 1. Comparison of average values according to Time Perspective Inventory: НП — NP (negative past); ПП — PP (positive past); ГН — HP (hedonistic present); ФН — FP (fatalistic present); Б — F (future); ЭГ — EG (experimental group); КГ — CG (control group))

Например, 42% осужденных с инвалидностью, содержащихся в ФКУ ИК-2 УФСИН России по Рязанской области, также поддерживают отношения с родственниками и близкими людьми путем приема посылок и передач, краткосрочных и длительных свиданий, а после освобождения планируют воссоединиться с семьями.

Связь эмоционального состояния с достижением / недостижением цели. Одним из наших предположений было то, что при высокой потребности в достижении цели осужденные предпринимают активные шаги к реализации задуманного, а при возникновении стрессовых ситуаций их стратегии поведения будут соответствовать стандартным (средним) принятым в обществе показателям реакций на фрустрирующую ситуацию. Повышенный уровень потребности (6,1%) (табл. 1) в достижении цели более характерен для осужденных-инвалидов ($t_{\text{эмп.}}=3,9; p<0,01$), однако в большей степени их показатели были в пределах средних и статистически не значимых корреляций со степенью социальной адаптивности ($r=0,15; p>0,05$), но наблюдались связи с интрапунитивной направленностью реакции ($r=0,32; p<0,01$), что свидетельствует о наличии угрызений совести, чувства вины при возникновении фрустрирующих ситуаций.

Таблица 1. Потребность в достижении в экспериментальной и контрольной группах, % (Table 1. Need for Achievements in Experimental and Control Groups, %)

Уровень потребности в достижении	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Низкий	0	2,9
Пониженный	12,1	20,0
Средний	81,8	75,7
Повышенный	6,1	1,4
Высокий	0	0

Коммуникативные эмоциональные состояния («Настоящее»): потребность в общении и доминирующие эмоции. Мы предполагали, что осужденные-инвалиды обладают высокой потребностью в общении в сочетании с доминирующими негативными и тревожно-депрессивными эмоциями. Действительно, было определено, что для 51,5% осужденных с инвалидностью, принявших участие в эксперименте, характерен высокий уровень данной потребности. Однако статистически значимая связь была выявлена только с индексом негативных эмоций ($r=-0,18$; $p<0,05$): чем больше негативных эмоций осужденный с инвалидностью испытывает, тем в меньшей степени проявляется потребность в общении.

Потребность в общении у осужденных без инвалидности значительно ниже, чем у осужденных-инвалидов ($t \text{ эм.}=5,8$, $p<0,01$), и при этом отмечаются высокие показатели по индексу негативных эмоций ($t \text{ эм.}=6,1$, $p<0,01$). Статистическая значимость обнаружена по индексу тревожно-депрессивных эмоций ($t \text{ эм.}=3,8$, $p<0,01$): отмечается тенденция к высоким показателям по указанному параметру у осужденных без инвалидности (табл. 2).

Таблица 2. Степень эмоциональных переживаний в экспериментальной и контрольной группах, %
(Table 2. Degree of Emotional Experience in Experimental and Control Groups, %)

Степень эмоциональных переживаний	Индекс позитивных эмоций		Индекс негативных эмоций		Тревожно-депрессивные эмоции	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Слабая	30,3	24,3	24,2	11,4	15,2	2,9
Умеренная	39,4	45,7	39,4	31,4	45,4	35,7
Выраженная	27,3	18,6	24,2	18,6	24,2	41,4
Сильная	3,0	11,4	12,2	38,6	15,2	20,0

Примечание: ЭГ — экспериментальная группа, КГ — контрольная группа.

Можно предположить, что потребность в общении для лиц без инвалидности не является значимой, так как они вынуждены постоянно взаимодействовать с другими осужденными и сотрудниками учреждения при выполнении своих ежедневных обязанностей: реализации трудовой и учебной деятельности, организации и проведении культурно-массовых и спортивных мероприятий и т. д. Осужденные, имеющие инвалидность, большую часть времени проводят в собственном отряде, где круг их общения и выполняемых действий узок, поэтому одним из возможных вариантов «заполнения времени» является коммуникативная деятельность.

Сформулируем ряд промежуточных выводов:

- повышенная ситуативная тревожность более характерна для осужденных без инвалидности и прямо коррелирует с их возрастом;
- потребность в достижении цели выше у осужденных-инвалидов и связана с индексом позитивных

эмоций и интрапунитивными реакциями на фрустрирующую ситуацию;

- при возникновении сложных и фрустрирующих ситуаций для осужденных обеих групп свойственен выбор необходимо-упорствующего типа и импунитивной направленности реакции;

- потребность в общении у лиц без инвалидности значительно ниже и связана с высокими показателями по шкале «индекс негативных эмоций»;

- для осужденных с инвалидностью характерна умеренная степень по шкалам «индекс негативных эмоций», «индекс тревожно-депрессивных эмоций», «индекс позитивных эмоций», однако для испытуемых без инвалидности — сильная степень показателей индекса негативных эмоций и выраженная степень показателей индекса тревожно-депрессивных эмоций.

Несмотря на более позитивные результаты в выборке осужденных-инвалидов, была выявлена еще одна специфическая взаимосвязь между параметрами эмоциональных состояний.

47% осужденных-инвалидов имеют высокие баллы или тенденцию к высоким по шкале «ситуативная тревожность»: прогнозирование событий будущего осложняется в связи с трудностью опоры на прошлый опыт. Данной группе свойственны следующие особенности: потребность в общении ниже, чем у лиц без инвалидности, но также в пределах высоких показателей ($U=1164$, $p<0,01$); доминирование тревожно-депрессивного ($U=1154$, $p<0,01$) и негативного ($U=1068$, $p<0,001$) индексов; потребность в достижении цели определяется средним уровнем ($U=1485$, $p>0,05$); при возникновении фрустрации поведение приобретает импунитивный характер ($U=1546$, $p>0,05$) и необходимо-упорствующий тип ($U=1421$, $p>0,05$); их поведение не направлено на выявление внешних обстоятельств и причин возникновения неудач, они не предпринимают активных действий по разрешению возникших трудностей.

Взаимосвязь показателей тревожности и эмоционального состояния среди осужденных-инвалидов.

В данной выборке осужденных-инвалидов с высоким уровнем ситуативной тревожности наблюдается наличие корреляционных связей между параметрами эмоциональных состояний: высокий уровень ситуативной тревожности имеет прямые корреляционные связи с потребностью в достижении ($r=0,47$; $p<0,01$) и потребностью в общении ($r=0,54$; $p<0,01$), которые также тесно взаимосвязаны друг с другом ($r=0,40$; $p<0,01$), высокий уровень потребности в общении приводит к повышению показателей индекса позитивных эмоций ($r=0,30$; $p<0,05$), имеющих прямые корреляционные связи с необходимо-упорствующим типом реакции ($r=0,34$; $p<0,01$), способствующим снижению уровня ситуативной тревожности ($r=-0,52$; $p<0,01$). В выборке осужденных без инвалидности (уровень ситуативной тревожности

также высок) имеются корреляционные связи между исследуемыми параметрами эмоциональных состояний.

В группах с высоким уровнем ситуативной тревожности (как среди осужденных-инвалидов, так и среди осужденных без инвалидности) отмечается наличие взаимосвязи между компонентами эмоциональных состояний, а изменения в одном могут приводить к изменениям в параметрах других блоков. Ситуативная тревожность запускает механизм взаимодействия всех эмоциональных состояний, что свидетельствует о важности прошлого опыта в субъективном восприятии настоящего и планировании будущего («Настоящее» и «Будущее» невозможны без наличия «Прошлого»).

Степень связи между категориями времени демонстрирует, насколько предыдущий опыт отражается на настоящем времени, а оно, в свою очередь, влияет на будущее [23]. Полученные данные свидетельствуют о фиксации осужденными на временном отрезке прошлого, которая выражается определенными эмоциональными состояниями, оказывающими воздействие на субъективное восприятие остальных временных отрезков, что также подтверждалось в работах Ю. Ю. Нейскиной [1], А. А. Мартыновой [14], Е. С. Лобановой [15], А. А. Михайловой [15], П. Н. Казберова [16], А. В. Новикова [16], Ю. В. Славинской [17], Б. Г. Бовина [17], М. G. Flaherty [4], B. Crewe [8], S. Hulley [8], S. Wright [8] и других исследователей.

Необходимо отметить, что в местах лишения свободы инвалидность имеется в основном у лиц пожилого и старческого возраста, с которым восприятие времени ускоряется, что связано с мысленным объединением отдельных моментов опыта в широкие категории (например, работа, семья). Так как за период отбытия наказания в данных категориях происходит меньше событий, в ретроспективе кажется, что время прошло быстрее [24]. Однако возрастные изменения и пространственные ограничения способствуют сдвигу субъективного восприятия времени в сторону прошлого. Но именно ориентация на настоящее предполагает более высокий уровень благополучия [25], что следует учитывать при разработке программ психологической коррекции, основанной на применении понятия «временная перспектива».

В ходе данного эмпирического исследования были выделены основные мишени психокоррекционного воздействия: высокий уровень ситуативной тревожности, необходимо-упорствующий тип и импунитивная направленность реакции на фрустрацию, высокие показатели индексов негативных и тревожно-депрессивных эмоций. Несмотря на идентичные мишени, свойственные осужденным без инвалидности и осужденным-инвалидам с высоким уровнем ситуативной тревожности, их субъективное восприятие прошлого, настоящего и будущего значительно отличается, что необходимо учитывать

при разработке моделей программ психологической коррекции эмоциональных состояний осужденных (в том числе осужденных-инвалидов) в контексте понятия «временная перспектива».

Выводы

1. Временная перспектива осужденных-инвалидов отличается следующими особенностями: затрудненностью конструктивного планирования будущего в связи с отсутствием конкретных целей, придающих жизни осмысленность, направленность и временную перспективу; фиксацией на определенном отрезке жизни; неудовлетворенностью жизнью в настоящем.

2. В группах с высоким уровнем ситуативной тревожности (как среди осужденных без инвалидности, так и среди осужденных-инвалидов) отмечаются корреляционные связи между компонентами трех блоков эмоциональных состояний.

3. Мишенями психокоррекционного воздействия являются следующие параметры: высокий уровень ситуативной тревожности, необходимо-упорствующий тип и импунитивная направленность реакции на фрустрацию, высокие показатели индексов негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

Рекомендации. Результаты будут интересны специалистам, работающим в исправительных учреждениях и непосредственно контактирующим с осужденными, имеющими инвалидность, в частности психологам и социальным работникам при разработке и проведении занятий с освобождающимися осужденными в «Школе подготовки к освобождению», мероприятий с осужденными-инвалидами в рамках индивидуальной программы реабилитации инвалида и с осужденными пожилого и престарелого возраста для профилактики социальной дезадаптации. Материалы и результаты данного исследования возможно использовать в учебном процессе образовательных учреждений психологического и юридического профилей при преподавании дисциплин «Психология состояний», «Психология здоровья», «Специальная и коррекционная психология», «Пенитенциарная психология», а также в дальнейших научных исследованиях по данной и / или смежной проблеме.

Перспективы. Возможно расширение разработанной модели с добавлением большого числа компонентов в структуру трех блоков эмоциональных состояний. Планируется изучение вопроса эффективности разработанной групповой психокоррекционной программы с учетом временной перспективы: при наличии сходных мишеней психокоррекционного воздействия у осужденных-инвалидов и осужденных без инвалидности различается восприятие времени в процессе отбывания наказания, а также присутствует немаловажный фактор — инвалидность, который можно рассматривать как дополнительный фактор воздействия.

Список источников

1. Неяскина Ю. Ю. Временная перспектива осужденных к лишению свободы // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности* : сб. науч. ст. X междунар. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2021. С. 143–154.
2. Jarrett C. How prison changes people. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20180430-the-unexpected-ways-prison-time-changes-people> (accessed data: 05.01.2022).
3. Bacak V., Andersen L. H., Schnittker J. The effect of timing of incarceration on mental health: Evidence from a natural experiment. *Social Forces*. 2019. Vol. 98, № 1. Pp. 303–328. <https://doi.org/10.1093/sf/soy102>.
4. Flaherty M. G. Time in prison as contested terrain: temporal regime versus temporal resistance. *5th International Conference on Time Perspective*. 2021. № 2. P. 15.
5. Реан А. А. Психология человека от рождения до смерти. СПб., 2002. 656 с.
6. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. СПб., 2005. 412 с.
7. Дмитриев Ю. А., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология. Ростов н/Д, 2007. 681 с.
8. Crewe B., Hulley S., Wright S. Life imprisonment from young adulthood: adaptation, identity and time. London, 2020. 340 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-566601-0>.
9. Макушина О. П. Восприятие прошлого, настоящего и будущего студентами с разным психологическим возрастом // *Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования*. 2019. № 3. С. 46–50.
10. Hulley S., Crewe B., Wright S. Re-examining the Problems of Long-term Imprisonment. *The British Journal of Criminology*. 2016. Vol. 56, № 4. Pp. 769–792. <https://doi.org/10.1093/bjc/azv077>.
11. Спиваковская А. С., Четкина А. С. Актуальное эмоциональное состояние и переживание времени: бейотерапевтический подход // *Психологические и психоаналитические исследования*. М., 2020. С. 116–129.
12. Падуна М. А., Гагарина М. А., Зелянина А. Н. Опосредующая роль регуляции эмоций и временной перспективы во взаимосвязи между темпераментальными чертами и эмоциональными состояниями // *Экспериментальная психология*. 2020. Т. 13, № 4. С. 36–51. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130403>.
13. Некрасова Е. В. Транспектива как способ бытия жизненного мира человека // *Ползуновский вестник*. 2005. № 3. С. 248–251.
14. Мартынова А. А. Временная перспектива осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания // *Ученые записки СПбГМУ им. И. П. Павлова*. 2014. № 4. С. 54–58.
15. Лобанова Е. С., Михайлова А. А. Особенности временной перспективы личности осужденных мужчин, имеющих наркотическую зависимость // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2009. № 9. С. 54–57.
16. Казберов П. Н., Новиков А. В. Характеристики временных перспектив у лиц, осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2(2). С. 569–576.
17. Славинская Ю. В., Бовин Б. Г. Временная перспектива отбывающих пожизненное лишение свободы // *Прикладная юридическая психология*. 2011. № 4. С. 41–54.
18. Ипполитова Е. А. Особенности временной перспективы осужденных на разных этапах отбывания наказания // *Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета*. 2016. № 4. С. 88–97.
19. Квасова О. Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации (обзор исследований) // *Вестник Московского университета. Серия 14, Психология*. 2011. № 4. С. 109–117.
20. Tucholska K., Wysocka-Pleczyk M., Gulla B., Piotrowski P., Sekulak S. F. M., Głomb K. Prison time experience — a semantic differential study. *5th International Conference on Time Perspective*. 2021. № 3. 74 p.
21. Ахмеров Р. А. Динамика картины жизненного пути в самосознании у инвалидов // *Психологическая наука и общественная практика*. М., 1987. С. 197–199.
22. Алигаева Н. Н. Особенности эмоциональных состояний осужденных-инвалидов, связанных с достижением или недостижением цели // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2021. Т. 26, № 3(86). С. 299–306. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021>.
23. Bredun E. V., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A. Typological features of subjective time perception in the context of chronotopical human life. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal-siberian journal of psychology*. 2018. № 68. Pp. 32–45. <https://doi.org/10.17223/17267080/68/2>.
24. Landau M. J., Amdt J., Swanson T. J., Bultmann M. N. Why life speeds up: Chunking and the passage of autobiographical time. *Self and Identity*. 2018. Vol. 17, № 3. Pp. 294–309. <https://doi.org/10.1080/15298868.2017.1308878>.
25. Izal M. Positive perception of time and its association with successful ageing. *Estudios de Psicología*. 2018. Vol. 39. Pp. 286–323. <https://doi.org/10.1080/02109395.2018.1507095>.

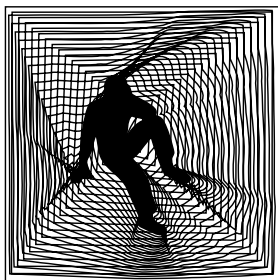
Поступила 21.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 30.06.2022.

References

1. Neyaskina Yu. Yu. Time perspective of convicts sentenced to imprisonment. Personality in extreme conditions and crisis situations of life. Ulyanovsk, 2021. Pp. 143–154. (In Russ.)
2. Jarrett C. How prison changes people. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20180430-the-unexpected-ways-prison-time-changes-people> (accessed data: 05.01.2022).
3. Bacak V., Andersen L. H., Schnittker J. The effect of timing of incarceration on mental health: Evidence from a natural experiment. *Social Forces*. 2019. Vol. 98, No. 1. Pp. 303–328. <https://doi.org/10.1093/sf/soy102>.
4. Flaherty M. G. Time in prison as contested terrain: temporal regime versus temporal resistance. *5th International Conference on Time Perspective*. 2021. № 2. P. 15.
5. Rean A. A. Human psychology from birth to death. St. Petersburg, 2002. 656 p. (In Russ.)

6. Ilyin E. P. Psychophysiology of human states. St. Petersburg, 2005. 412 p. (In Russ.)
7. Dmitriev Yu. A., Kazak B. B. Penitentiary psychology. Rostov-on-Don, 2007. 681 p. (In Russ.)
8. Crewe B., Hulley S., Wright S. Life imprisonment from young adulthood: adaptation, identity and time. London, 2020. 340 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-56601-0>.
9. Makushina O. P. Perception of the past, present and future by students with different psychological ages. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*. 2019. No. 3. Pp. 46–50. (In Russ.)
10. Hulley S., Crewe B., Wright S. Re-examining the Problems of Long-term Imprisonment. *The British Journal of Criminology*. 2016. Vol. 56, No. 4. Pp. 769–792. <https://doi.org/10.1093/bjc/azv077>.
11. Spivakovskaya A. S., Chetkina A. S. Actual emotional state and experience of time: a beatotherapy approach. *Psychological and Psychoanalytic Research*. Moscow, 2020. Pp. 116–129. (In Russ.)
12. Padun M. A., Gagarina M. A., Zelyanina A. N. Mediating role of emotion regulation and time perspective in the relationship between temperamental traits and emotional states. *Experimental Psychology*. 2020. Vol. 13, No. 4. Pp. 36–51. <https://doi.org/10.17759/expsy.2020130403>. (In Russ.)
13. Nekrasova E. V. Trans-perspective as a way of being of the human life world. *Polzunovskiy Vestnik*. 2005. No. 3. Pp. 248–251. (In Russ.)
14. Martynova A. A. Time perspective of those convicted of crimes of avarice during the initial period of serving the sentence. *Scientific Notes of the Pavlov St. Petersburg State Medical University*. 2014. No. 4. Pp. 54–58. (In Russ.)
15. Lobanova E. S., Mikhailova A. A. Features of the time perspective of the personality of male convicts with drug addiction. *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 2009. No. 9. Pp. 54–57. (In Russ.)
16. Kazberov P. N., Novikov A. V. Characteristics of time perspectives in persons convicted of extremist and terrorist activities. *Modern Problems of Science and Education*. 2015. No. 2(2). Pp. 569–576. (In Russ.)
17. Slavinskaya Yu. V., Bovin B. G. Time perspective of life-term prisoners. *Applied Legal Psychology*. 2011. No. 4. Pp. 41–54. (In Russ.)
18. Ippolitova E. A. Features of the time perspective of convicts at different stages of serving the sentence. *Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University*. 2016. No. 4. Pp. 88–97. (In Russ.)
19. Kvasova O. G. Transformation of the time perspective of an individual in an extreme situation (review of research). *Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology*. 2011. No. 4. Pp. 109–117. (In Russ.)
20. Tucholska K., Wysocka-Pleczyk M., Gulla B., Piotrowski P., Sekulak S. F. M., Glomb K. Prison time experience — a semantic differential study. *5th International Conference on Time Perspective*. 2021. № 3. 74 p.
21. Akhmerov R. A. Dynamics of the picture of the life path in the self-consciousness of the disabled. *Psychological Science and Social Practice*. Moscow, 1987. Pp. 197–199. (In Russ.)
22. Aligaeva N. N. Features of the emotional states of convicts with disabilities associated with the achievement or non-achievement of the goal. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2021. Vol. 26, No. 3(86). Pp. 299–306. (In Russ.)
23. Bredun E. V., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A. Typological features of subjective time perception in the context of chronotopical human life. *Siberian Journal of Psychology*. 2018. No. 68. P. 32–45. <https://doi.org/10.17223/17267080/68/2>.
24. Landau M. J., Amdt J., Swanson T. J., Bultmann M. N. Why life speeds up: Chunking and the passage of autobiographical time. *Self and Identity*. 2018. Vol. 17, No. 3. Pp. 294–309. <https://doi.org/10.1080/15298868.2017.1308878>.
25. Izal M. Positive perception of time and its association with successful ageing. *Estudios de Psicología*. 2018. Vol. 39. Pp. 286–323. <https://doi.org/10.1080/02109395.2018.1507095>.

Submitted 21.12.2021; approved after reviewing: 20.01.2022; accepted for publication: 30.06.2022.

Теория и методика профессионального образования

Theory and methods of professional education

Научно-теоретическая статья

УДК 159.98+378.1+316.61 © А. И. Тащёва, С. В. Гриднева, П. В. Меньшиков, М. Р. Арпентьева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-334-342

5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Проблемы современной нейродидактики и инклюзивное образование

Анна Ивановна Тащёва¹, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности и консультативной психологии, научный руководитель Психологической службы Академии психологии и педагогики; annaivta@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5199-9254>

Светлана Валерьевна Гриднева², кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии; gridneva-sveta@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6947-5416>

Петр Викторович Меньшиков³, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития и образования; edeltanne@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5670-2755>

Мариям Равильевна Арпентьева⁴, доктор психологических наук, академик Международной академии образования, свободный исследователь; mariam_ira@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ Воронежский государственный педагогический университет, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86, Россия

² Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Россия

³ Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 248023, Калуга, ул. Разина, 22/48, Россия

⁴ 2900, Монреаль, Квебек, бульвар Эдуард-Монпети, НЗТ 1J4, Канада

Реферат

Введение. Нейродидактика позиционируется как инновационное направление организации учебного взаимодействия, целью которого являются одновременно индивидуализация и универсализация (стандартизация) обучения. Нейродидактика также иногда рассматривается как переходный этап от дидактики как процесса взаимодействия педагога и учеников (студентов) к прямой передаче знаний и умений через инвазивные и неинвазивные нейротехнологические устройства. Нейродидактические проблемы современности связаны в России с тем, что роботы и иные технологии используются для разрушения традиционной системы образования, а не для ее усиления. В инклюзивной модели взаимодействия людей является краеугольным камнем системы обучения, однако нейродидактика, которая могла бы внести свой вклад в оптимизацию и повышение значимости этого взаимодействия, стремится к его сокращению и элиминации из образования. Цель исследования — осмысление проблем современной нейродидактики в инклюзивном образовании. Метод исследования — теоретический анализ и синтез проблем нейрообразовательных технологий в инклюзивном образовании. Новизна исследования заключается в осмыслении проблем создания, использования и коррекции нейротехнологий в инклюзивном образовании. **Результаты и обсуждение.** Нейродидактика связана с множеством проблем, возникновение которых объясняется слабой научной обоснованностью разработок в области нейротехнологий, системными нарушениями в сфере внедрения данных технологий, позиционирующихся в качестве способных заменить дидактическое взаимодействие прямой передачей данных, т. е. с накапливающимися ошибками, исправление которых является серьезной проблемой для педагогики. **Выводы.** Нейродидактические исследования в инклюзии несут амбивалентные представления о важности поддержки, совершенствования человека и о том, что несовершеннолетние люди не должны быть допущены к образованию, не нуждаются в нем, как и общество не нуждается в том, чтобы учить их. Несмотря на значительный потенциал помощи людям с особенностями возможностей здоровья в компенсации и коррекции нарушений их функционирования и развития, современные нейродидактические разработки существенно ограничены и технологически, и аксиологически.

Ключевые слова: нейрообразование; нейродидактика; нейроцифровые технологии; системы искусственного интеллекта; цифровая культура; деформации развития; ограниченные возможности здоровья; инклюзивное образование

Для цитирования: Тащёва А. И., Гриднева С. В., Меньшиков П. В., Арпентьева М. Р. Проблемы современной нейродидактики и инклюзивное образование // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 334–342. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-334-342>

Scientific and Practical Article

UDC 159.98+378.1+316.61 © A. I. Tashcheva, S. V. Gridneva, P. V. Menshikov, M. R. Arpentieva, 2022

doi: 10.24412/1999-6241-2022-390-334-342

5.3.4 Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Problems of Modern Neurodidactics and Inclusive Education

Anna I. Tashcheva¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-professor, Associate-professor at the chair of Personality and Consultive Psychology, scientific supervisor of Psychological Service at the Academy of Psychology and Pedagogy; annaivta@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5199-9254>

Svetlana V. Gridneva¹, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-professor, Associate-professor at the chair of General and Pedagogical Psychology; gridneva-sveta@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6947-5416>

Petr V. Menshikov³, Candidate of Sciences (in Psychology), Associate-professor, Associate-professor at the chair of Developmental Psychology and Psychology of Education; edeltanne@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5670-2755>

Mariyam R. Arpentieva⁴, Doctor of Sciences (in Psychology), Academician of the International Academy of Education, freelance researcher; mariam_rav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ Voronezh State Pedagogical University, 86 Lenin st., Voronezh, 394043, Russia

² Academy of Psychology and Pedagogy of South Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia

³ Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovskiy, 22/48 Razin st., Kaluga, 248023, Russia

⁴ 2900, boul. Edouard-Montpetit, Montreal, Quebec, H3T 1J4, Canada

Abstract

Introduction. Neurodidactics is positioned as an innovative area of organizing educational interaction, the purpose of which is both individualization and universalization (standardization) of learning. Neurodidactics is also sometimes viewed as a transitional stage from didactics as a process of interaction between a teacher and pupils (students) to the direct transfer of knowledge and skills through invasive and non-invasive neurotechnological devices. Modern neurodidactics-related problems in Russia are associated with the fact that robots and other technologies are used to destroy the traditional education system, and not to strengthen it. In an inclusive model, human interaction is the cornerstone of the learning system; however, neurodidactics, which could contribute to optimizing and increasing the significance of this interaction, tends to reduce and eliminate it from education. The aim of the research is to comprehend the problems of modern neurodidactics in inclusive education. The research methods include theoretical analysis and synthesis of the problems of neuroeducational technologies in inclusive education. The novelty of the research is associated with understanding the problems of creating, using and correcting neurotechnologies in inclusive education. **Results and Discussion.** Neurodidactics is connected with a variety of problems resulted from lack of scientific substantiation of developments in the field of neurotechnology, systemic violations in the field of implementation of these technologies considered capable of replacing didactic interaction with "direct" data transfer, that is with accumulated errors, correction of which is now and will be in future a serious problem for pedagogy. **Conclusions.** Neurodidactics researches in inclusion carry ambivalent ideas about the importance of supporting, improving a person and that imperfect people should not be admitted to education, do not need it, just like society does not need to teach them. Despite the significant potential of helping people with disabilities to compensate and correct violations of their functioning and development, modern neurodidactic developments are significantly limited both technologically and axiologically.

Keywords: neuroeducation; neurodidactics; neurodigital technologies; artificial intelligence systems; digital culture; deformations of development; people with disabilities; inclusive education

Citation: Tashcheva A. I., Gridneva S. V., Menshikov P. V., Arpentieva M. R. Problems of Modern Neurodidactics and Inclusive Education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 334–342. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-334-342>

Основные положения

1. Нейродидактика — совокупность инновационных технологий, использующих разработки нейрологических и кибернетических наук для оптимизации дидактических аспектов взаимодействия педагога и его учеников. Термины «цифровое образование» и «нейрообразование» предполагают обучение и воспитание детей, подростков, юношей и взрослых с использованием цифровых, в том числе нейроцифровых, технологий.

2. Помимо продуктивных и важных для решения проблем людей с особенностями возможностей здоровья рекомендаций и разработок, позволяющих обеспечить инклюзивное образование средствами оптимизации

дидактического взаимодействия, в том числе «уравнивания» школьников и студентов с особыми потребностями с нормотипичными учащимися и обучающимися, существует и создается ряд разработок, психологический и нравственный смысл которых менее однозначен, а порой и отчетливо деструктивен.

3. Рекомендации современных нейродидактов не выходят за рамки общепринятых принципов организации и коррекции обучающего взаимодействия. Существенной новизной в нейродидактике обладают лишь нейроцифровые технологии.

4. Нейроинтерфейсные и иные, в том числе нейроцифровые, технологии могут служить оптимизации инклюзивного образования при условии непреодо-

лимости (иными способами и путями) имеющихся у человека ограничений.

5. Цель образования — помощь ученику в его становлении и развитии как субъекта культуры. Использование нейроцифровых технологий будет служить совершенствованию инклюзивного образования только там и тогда, когда оно будет прямо связано с достижением этой цели.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Нейрологические исследования в последние десятилетия во многих странах мира привлекают все большее внимание, в том числе в связи с технологическими проектами создания нейроинтерфейсов («чипов» и т. д.) и стоящим за ним, нравственно этически и эволюционно неоднозначным для человека и социума таким процессом, как «чипизация» населения, начиная от людей с особенностями возможностей здоровья (далее — ОВЗ) и заканчивая здоровыми людьми, нуждающимися, по мнению стейкхолдеров нейротехнологических разработок, в «улучшении» или «исправлении». Помимо разработок, однозначно могущих быть оцененными как позитивные и важные для решения проблем людей с ОВЗ, повышения успеха инклюзивных практик, существует и много разработок, психологический и нравственный смысл которых неоднозначен, а порой и отчетливо деструктивен. Так, идея массового подключения людей, в том числе учащихся и обучающихся¹, к нейроинтерфейсам, позволяющим управлять их состоянием и поведением, связана с попытками десубъективизации человека, введения процедур контроля за людьми и их группами посредством искусственного интеллекта, программы которого, сформированные его создателями и заказчиками, этически и процедурно непрозрачны и не учитывают интересы тех, кем планируется управлять. Это касается и использования нейротехнологий в инклюзивном образовании и в других областях. Нейродидактика позиционируется как некое «сверхсовременное», инновационное и «сверхрезультативное» направление организации учебного взаимодействия, целью которого являются одновременно индивидуализация и универсализация (стандартизация) обучения на фоне радикального обновления его теоретической базы и конкретной методики передачи компетенций [1–4]. Нейродидактика также рассматривается как переходный этап от дидактики как процесса взаимодействия педагога и учеников (студентов) к прямой передаче знаний и умений через инвазивные и неинвазивные нейротехнологические устройства.

В итоге возникают многочисленные проблемы, связанные с тем, что роботы и иные нейротехнологии, или, точнее, нейроцифровые технологии, используются для разрушения традиционной системы образования, а не ее усиления [5–8]. В инклюзивной модели взаимодействие людей является краеугольным камнем системы обучения, однако нейродидактика, которая могла бы внести свой вклад в оптимизацию и повышение значимости этого взаимодействия, стремится к его сокращению и элиминации из образования.

Цель исследования — осмысление проблем современной нейродидактики в инклюзивном образовании.

Метод исследования — теоретический анализ и синтез проблем нейрообразовательных технологий в инклюзивном образовании. Новизна исследования связана с осмыслением проблем создания, использования и коррекции нейротехнологий в инклюзивном образовании.

Результаты и обсуждение

Проблема симуляций в современном образовании.

В современном российском образовании, как и в образовании многих иных стран мира, активно распространяется утверждение, что обучающиеся не нуждаются в неких «готовых правилах», требующих заучивания, что классно-урочная система устарела и гораздо продуктивнее и лучше создать и реализовать неструктурированные квазинаучные конференции-интенсивы, главными организаторами которых якобы должны являться сами участники (как это описывает Д. Песков) и «кванториумы» (образовательные технопарки как «неформальные» варианты дополнительного образования для ускорения развития обучающегося по различным научно-исследовательским и инженерно-техническим направлениям (М. Ракова) [9]). Речь идет о важности и приоритете в образовании будущего неформальных образовательных мероприятий, на которых человек учится, погружаясь в реальность, двигаясь по индивидуализированным траекториям вместо предметов и получая компетенции вместо знаний, формируясь как «капитал», а не как человек и субъект культуры. Это утверждение не просто спорно, а оно нацелено на симуляцию и посредством симуляций на разрушение образования. Взрослые люди, управляющие образованием, принимают решение больше не учить обычных детей, подростков, студентов практически ничему. Вместо этого они предлагают подключить их к компьютеру либо поместить их в реальную или «метаигровую» ситуацию, которая якобы и будет обучать и воспитывать обучающихся без какого-либо навязчивого присутствия педагога.

¹ Лукша П., Песков Д. Будущее образования: глобальная повестка («Образование 2030»). М., 2010–2013. 56 с. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/f47/f47425d3a3eae0b4d37ce157f622aea.pdf> (дата обращения: 21.09.2021); Радченко А. Ф., Попов С. В. Дорожная карта «Детство 2030». Презентация итогов форсайт-проекта «Детство». М., 2010. 40 с. URL: <https://ppt-online.org/8124,%20u> (дата обращения: 04.09.2021); «Россия-2045». Проекты стратегического общественного движения «Россия 2045». URL: <http://www.2045.ru/project/bodyb> (дата обращения: 04.09.2021).

На первом этапе образования — этапе симуляций — список предметов резко ограничивается естественно-научными, техническими, а гуманитарные, вплоть до изучения родного языка, литературы, истории и иных аспектов культуры, особенно искусства и психологии, из общеобязательной программы изымаются или подменяются их идеологизированными симулякрами. Общее снижение требований к качеству образования хорошо маскируется и идеей инклюзивного образования: вместо того чтобы развивать ученика с ОВЗ, «подтягивая» его до состояния и уровня нормотипичного, предлагается снизить требования к учащимся и обучающимся в целом, якобы потому, что главной целью образования являются культура совместности и ее составляющие типа толерантности и т. п. Однако целью обучения не служит только совместность; она есть одна из целей социальной работы, подменять которой образование как минимум ошибочно, если не намеренно вредоносно.

На втором этапе из образования изымаются педагоги, заменой которых становятся (нейро)цифровые устройства. В этом случае очная форма образования, отдельные гуманитарные и социальные знания останутся доступными только для элиты. Ребенок, подросток, молодой человек с ОВЗ в большинстве случаев в элитные школы просто не попадет, особенно если учесть смыслы, отраженные в проектах генетического контроля рождаемости, отбора детей на стадии зачатия и вынашивания. Если такие школьники и студенты как представители элиты и, что менее вероятно, «заочного» большинства смогут чему-то научиться вне или под руководством искусственного интеллекта и наставников, то, возможно, они заинтересуют потенциальных работодателей, которые изъявят желание их поддержать. В ином случае «грязный миллиард» пополнится еще несколькими группами, предназначение которых — обслуживание представителей «золотого миллиона» и вымирание².

Цель желающих «быть кем-то» («элитой», менеджерами) учеников — продать себя и свои исследования тем и тогда, кто и когда захочет в них «инвестировать» («investor day»). Таким образом, организуется «университет для миллиона» собственников «Федеральной резервной системы» (Комитет 300 и т. д.) и их родственников. Этот университет, сформированный на основе системы «социального кредита», будет также работать для отдельных представителей «грязного миллиарда»: та или иная корпорация создает заказ на будущего специалиста, она вкладывает деньги в свой будущий специфический «человеческий капитал», наставляемый и обучаемый искусственным интеллектом в нейронет-группах. Сам же «капитал» развивает в себе необходимое отношение лояльности и покорности, связанное

с пониманием пожизненной зависимости от компании³. Массовый же «человеческий капитал» и образование для масс в России и в мире переходят в состояние стагнации и разрушения (маркируемые отечественными и зарубежными учеными и создателями форсайтов как «смерть школы», «смерть университета» и т. д.).

Проблема нейротехнологизации в современном образовании. Такая «смерть» является естественным следствием деклараций того, что ученик готов и способен сам, без участия педагога создавать знания и компетенции. Тезис о том, что ученику нужно лишь большое количество примеров, позволяющих самостоятельно сформулировать то или иное правило, сталкивается с идеей «тщательного анализа»: не понятно, как именно учащийся или обучающийся, не имеющий представления об общих правилах переработки информации, сможет выделить принципы и присоединить их и стоящую за ними новую информацию к уже сформированной (не вполне ясно, когда и кем). Если мы проанализируем теорию поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина, работы которого внесли огромный вклад в развитие общего, специального и инклюзивного образования, то выясним, что она прямо противоречит этому тезису. В рамках указанной теории понятно, кто, когда, каким образом и с каким объемом примеров может помочь ученикам изучить и понять предмет. В рамках же «нейродидактических» моделей предполагается некая «прямая» передача / «загрузка» данных из компьютера в мозг человека: подразумевается, что тот, кто наполняет компьютеры, будет контролировать наполнение мозга человека [9–12]. Сам же человек, якобы самостоятельно «открывающий» мир знаний и умений, будет иметь какую-то возможность управления своим состоянием и обучением, «открытиями», которые он сможет и захочет сделать, исходя из критерия их релевантности задачам сохранения конкурентоспособности, востребованности корпорациями. Теми самыми корпорациями, которые ранее определили объемы и содержание «загрузок». Если они «не загрузили» того или иного контента и распоряжений, возможность добиться конкурентоспособности и, значит, ценность человека равны нулю. Человеческая самостоятельность при этом очевидно сводится к минимуму, к самостоятельности компьютера, биоробота.

Что касается тезиса о важности применения полученных знаний и умений в разнообразных контекстах и реальных ситуациях, соответствующего общим доктринам классической педагогики и модели П. Я. Гальперина, то вопрос не в том, чтобы контексты были просто разнообразными, а в том, чтобы они были адекватными тем знаниям и умениям, которые пости-

² Катасонов В. Римский клуб: проект «мягкого» уничтожения человека // Царьград. 2018. 20 окт. URL: https://tsargrad.tv/articles/rimskij-klub-proekt-mjagkogo-unichtozhenija-cheloveka_163949 (дата обращения: 21.09.2021).

³ Фрумун И., Чириков И. Презентация «Человеческий капитал 2.0» на Петербургском международном экономическом форуме, ПМЭФ-2018. М., 2018. URL: <https://youtu.be/mERr5kF9D6w> (дата обращения: 21.09.2021).

гаются и применяются, а также чтобы имеющиеся у человека компетенции обеспечивали его статус субъекта культуры, а не только конкурентоспособного работника или квалифицированного потребителя. Неудивительно, что такого рода декларации «самостоятельности», «практического» и «творческого» характера обучения, свободного от присутствия «навязывающих» культурные нормы педагогов, порождают вопросы к многочисленным пропагандистам нейродидактики, системно публикующим псевдонаучные труды о сути того, о чем они не имеют научного представления.

Обучение с опорой на принципы нейродидактики иногда описывается ее адептами как спиралевидный процесс, где достижение результата служит стимулом для дальнейшей активизации мозговой деятельности обучающихся, повышения уровня мотивации и, как следствие, для перехода на новую качественную ступень активного формирования компетенции [13–16]. Однако очевидно, что спиралевидность — это свойство любого обучения, и приписывать особые заслуги нейродидактике, чтобы совершить теоретический и понятийный подлог, нет смысла. Нейроинтерфейсные и иные, в том числе неинвазивные, технологии могут быть ведущими помощниками человека при двух условиях:

1) прибегающий к их помощи человек не имеет иного выхода, чем к ним обращаться, будучи не способным в силу инвалидности и иных ограничений выполнять задачи по самообслуживанию и задачи предметной деятельности;

2) окружающие человека педагоги и система образования настолько нерезультативны, что не способны научить и воспитать его даже базовым компетенциям, включая умение учиться.

Во всех остальных случаях, если не останавливаться на псевдодостижениях педагогики Дж. Дьюи, его предшественников и последователей, пропагандируемых Агентством стратегических инициатив (АСИ) и прочими органами надзорного или инклюзивного капитализма в России и в мире, если оценить современные знания и технологии педагогики реалистично, то можно сказать, что современная педагогика, а также (педагогическая) психология и иные науки об образовании позволяют воспитывать и обучать любого человека с тотально не нарушенными функциями мозга и тела на уровне, который предоставляет им способность не только «конкурировать с роботами», но и развиваться как субъект культуры. При этом планка «тотальности» все время снижается: на основе достижений отечественной психологии, работ Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина и других ученых и педагогов СССР и России созданы и внедрены во всем мире, например в Великобритании и Японии, модели обучения детей с весьма существенными умственными, эмоциональными, поведенческими нарушениями. В Японии введено в действие всеобщее образование, включая

такое для детей с $IQ=10\div 30$. Цель — максимальное использование имеющихся способностей и максимальная активизация зоны ближайшего развития.

В России во времена И. В. Сталина активно продвигался проект всеобщего высшего образования: каждому человеку педагоги стремились дать максимум возможного и необходимого для того, чтобы стать всесторонне развитым человеком, субъектом культуры, жизни. Огромное значение имела при этом система профтехучилищ, дающих на уровне старших классов средней школы качественные прикладные знания и умения. Сейчас образование опасается перегрузить учащихся и обучающихся ненужными компетенциями, форсируя радикальное сужение подготовки человека к жизни до задач предметной специализации, набора временно необходимых для выполнения той или иной трудовой функции компетенций, по устареванию которых индивид возвращается в систему непрерывного образования за новой порцией других, а также временно «гарантирующих конкурентоспособность» усеченных знаний и умений. Подготовка обучающихся как «квалифицированных потребителей», а также как «обслуживающего персонала», развитие которого задано рамками статуса «грязного миллиарда», сведена к симуляции образования передачей нескольких упрощенных, устаревших и порой откровенно дезинформирующих знаний и умений, к трансляции и утверждению ценностей и целей, не соответствующих цели формирования и развития человека как субъекта культуры. Базовая, теоретическая подготовка при этом обесценивается и отвергается. Здесь есть несколько рисков, включая деструкцию человеческого сознания и ценностей, особенно у людей, тесно связанных с цифровыми технологиями. Образование, направленное на бесконтрольную цифровизацию / нейроцифровизацию и выхолащивание отношений с собой и миром, фиксирует и значительно увеличивает разрушительные тенденции в сфере формирования и развития субъектности [17–20].

Проблема глобализации в современном образовании. Этот вопрос особенно занимает разработчиков так называемого глобального образования [21–24]. С одной стороны, учащимся и обучающимся декларируется необходимость приобщения к универсальным, общечеловеческим смыслам и ценностям, «благоговения» и заботы о жизни и мире, а с другой — эти ценности и смыслы маскируют геноцидные доктрины, утверждающие «негативную ценность» человека и его жизни, ведущие в жизнеотрицание.

Базовое понятие глобального образования о якобы уже существующем «перенаселении планеты» отражает общую тенденцию к подмене понятий, намеренной лжи. Так, население Земли долгое время росло, причем не только в смысле своей численности, но и в смысле своих компетенций: появление постка-

питалистических и большевистско-социалистических сообществ, борьба за равноправие и за права человека, массовый доступ человечества к образованию и к информационным ресурсам мира и прочие достижения «простых» людей поставили на повестку дня необходимость реорганизации существующего мирового, капиталистического порядка. Решение этих вопросов лежало в поле двух вариантов перемен:

1) изменение структуры управления и привлечение людей к прямому участию в решении проблем, затрагивающих их интересы («прямая демократия», эвергетика, «глубинная демократия»);

2) прекращение роста и развития населения, блокировка доступа к образованию и информации, массовое лишение прав и свобод и т. д.

Тенденции, которые мы наблюдаем в образовании Японии, Швеции и многих иных стран, где пробивают дорогу посткапитализм и прямая демократия, продвигают первый вариант. К сожалению, российское образование к этому процессу присоединиться на практике уже малоспособно, однако теоретическая и методическая мощь отечественных педагогики и педагогической психологии продолжает наращиваться, традиции школы Л. С. Выготского живут и развиваются.

Глобальное образование как проект США и Центральной Европы стало предтечей второго рода перемен. Оно объясняет людям, зачем и почему они должны согласиться со вторым сценарием, но ничего не говорит о первом [23; 24].

Эта модель навязывается и России, вопреки представлению о глобальности, которую мы видим в работах российских и зарубежных космистов (во главе с К. Э. Циолковским): сотрудничество людей в мудром освоении богатств Земли и космоса предполагает, что, даже если на Земле когда-то и возникнет реальная угроза перенаселения, человек может начать освоение космоса. К сожалению, хотя ряд идей К. Э. Циолковского, которые когда-то также считали ненужными и ненаучными, осмеивались, уже успешно реализованы, до сих пор остаются попытки осмеяния многих других его предвосхищений и открытий, включая идеи «человека космического». Действительно, разрушать, отказываться и уничтожать всегда проще и порой эффективнее и «понятнее», чем осознать, создавать и прикладывать усилия к развитию [23; 24].

Проблема нейротехнологий в образовании, в том числе искусственного и гибридного интеллекта, раскрывается как совокупность вопросов о возможностях и ограничениях, способах и техниках, процедурах и итогах, причинах и следствиях их применения в образовании. Можно ожидать, что нейротехнологии будут продолжать внедряться так, чтобы наиболее блокировать развитие учащихся и обучающихся, снижать качество преподавания и т. д., в том числе с помощью виртуализации и симуляции образования

и отношений человека с миром, рекламы чипизации и подмены функций «умных технологий»: реклама помощи человеку скрывает реальность контроля человека, а также жесткой иерархизации сообщества, разделения его на «золотой» и «грязный» миллиарды и т. д. [25]. Разрушение образования означает и разрушение мотивации образования, нарушение доступа к образованию, связанное с поколенческими, экономическими и иными причинами.

Выводы

Классическое образование, в том числе образование, ориентированное на естественные процессы и эффекты развития человека, исходя из высказываний П. Лукши, Д. Пескова, Т. Иглтона, М. Стронга и др., рассматривается как устарелое и «умирающее» [9; 26]. Уходит представление об образовании как образовательном и воспитательном взаимодействии равных людей и / или превосходящего своими знаниями, умениями и духовной зрелостью наставника и восприимчивого к знаниям и умениям, а также ценностям педагога ученика. Иллюзорность свободы и творческого поиска человека в нейродидактических моделях хорошо видна на примере технологий, ориентированных на чтение сознательных и бессознательных состояний, перевод их с помощью специальных устройств в конкретные действия. Эти технологии в силу своей обратимости и предназначены для того, чтобы использоваться прямо в противоположном направлении: от контроля над состояниями человека, включая сознательные и бессознательные переживания и представления, до контроля его поведения.

«Смерть» университетов и школ, согласно фортайтам отечественных или зарубежных их создателей, предполагает замену естественных форм образования искусственными: нейроинтерфейсные, инвазивные и неинвазивные нейротехнологии предусматривают, что ученик якобы свободно, хотя и под жестким управлением кастового сообщества (разбитого на «золотой» и «грязный» миллиарды), выбирает нужные ему компетенции и ценности. Для этого в самых разных странах перекрываются «социальные лифты» для учащихся и обучающихся: несмотря на декларации, блокируется возможность повысить посредством образования свой социальный статус, развитие ограничивается теми программами, которые будут контролировать и управлять человеком, начиная с людей «грязного миллиарда» и заканчивая представителями «золотого миллиарда».

Уровень квалификации педагога становится неважным, в частности, нивелируются имеющиеся статусы, преподавательские и научные достижения. Они уже не имеют никакого значения: невнимание к ним со стороны государства и бизнеса легко переходит в общественное пренебрежение. Простейшей иллюстрацией является широкое распространение матетогений, насилия, буллинга и даже колумбайнов не только в школах, но и в вузах.

Нейродидактика современности, в том числе в России, столкнулась с большим количеством проблем, возникающих в результате научной необоснованности многих применяемых и создаваемых нейротехнологических устройств и программ, с системными нарушениями в сфере внедрения данных технологий как способных заменить дидактическое взаимодействие «прямой» передачей данных и накапливающимися ошибками, исправление которых представляет серьезную проблему для педагогики.

Нейродидактика, применение современных нейроцифровых технологий и проекты их развития, по сути, отрицают образование. Поэтому, несмотря на значительный потенциал помощи людям с ОВЗ в компенсации и коррекции нарушений их функционирования и развития, нейродидактические разработки существенно ограничены и технологически, и аксиологически [25; 27; 28]. Нейродидактические исследования в инклюзии несут амбивалентные представления о важности поддержки, совершенствования человека и о том, что несовершеннолетние люди не должны быть допущены к образованию, не нуждаются в нем в силу их «обреченности», как и общество не нуждается в том, чтобы

учить их, тратить на них свои ресурсы. Однако часть педагогов и обучающихся все еще удерживает культуру образовательных отношений, ориентируясь на требования взаимного уважения и защиты достоинства, рефлексии человеческих ценностей, построения и развития значимых отношений, понимания происходящего в образовании и по поводу образования.

Перспективы. Перспективы нейродидактических исследований в инклюзивном образовании связаны в первую очередь с осмыслением и формулировкой корпуса ценностно-смысловых, аксиологических рамок их создания, применения и совершенствования.

1. Нейродидактический подход может служить развитию инклюзивного образования и его субъектов как теория и практика применения нейроцифровых технологий коррекционно-развивающего типа.

2. Совершенствование общего, специального и инклюзивного образования предполагает в контексте применения нейродидактических технологий введение в подготовку педагогических кадров соответствующих программ и специализаций, позволяющих участвовать в создании, реализации и оптимизации нейроцифровых технологий и использующих их дидактических моделей.

Список источников

1. Дубовицкая Т. Д. Нейропсихологический подход — мейнстриминг современного образования // Осознание культуры — залог обновления общества. Перспективы развития современного общества : мат-лы XXI всерос. науч.-практ. конф. Севастополь, 10–11 апреля 2020 года / сост. В. В. Головин. Севастополь, 2020. С. 17–180.
2. Коменский Я. А. Великая дидактика : избр. пед. соч. М., 1939. Т. 1. С. 271–272.
3. Костромина С. Н., Бордовская Н. В., Искра Н. Н., Чувгунова О. А., Гнедых Д. С., Курмакаева Д. М. Нейронаука, психология и образование: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 4. С. 61–70.
4. Куликова О. В. Нейродидактический подход как фактор повышения качества обучения иноязычному профессиональному общению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 14(700). С. 107–114.
5. Морнов К. А. Нейропедагогика: основные положения, цель и задачи // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. Т. 1. С. 56–58.
6. Подлиняев О. Л., Тамбовцев Е. А. Нейродидактическое сопровождение учебного процесса в образовательных организациях высшего образования // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения : мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 16–18 октября 2018 года. Иркутск, 2018. С. 758–763.
7. Расулов Ж. С. Эффекты обучения на основе нейропедагогика. International scientific review of the problems of philosophy, psychology and pedagogy. Collection of scientific articles V International scientific specialized conference. Boston, USA, September 10–11, 2018 / Ed. by E. Morgan. Boston, 2018. С. 30–33.
8. Arpentieva M. R., Retnawati H., Akhmetova T. A., Azman M. N. A., Kassymova G. K. Constructivist approach in pedagogical science. *Challenges of Science 2021*. 2021. Iss. IV. Pp. 12–17. <https://doi.org/10.31643/2021.02>.
9. Лукша П., Песков Д. Будущее образования: глобальная повестка. М., 2010–2013. 56 с. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/f47/f47425d3a3e0b4d37ce157f622aea.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).
10. Blakemore S. J. & Frith U. *Wie wir lernen. Was die Hirnforschung darüber weiß*. München, 2006. 320 s.
11. Caine N. R., Caine G., McClintic C., Klimek J. K. 12 Brain/Mind learning principles in action. *Developing executive functions of the human brain*. Thousand Oaks, 2009. 285 p.
12. Spitzer M. *Lernen. Gehirnforschung und die Schule des Lebens*. Heidelberg, 2006. 300 s.
13. Caine R. N. and Caine G. 12 Brain/Mind Natural Learning Principles Expanded. Overview of the Systems Principles of Natural Learning Caine Learning Center, 2010. Pp. 1–6. URL: <https://docplayer.net/26505333-12-brain-mind-natural-learning-principles-renewed-n-caine-ph-d-and-geoffrey-caine-ll-m.html>, www.cainelearning.com (accessed data: 05.09.2021).
14. Chournazidi A. The Social Framework of Learning via Neurodidactics. *Creative Education*. 2016. Vol. 7. Pp. 2175–2192. <https://doi.org/10.4236/ce.2016.715215>.
15. Eagleton T. The Slow Death of the University Chronicle of Higher Education, 2015. April 21. P. 1. URL: <http://chronicle.com/article/The-Slow-Death-of-the/228991/> (accessed data: 21.09.2021).
16. Friedrich G., Preiß G. Neurodidaktik. Bausteine für eine Brückenbildung zwischen. *Hirnforschung und Didaktik Pädagogische Rundschau*. 2003. Jg. 57. H. 2. S. 181–199.
17. Jensen E. P., McConchie L. *Brain-Based Learning: Teaching the Way Students Really Learn*. New York, 2020. 240 p.

18. Moravcová L., Maďarová L. Neurodidactics and its utilization in the field of language teaching International Scientific Days 201. The Agri-Food Value Chain: Challenges for Natural Resources Management and Society. Nitra, 2016. Pp. 634–639. <https://doi.org/10.15414/isd2016.s8.09>.
19. Preiß G. Neurodidaktik. Ein notwendiger Beitrag zur Didaktik des Jahres 2000. Kurzfassung eines Vortrags am 12.10.1992 in Trossingen zur Hauptschulwoche Baden-Württemberg „Hauptschule schafft Zukunft“. *Lehren & lernen*. 1993. Jg. 19. H. 6. S. 40–45.
20. Sabitzer B. Neurodidactics a new stimulus in ICT and computer science education. *The International journal of learning*. 2011. № 6. Vol. 18, Iss. 2. Pp. 167–178.
21. Sánchez Trujillo M. de los Ángeles, & Rodríguez Flores E. A. Diseño y aplicación de estrategias neuropsicopedagógicas en estudiantes universitarios. *REOP Revista Española De Orientación Y Psicopedagogía*. 2020. Vol. 31(1). Pp. 113–130. <https://doi.org/10.5944/reop.vol.31.num.1.2020.27293>.
22. Arpentieva M. R., Kasymova G. K., Lavrinenko S. V., Tyumaseva Z. I., Valeeva G. V., Kenzhaliev O. B., Duvalina O. N., Kosov A. V. Ecological education in the global and supplementary education system. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 3(379). Pp. 158–168.
23. Kassymova G. K., Yurkova M. G., Zhdanko T. A., Gerasimova J. R., Kravtsov A. Yu., Egorova J. V., Gasanova R. R., Larionova L. A., Arpentieva M. R. Personal self-development in the context of global education: the transformation of values and identity. *Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 6, № 382. Pp. 195–200.
24. Kassymova G. K., Stepanova G. A., Stepanova O. P., Menshikov P. V., Arpentieva M. R. and Merezchnikov A. P., Kunakovskaya L. A. Self-development management in educational globalization. *International Journal of Education and Information*. 2018. № 12. Pp. 171–176.
25. Касымова Г. К., Валева Г. В., Сетяева Н. Н., Флиндт Н., Арпентьева М. Р. Социально-психологические проблемы smart-образования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2021. № 2. С. 45–56.
26. Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the XXI Century / Ed. by M. R. Arpentieva, etc. Canada, Toronto: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc., 2018. 710 p. (Ser. Actual problem of the practical psychology. Vol. 4).
27. Stern E. Wie viel Gehirn braucht die Schule Neurodidactics. Basics and suggestions for brain-friendly teaching and learning / Herrmann, U. (Hrsg.). Weinheim und Basel: Beltz Verlag, 2006. Pp. 116–133.
28. Tharp Tw. Keep It Moving: Lessons for the Rest of Your Life. New York, 2019. 189 p.

Поступила 08.11.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Dubovitskaya T. D. Neuropsychological approach as the mainstreaming of modern education. In: V.V. Golovin (comp.). Culture awareness is a guarantee of society renewal. Prospects for the development of modern society. Materials of the 21st All-Russian Scientific and Practical Conference. Sevastopol, 2020. Pp. 178–180. (In Russ.)
2. Comenius I. A. Great didactics. Selected Pedagogical writings. Vol. 1. Moscow, 1939. Pp. 271–272. (In Russ.)
3. Kostromina S. N., Bordovskaya N. V., Iskra N. N., Chuvgunova O. A., Gnedykh D. S., Kurmakaeva D. M. Neuroscience, psychology and education: problems and perspectives of interdisciplinary research. *Psychological Journal*. 2015. Vol. 36, No. 4. Pp. 61–70. (In Russ.)
4. Kulikova O. V. Neurodidactic approach as a factor in improving the quality of teaching foreign language professional communication. *Bulletin of Moscow State Linguistic University*. 2014. No. 14(700). Pp. 107–114. (In Russ.)
5. Mornov K. A. Neuropedagogy: Basic Provisions, Purpose and Objectives. *Proceedings of Bratsk State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 1. Pp. 56–58. (In Russ.)
6. Podlinskyev O. L., Tambovtsev E. A. Neurodidactic maintenance of the educational process in educational organizations of higher education. Modern problems of professional education: experience and solutions. Materials of the 3rd All-Russian scientific and practical conference with international participation. Irkutsk, October 16–18, 2018. Irkutsk, 2018. Pp. 758–763. (In Russ.)
7. Rasulov Zh. S. Effects of learning based on neuropedagogy. In: E. Morgan (ed.). International scientific review of the problems of philosophy, psychology and pedagogy. Collection of scientific articles V International correspondence scientific specialized conference. Boston, USA, September 10–11, 2018. Boston, 2018. Pp. 30–33. (In Russ.)
8. Arpentieva M. R., Retnawati H., Akhmetova T. A., Azman M. N. A., Kassymova G. K. Constructivist approach in pedagogical science. *Challenges of Science*. 2021. Issue 4. Pp. 12–17. <https://doi.org/10.31643/2021.02>
9. Luksha P., Peskov D. The future of education: a global agenda. Moscow: CC BY RF Group, www.refuture.me, 2010–2013. 56 p. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/f47/f47425d3a3eeae0b4d37ce157f622aea.pdf> (accessed data: 21.09.2021). (In Russ.)
10. Blakemore S.-J. & Frith U. Wie wir lernen. Was die Hirnforschung darüber weiß. München, 2006. 320 p.
11. Caine N. R., Caine G. McClintic C., Klimek J. K. 12 Brain/Mind learning principles in action. Developing executive functions of the human brain. Thousand Oaks, 2009. 285 p.
12. Spitzer M. Lernen. Gehirnforschung und die Schule des Lebens. Heidelberg, 2006. 300 p.
13. Caine R. N. and Caine G. 12 Brain/Mind Natural Learning Principles Expanded. Overview of the Systems Principles of Natural Learning. Caine Learning Center, 2010. Pp. 1–6. URL: <https://docplayer.net/26505333-12-brain-mind-natural-learning-principles-renewed-n-caine-ph-d-and-geoffrey-caine-ll-m.html>, www.cainelearning.com (accessed data: 05.09.2021).
14. Chournazidi A. The Social Framework of Learning via Neurodidactics. *Creative Education*. 2016. No. 7. Pp. 2175–2192. <https://doi.org/10.4236/ce.2016.715215>.
15. Eagleton T. The Slow Death of the University Chronicle of Higher Education. 2015. April 21. P. 1. URL: <http://chronicle.com/article/The-Slow-Death-of-the/228991/> (accessed data: 21.09.2021).
16. Friedrich G. G., Preiß G. Neurodidaktik. Bausteine für eine Brückenbildung zwischen. *Hirnforschung und Didaktik Pädagogische Rundschau*. 2003. Vol. 57, No. 2. Pp. 181–199.

17. Jensen E. P., McConchie L. *Brain-Based Learning: Teaching the Way Students Really Learn*. New York, 2020. 240 p.
18. Moravcová L., Maďarová L. Neurodidactics and its utilization in the field of language teaching. *International Scientific Days 201. The Agri-Food Value Chain: Challenges for Natural Resources Management and Society*. Nitra, 2016. Pp. 634–639. <https://doi.org/10.15414/isd2016.s8.09>
19. Preiß G. Neurodidaktik. Ein notwendiger Beitrag zur Didaktik des Jahres 2000. Kurzfassung eines Vortrags am 12.10.1992 in Trossingen zur Hauptschulwoche Baden-Württemberg „Hauptschule schafft Zukunft“. *Lehren&lernen*. 1993. Vol. 19, No. 6. Pp. 40–45.
20. Sabitzer B. Neurodidactics a new stimulus in ICT and computer science education. *The International Journal of Learning*. 2011. No. 6. Vol. 18. Issue 2. Pp. 167–178.
21. Sánchez Trujillo M. de los Ángeles, & Rodríguez Flores E. A. Diseño y aplicación de estrategias neuropsicopedagógicas en estudiantes universitarios. *REOP Revista Española De Orientación Y Psicopedagogía*. 2020. Vol. 31(1). Pp. 113–130. <https://doi.org/10.5944/reop.vol.31.num.1.2020.27293>.
22. Arpentieva M. R., Kasymova G. K., Lavrinenko S. V., Tyumaseva Z. I., Valeeva G. V., Kenzhaliev O. B., Duvalina O. N., Kosov A. V. Ecological education in the global and supplementary education system. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 3(379). Pp. 158–168.
23. Kassymova G. K., Yurkova M. G., Zhdanko T. A., Gerasimova J. R., Kravtsov A. °Yu., Egorova J. V., Gasanova R. R., Larionova L. A., Arpentieva M. R. Personal self-development in the context of global education: the transformation of values and identity. *Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 6, No. 382. Pp. 195–200.
24. Kassymova G. K., Stepanova G. A., Stepanova O. P., Menshikov P. V., Arpentieva M. R. and Merezchnikov A. P., Kunakovskaya L. A. Self-development management in educational globalization. *International Journal of Education and Information*. 2018. No. 12. Pp. 171–176.
25. Kasymova G. K., Valeva G. V., Setyaeva N. N., Flindt N., Arpentieva M. R. Socio-psychological problems of smart education. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*. 2021. No. 2. Pp. 45–56. (In Russ.)
26. Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the XXI Century. Ed. by M. R. Arpentieva, etc. Canada, Toronto, 2018. 710 p. (Ser. Actual problem of the practical psychology. Vol. 4).
27. Stern E. Wie viel Gehirn braucht die Schule Neurodidactics. Basics and suggestions for brain-friendly teaching and learning. Herrmann U. (Hrsg.). Weinheim und Basel, 2006. Pp. 116–133.
28. Tharp Tw. *Keep It Moving: Lessons for the Rest of Your Life*. New York, 2019. 189 p.

Submitted 08.11.2021; approved after reviewing: 25.11.2021; accepted for publication: 30.11.2021.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Научно-практическая статья

УДК 377 © И. В. Волосников, С. В. Манылова, И. Н. Блудова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-343-347

5.8.4 Физическая культура и профессиональная физическая подготовка

Использование учебных полигонов для обучения сотрудников полиции применению боевых приемов борьбы

Игорь Викторович Волосников¹, старший преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел; v._i._v@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4792-2072>

Светлана Валентиновна Манылова², ассистент кафедры биомеханики, естественнонаучных дисциплин и методик преподавания; manilova-sv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6467-8879>

Инна Николаевна Блудова³, старший преподаватель кафедры физической подготовки; inna.bludowa@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8950-0778>

¹ Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 625049, Тюмень, ул. Амурская, 75, Россия

² Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, 626150, Тобольск, ул. Знаменского, 58, Россия

³ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат

Введение. В физической подготовке сотрудников полиции учебные полигоны в виде специализированной полосы препятствий традиционно используются для развития физических качеств сотрудников. Однако они могут быть полезны и для моделирования различных ситуаций применения боевых приемов борьбы в профессиональной деятельности. **Материалы и методы.** Исследование было организовано на базе Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. В нем принимали участие слушатели, обучающиеся по программам профессиональной подготовки (первоначальная подготовка). Использовались анализ и обобщение научно-методической педагогической литературы и опыта профессиональной деятельности сотрудников полиции, моделирование, тестирование, методы экспертной оценки и математической статистики. **Результаты и обсуждение.** Для достижения цели исследования нами были подготовлены типовые ситуации применения боевых приемов борьбы, а также определены условия эффективности использования учебных полигонов. Педагогический эксперимент выявил более высокий уровень владения приемами у представителей экспериментальной группы. **Выводы.** Результаты исследования позволяют сделать вывод об эффективности использования учебных полигонов для обучения сотрудников полиции применению боевых приемов борьбы в ситуациях профессиональной деятельности.

Ключевые слова: сотрудники полиции; боевые приемы борьбы; практико-ориентированное обучение; учебные полигоны; профессиональная подготовка; физическая подготовка; типовые ситуации

Для цитирования: Волосников И. В., Манылова С. В., Блудова И. Н. Использование учебных полигонов для обучения сотрудников полиции применению боевых приемов борьбы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 343–347. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-343-347>

Scientific and Practical Article

UDC 377 © I. V. Volosnikov, S. V. Manylova, I. N. Bludova, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-343-347

5.8.4 Physical Culture and Professional Physical Training

Use of Training Grounds to Teach Police Staff Combat Techniques

Igor V. Volosnikov¹, Senior Lecturer at the chair of Physical Training of law enforcement officers; v._i._v@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4792-2072>

Svetlana V. Manylova², Assistant of the chair of Biomechanics, Natural Sciences and Teaching Methods; manilova-sv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6467-8879>

Inna N. Bludova³, Senior Lecturer at the chair of Physical Training; inna.bludowa@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8950-0778>

¹ the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs, 75 Amurskaya st., Tyumen, 625049, Russia

² Tobolsk Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleev, (branch) of Tyumen State University, 58 Znamensky st., Tobolsk, 626150, Russia

³ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract

Introduction. In the physical training of police officers, training grounds in the form of a specialized obstacle course are traditionally used to develop the officers' physical qualities. However, the training grounds can also be employed to simulate various situations of using combat techniques in professional activities. **Materials and Methods.** The study was organized on the basis of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs. The study involved students enrolled in professional training programs (initial training). The methods include analysis and synthesis of scientific and methodological pedagogical literature and police officers' professional experience, modeling, testing, peer review method, mathematical statistics. **Results and Discussion.** To achieve the aim of the research, the authors prepared typical situations of applying combat techniques, and also determined the conditions for effective use of training grounds. The results of the pedagogical experiment

revealed a higher level of proficiency in techniques among the representatives of the experimental group. **Conclusions.** The results of the research enable the authors to conclude that the use of training grounds to train police officers combat techniques in situations of professional activity is effective.

Keywords: police officers; combat techniques; practice-focused training; training grounds; professional training; physical training; typical situations

Citation: Volosnikov I. V., Manylova S. V., Bludova I. N. Use of Training Grounds to Teach Police Staff Combat Techniques. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 343–347. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-343-347>

Основные положения

1. Использование учебных полигонов в физической подготовке сотрудников полиции позволяет формировать навыки применения боевых приемов борьбы в ситуациях практической профессиональной деятельности.

2. Моделирование ситуаций применения сотрудниками боевых приемов борьбы на учебных полигонах станет наиболее эффективным, если будут использованы актуальные случаи, а учебные полигоны будут соответствовать рассматриваемым ситуациям и отражать условия применения сотрудниками полиции боевых приемов борьбы, обстановку помещения или местности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Профессиональная деятельность сотрудников полиции сопряжена с необходимостью применения боевых приемов борьбы в различных ситуациях самозащиты, преследования и задержания правонарушителя. От умелых действий сотрудника зависят его жизнь и здоровье. Сотрудники полиции изучают боевые приемы борьбы, как правило, в образовательных организациях МВД России и продолжают совершенствовать владение ими в течение всей своей профессиональной деятельности. На учебно-тренировочных занятиях по физической подготовке сотрудники полиции изучают различные приемы, среди которых способы задержания и сопровождения болевыми приемами; освобождение от различных захватов, удары руками и ногами и защита от них, защита от различных ударов ножом, действия при угрозе оружием*.

В настоящее время особую значимость приобретает практико-ориентированная направленность процесса профессиональной подготовки сотрудников полиции. В учебных программах профессиональной подготовки происходит коррекция соотношения лекционных и практических занятий. Доля практических занятий стремится к 75% от общего объема учебной нагрузки по дисциплине. Одним из практико-ориентированных направлений развития полицейского профессионального образования является строительство учебных полигонов и использование их в образовательном процессе.

В научных исследованиях активно рассматриваются вопросы использования учебных полигонов в образовательных организациях МВД России для обучения гражданско-правовым дисциплинам. В физической подготовке учебные полигоны, как правило, в виде полосы препятствий в основном задействуются для развития физических качеств сотрудников, при этом без внимания остается возможность формирования навыков боевых приемов борьбы и применения их в различных ситуациях отражения нападения на сотрудника полиции. В учебно-тренировочном процессе физической подготовки сотрудников полиции не используются научно обоснованные и апробированные методики и технологии ситуационного обучения сотрудников применению боевых приемов борьбы.

В связи с этим наше исследование проводилось в целях выявления эффективности использования учебных полигонов для подготовки сотрудников полиции к применению боевых приемов борьбы в различных ситуациях своей профессиональной деятельности.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. В научных исследованиях, посвященных проблеме усиления практико-ориентированной направленности профессиональной подготовки сотрудников полиции, рассматриваются различные способы реализации проблемного обучения через моделирование ситуаций оперативно-служебной деятельности сотрудников [1, с. 60]. Необходимо отметить, что в образовательных организациях МВД России средства и методы практического обучения традиционно и успешно реализуются на учебных занятиях по обучению иностранным языкам. Н. А. Игошин, исследуя различные варианты ситуационно-имитационной подготовки сотрудников полиции, подчеркивает эффективность проведения интерактивных практических занятий [2, с. 175]. Анализируя возможные пути усиления практической направленности профессиональной подготовки участковых уполномоченных полиции, В. В. Кардашевский разработал систему комплексных занятий, включающую деловые игры, учения, практику [3, с. 148]. В. Г. Тюкин, Р. В. Клочков, Д. А. Книс также предлагают модель интегрированной подготовки участковых уполномоченных полиции, основанную на моделировании раз-

* Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.08.2019).

личных ситуаций служебной деятельности [4, с. 243]. А. А. Левченко, С. В. Малетин, В. А. Морозов обосновали необходимость использования контекстного подхода к процессу формирования у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России навыков личной безопасности. Для этого организовываются различные выездные практические учебно-тренировочные занятия и учения, на которых моделируются практические ситуации профессиональной деятельности сотрудников полиции [5, с. 153]. Ю. Н. Кочеров, А. Н. Димитров также большое значение придают использованию выездных практических занятий в рамках дисциплины «Автомобильная подготовка» [6, с. 228]. С. Н. Баркалов в исследовании опыта проведения комплексных практических занятий в образовательных организациях МВД России отмечает их эффективность для обучения приемам самозащиты и обеспечения личной безопасности [7, с. 152]. А. М. Старцев считает необходимым в образовательных организациях МВД России при освоении дисциплины «Специальная подготовка» использовать метод игрового обучения [8, с. 363]. Относительно начальной профессиональной подготовки сотрудников полиции также активно проводятся исследования, направленные на поиск эффективных способов формирования комплексных навыков применения боевых приемов борьбы [9, с. 20].

Зарубежные исследователи также обсуждают вопросы использования активных методов обучения полицейских, высказываются о целесообразности моделировать ситуации самообороны полицейских на тренировках, посвященных физической подготовке [10, с. 1505], а также пропагандируют использование ролевых игр для оптимизации учебных программ повышения квалификации полицейских [11, с. 520].

Несмотря на широкое внедрение в учебный процесс элементов деловой игры, игрового обучения, ситуационного метода, в настоящее время обучение боевым приемам борьбы сотрудников полиции, а также их демонстрация на контрольных занятиях происходят без привязки к ситуациям профессиональной деятельности. Вместе с тем известно, что большой объем повторений и вариативность выполнения двигательного действия являются основными условиями формирования двигательного навыка. Ситуационное обучение предполагает вариативность выполнения уже разученных приемов, а также их многократное повторение. Следовательно, ситуационное обучение боевым приемам борьбы способствует формированию их навыка. Как известно, уровень навыка характеризуется автоматизмом и помехоустойчивостью выполнения приемов. Сотрудники полиции должны владеть приемами самозащиты и задержания на уровне навыка, для этого надлежит использовать учебные полигоны, позволяющие моделировать различные ситуации применения сотрудниками физической силы.

Необходимо отметить, что при обучении курсантов образовательных организаций МВД России предпринимаются попытки на занятиях по физической подготовке использовать модульные полигоны, моделирующие городскую среду. В. А. Хромов, П. С. Ермолов, П. Б. Малинин выявили эффективность упражнений по преодолению полосы препятствий, имитирующих преследование и задержание правонарушителя в городских условиях, для совершенствования физической и психологической подготовленности сотрудников полиции к их будущей профессиональной деятельности [12, с. 260].

Ведущей идеей исследования являлось предположение о том, что использование учебных полигонов в физической подготовке сотрудников полиции позволяет моделировать различные ситуации применения приемов борьбы и тем самым выполнять основные условия формирования их навыков: большой объем повторений и вариативность выполнения двигательного действия. Моделирование ситуаций применения сотрудниками боевых приемов борьбы будет эффективным при соблюдении ряда условий.

1. Комплекс моделируемых ситуаций должен быть актуальным и отражать наиболее часто встречающиеся случаи применения сотрудниками полиции боевых приемов борьбы.

2. Учебные полигоны должны соответствовать рассматриваемым ситуациям, обстоятельствам применения сотрудниками полиции боевых приемов борьбы, содержать обстановку помещения или местности.

3. Необходимо разъяснять значимость умения применять боевые приемы борьбы в практике профессиональной деятельности, что позволит сформировать мотивацию у сотрудников полиции к практическим ситуационным занятиям.

4. Учебно-методическое обеспечение использования учебных полигонов для обучения сотрудников полиции применению боевых приемов борьбы.

5. Профессорско-преподавательский состав должен быть методически подготовлен к проведению практических ситуационных занятий с использованием учебных полигонов.

Материалы и методы

Исследование было организовано на базе Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России в период с августа 2019 г. по февраль 2020 г. В исследовании приняли участие слушатели, обучающиеся по программам профессиональной подготовки (первоначальная подготовка). Методы, используемые в исследовании: анализ и обобщение научно-методической педагогической литературы и опыта профессиональной деятельности сотрудников полиции, моделирование образовательного процесса, тестирование уровня владения приемами, методы экспертной оценки и математической статистики.

Результаты и обсуждение

Анализ научно-методической литературы и практического опыта применения сотрудниками полиции боевых приемов борьбы позволил разработать типовые ситуации применения боевых приемов борьбы (табл.), а также определить условия эффективности использования учебных полигонов. Для отработки действий сотрудников в типовых ситуациях использовались такие полигоны, как «Участок местности (сквер)», «Жилая комната», «Магазин».

Таблица. Использование учебных полигонов для обучения сотрудников полиции применению боевых приемов борьбы в типовых ситуациях служебной деятельности (Table. The Use of Training Grounds to Teach Police Officers to Apply Combat Techniques in Typical Service Situations)

Учебные полигоны	Типовые ситуации применения боевых приемов борьбы
Участок местности (сквер)	Проверка документов лица, подозреваемого в совершении преступления
	Пресечение нападения на сотрудника полиции (патруль ППС)
Магазин	Пресечение распития спиртных напитков в общественном месте
Жилая комната	Проверка документов лица, подозреваемого в совершении преступления
	Пресечение нападения на сотрудника полиции (участкового уполномоченного полиции)

В период с ноября 2021 г. по март 2022 г. проводился педагогический эксперимент, в котором участвовали по 12 слушателей первой и второй возрастных групп от двух учебных групп, определенных как экспериментальная (ЭГ) и контрольная (КГ). На учебных занятиях со слушателями ЭГ использовались учебные полигоны в теме «Учебно-боевая практика и тактика применения боевых приемов борьбы» дисциплины «Физическая подготовка» в объеме 22 часов. С контрольной группой учебные полигоны не использовались, слушатели рассматривали ситуации в спортивном зале.

В конце эксперимента проводилось тестирование по определению уровня владения приемами борьбы в типовых ситуациях служебной деятельности. Для этого использовались три типовые ситуации с самыми простыми вариантами противодействия правонарушителя: проверка документов лица, подозреваемого в совершении преступления, в ходе которой сотрудник должен был преследовать и имитировать задержание ассистента; пресечение распития спиртных напитков, в ходе которого ассистент имитировал неповиновение и удар рукой; пресечение нападения на сотрудника полиции, в ходе которого ассистент имитировал нападение с ножом. Слушателям в результате экспертной оценки выполнения приема выставлялась одна из двух оценок: «удовлетворительно», «неудовлетворительно». По результатам тестирования подсчитывался процент выполненных приемов на каждом полигоне отдельно у сотрудников ЭГ и КГ (рис.).

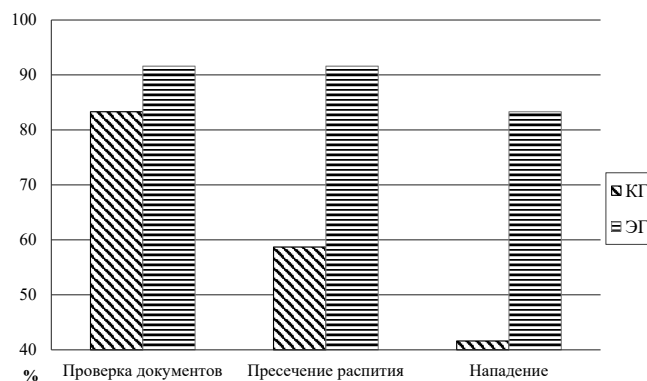

Рис. Эффективность выполнения приемов на учебных полигонах у слушателей ЭГ и КГ, % (Fig. Effectiveness of Performing Techniques on the Training Grounds by the Trainees in Experimental and Control Groups, %)

Анализ результатов тестирования выявил различия в уровне подготовленности слушателей ЭГ и КГ. В тесте «Проверка документов» члены ЭГ на 8,3% лучше справились с ситуацией преследования и задержания правонарушителя. Тест «Пресечение распития спиртных напитков» показал, что ЭГ также является более подготовленной: доля выполненных приемов на оценку «удовлетворительно» на 33,3% больше, чем в КГ. Тест «Пресечение нападения на сотрудников полиции» позволил определить, что уровень владения боевыми приемами борьбы у слушателей ЭГ значительно выше, чем у слушателей КГ. Участники ЭГ выполнили на 41,7% приемов больше, чем слушатели КГ. По результатам трех тестов экспериментальная группа выполнила на 27,8% приемов больше, чем контрольная группа.

Выводы

Результаты педагогического эксперимента выявили более высокий уровень владения приемами у представителей экспериментальной группы, что подтверждает ведущую идею исследования. Использование учебных полигонов в физической подготовке сотрудников полиции позволяет формировать навыки применения боевых приемов борьбы в ситуациях практической профессиональной деятельности.

Учебные полигоны целесообразно использовать в вариативных дисциплинах профессионально-специализированного цикла образовательных программ профессиональной подготовки сотрудников полиции. Учебные полигоны полезны не только для освоения учебного материала гражданско-правовых дисциплин и развития физических качеств, но и для формирования навыков применения боевых приемов борьбы в практической деятельности сотрудников полиции.

Перспективы. Перспективой дальнейшего исследования является разработка типовых ситуаций применения боевых приемов борьбы, характерных для отдельных категорий сотрудников: ППС, ДПС ГИБДД, охранно-конвойной службы МВД России, участковых уполномоченных полиции.

Список источников

1. Красинская Е. С. Сущность и значение практико-ориентированного подхода в процессе реализации программ профессионального обучения в образовательных организациях МВД России // *Полицейская деятельность*. 2019. № 6. С. 159–161.
2. Игошин Н. А. Влияние ситуационно-имитационной подготовки на повышение подготовленности сотрудников полиции // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2018. № 4(80). С. 163–176.
3. Кардашевский В. В. Использование полигонной базы университета в подготовке участковых уполномоченных полиции // *Вестник экономической безопасности*. 2018. № 1. С. 146–149.
4. Тюкин В. Г., Ключков Р. В., Книс Д. А. Вопросы совершенствования интегрированной практико-ориентированной профессионально-прикладной физической подготовки участковых уполномоченных полиции в условиях образовательной организации системы МВД России // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 4(77). С. 242–244.
5. Левченко А. А., Малетин С. В., Морозов В. А. Особенности реализации контекстного подхода при обучении сотрудников полиции личной безопасности // *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 5(84). С. 152–154.
6. Кочеров Ю. Н., Димитров А. Н., Сотников С. С. Выездные практические занятия как форма практико-ориентированного обучения сотрудников ГИБДД // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 60-4. С. 226–229.
7. Баркалов С. Н. Комплексное формирование готовности обучающихся образовательных организаций МВД России к обеспечению личной безопасности в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // *Автономия личности*. 2020. № 1(21). С. 146–153.
8. Старцев А. М. К вопросу о методах и средствах методики специальной подготовки в условиях полигонной базы в образовательных учреждениях МВД России // *Вестник экономической безопасности*. 2020. № 1. С. 359–364.
9. Троян Е. И. Обучение сотрудников полиции комплексному применению боевых приемов борьбы // *Теория и практика физической культуры*. 2019. № 12. С. 20–24.
10. Renden P. G., Landman A., Geert J. P. Savelsbergh & Raoul R. D. Oudejans (2015). Police arrest and self-defence skills: performance under anxiety of officers with and without additional experience in martial arts. *Ergonomics*. 2015. № 58:9. Pp. 1496–1506. <https://doi.org/10.1080/00140139.2015.1013578>.
11. Rajakaruna N., J. Henry P., Amy Cutler & Gordon Fairman (2017) Ensuring the validity of police use of force training. *Police Practice and Research*. 2016. № 18:5. Pp. 507–521. <https://doi.org/10.1080/15614263.2016.1268959>.
12. Хромов В. А., Ермолов П. С., Малинин П. Б. Использование условий полигона в целях совершенствования физической подготовки курсантов и слушателей Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя // *Вестник экономической безопасности*. 2017. № 4. С. 259–261.

Поступила 25.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

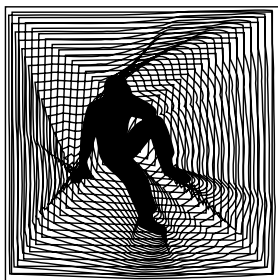
References

1. Krasinskaya E.S. The essence and significance of a practice-oriented approach in the process of implementing professional training programs in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Police Activity*. 2019. No. 6. Pp. 159–161. (In Russ.)
2. Igoshin N. A. The influence of situational simulation training on improving the preparedness of police officers. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2018. No. 4(80). Pp. 163–176. (In Russ.)
3. Kardashevsky V. V. The use of the polygon base of the university in training district police officers. *Bulletin of Economic Security*. 2018. No. 1. Pp. 146–149. (In Russ.)
4. Tyukin V. G., Klochkov R. V., Knis D. A. Issues of improving the integrated practice-oriented professional applied physical training of district police officers in the conditions of the educational organization of the system of the Russian Ministry of Internal Affairs. *The World of Science, Culture, Education*. 2019. No. 4(77). Pp. 242–244. (In Russ.)
5. Levchenko A. A., Maletin S. V., Morozov V. A. Features of the implementation of the contextual approach in the teaching police officers personal security. *World of Science, Culture, Education*. 2020. No. 5(84). Pp. 152–154. (In Russ.)
6. Kocherov Yu. N., Dimitrov A. N., Sotnikov S. S. Field practical classes as a form of practice-oriented training of traffic police officers. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2018. No. 60-4. Pp. 226–229. (In Russ.)
7. Barkalov S. N. Comprehensive formation of the readiness of students of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs to ensure personal security in conditions associated with the use of physical force, special means and firearms. *Autonomy of Personality*. 2020. No. 1(21). Pp. 146–153. (In Russ.)
8. Startsev A. M. On the question of methods and means of special training methodology in the conditions of a training ground in educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Bulletin of Economic Security*. 2020. No. 1. Pp. 359–364. (In Russ.)
9. Troyan E. I. Training of police officers in the complex application of combat fighting techniques. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2019. No. 12. Pp. 20–24. (In Russ.)
10. Renden P. G., Landman A., Geert J. P. Savelsbergh & Raoul R. D. Oudejans. Police arrest and self-defence skills: performance under anxiety of officers with and without additional experience in martial arts. *Ergonomics*. 2015. No. 58:9. Pp. 1496–1506. URL: <https://doi.org/10.1080/00140139.2015.1013578>.
11. Rajakaruna N., J. Henry P., Amy Cutler & Gordon Fairman. Ensuring the validity of police use of force training. *Police Practice and Research*. 2016. No. 18:5. Pp. 507–521. URL: <https://doi.org/10.1080/15614263.2016.1268959>.
12. Khromov V. A., Ermolov P. S., Malinin P. B. The use of training grounds' conditions for improvement of physical training of cadets and students of the Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot'. *Bulletin of Economic Security*. 2017. No. 4. Pp. 259–261. (In Russ.)

Submitted 25.05.2022; approved after reviewing: 20.06.2022; accepted for publication: 30.06.2022.

All the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Общетеоретические и отраслевые проблемы юридической науки и практики

General theoretical and branch-related issues of juridical science and practice

Научно-практическая статья
УДК 343.95 © Д. В. Бахтеев, 2022
doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-348-353
5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Предвзятость контекста как фактор восприятия информации в криминалистических ситуациях

Дмитрий Валерьевич Бахтеев¹, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева; ae@crimlib.info; <https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, Россия

Реферат

Введение. Рассматривается актуальность изучения предвзятости контекста в юридических и криминалистических исследованиях, описывается связь феномена контекстуальности с нарративностью и ситуационностью расследования. **Материалы и методы.** В модельном эксперименте участвовали 105 человек (преимущественно студенты старших курсов юридических вузов). Использованы результаты анкетирования 211 российских следователей. **Результаты и обсуждение.** Изучено влияние релевантного и нерелевантного контекста доказательственной информации на процесс принятия решения. Охарактеризовано место рассматриваемого феномена в системе криминалистики. Приведена система факторов, влияющих на контекстуальность в процессе расследования: общий объем подлежащей обработке информации, социальная конъюнктура, присутствие лично обусловленных симпатий и антипатий, внешнее давление, комбинаторная перегрузка доступными вариантами разрешения сложной следственной ситуации, личный и коллективный опыт следователя. **Выводы.** Приводится рабочее определение предвзятости контекста, характеризуются общие направления по нейтрализации этого когнитивного искажения, сводящиеся либо к развитию криминалистического мышления, либо к продолжению алгоритмизации следственной деятельности.

Ключевые слова: предвзятость контекста; контекстуальность; нарративность; когнитивные искажения; следственная ситуация; криминалистическое мышление; криминалистическое познание

Для цитирования: Бахтеев Д. В. Предвзятость контекста как фактор восприятия информации в криминалистических ситуациях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 348–353. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-348-353>

Scientific and Practical Article
UDC 343.95 © D. V. Bakhteev, 2022
doi: 10. 24412/1999-6241-2022-390-348-353
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Context Bias as a Factor in Perceiving Information in Situations related to Criminalistics

Dmitry V. Bakhteev¹, Candidate of Sciences (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminalistics; ae@crimlib.info; <https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

¹ Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, 21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg, 620137, Russia

Abstract

Introduction. The relevance of studying context bias in legal and forensic research is under consideration, the connection of the phenomenon of contextuality with the narrative and situational nature of the investigation being described. **Materials and Methods.** The model experiment involved 105 people (mostly senior students of law universities). The results of a survey of 211 Russian investigators were used. **Results and Discussion.** The influence of the relevant and irrelevant context of information related to evidence on the decision-making process is under study. The place of the considered phenomenon in the system of criminalistics is characterized. A system of factors which influence contextuality in the investigative process is given: the total amount of information to be processed, social conjuncture, the presence of personally-conditioned sympathies and antipathies, external pressure, combinatorial overload with available options for resolving a complex investigative situation, personal and collective experience of the

investigator. **Conclusions.** The author provides an operational definition of context bias, characterizes general directions for neutralizing this cognitive distortion, which are reduced to either the development of criminalistics-based thinking or the continuation of the algorithmization of investigative activities.

Keywords: context bias; contextuality; narrativeness; cognitive distortions; investigative situation; criminalistics-based thinking; criminalistics-based cognition

Citation: Bakhteev D. V. Context Bias as a Factor in Perceiving Information in Situations related to Criminalistics. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 348–353. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-348-353>

Основные положения

1. Предвзятость контекста можно охарактеризовать как неверную интерпретацию отдельных информационные кластеры в условиях их доступности вследствие влияния внешних по отношению к этим кластерам факторов.

2. Изучение феноменов контекстуальности и неравности возможно путем проведения ситуационных экспериментов с обучающимися, в ходе которых оценивается готовность лица принимать взвешенное решение в условиях перегрузки и противоречия информацией.

3. Основными факторами, влияющими на формирование восприятия и искажение контекста являются общий объем подлежащей обработке информации, социальная конъюнктура, присутствие личностно обусловленных симпатий и антипатий, внешнее давление, комбинаторная перегрузка доступными вариантами разрешения сложной следственной ситуации, личный и коллективный опыт следователя.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность и значимость исследования отдельных когнитивных искажений представляется системным продолжением психологизации деятельности следователя и иных участников уголовного судопроизводства. Механизмы работы с информацией, в том числе противоречивой или представляемой в объемах, затрудняющих ее быстрый конструктивный анализ, закладываются в период обучения и могут как совершенствоваться, так и деградировать в процессе служебной деятельности. Их совершенствование может осуществляться в двух направлениях: через настройку корректного поведения или профилактическую превенцию неконструктивных методов и подходов. В рамках второго направления можно выделить совокупность когнитивных искажений как отдельный негативный блок в структуре криминалистического мышления.

Целью настоящей статьи является изучение пространственного когнитивного искажения, непосредственно влияющего на процесс принятия уголовно-процессуальных решений, — предвзятости контекста и общего феномена контекстуальности в мышлении следователя и других участников уголовного судопроизводства.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Предвзятость контекста (context bias) — когни-

тивное искажение, вполне изученное в метанаучных исследованиях, где под ним понимается нарушение восприятия определенных качественных и количественных характеристик вследствие воздействия на восприятие внутреннего или внешнего контекста. Это искажение может проявляться при зрительном восприятии объектов, формируя некоторые оптические иллюзии [1], либо в процессе восприятия идеальной информации, например при подборе ассоциаций или оценке финансовых рисков [2]. Этот феномен существует также в любой связанной с обработкой больших объемов информации деятельности, к числу которых относится и правоохранительная. Отметим также, что искажение в данном случае следует понимать в отличной от уголовно-процессуального закона форме: не как внесение заведомо ложной информации, а, скорее, как источник добросовестного заблуждения.

Контекстуальность предполагает зависимость оценки информации и принятия решений от контекста, в случае следователя — от всего массива находящихся у него в производстве уголовных дел, а также частично от предшествующего личного профессионального опыта. Чем шире такой контекст, тем выше средняя точность решений и общая эффективность. Контекстуальность отражает зависимость профессиональной эффективности от опыта. Описывая профессионализм программистов, Ю. А. Кукушкина и В. Ф. Спиридонов указывают, что «для осуществления выбора дальнейшего хода рассуждения эксперты основываются на общих суждениях, в то время как новички либо не дают никаких обоснований своего выбора, либо ориентируются на те знания, которые непосредственно актуализируются в связи с условиями задачи» [3, с. 169]. Как ситуационность, так и контекстуальность могут выступать структурными элементами ограниченной нарративности — связности процесса расследования как текстовой модели, характеризующейся непротиворечивостью, внутренней структурой, цельностью и полнотой.

Так, коллектив из Университета Бен-Гуриона и Колумбийского университета детально исследовал влияние фактора сытости на решение судьи. В ходе эксперимента выяснилось, что утром число вердиктов в пользу заключенных (разрешающих выйти под залог) находилось на уровне 65%. Ближе к началу обеденного перерыва это значение снижалось до нуля, однако после обеда восстанавливалось до изначальных 65%.

Юридически значимые параметры: тяжесть преступления, уже отбытое наказание, рецидив, возможности пенитенциарной системы, равно как демографические качества подсудимых, — не влияли на вероятность приговора в пользу стороны защиты [4].

В исследованиях И. Э. Дрора и его коллег было продемонстрировано, что спустя небольшое время оценки экспертов относительно совпадения двух следов пальцев могут изменяться под воздействием контекстуальных факторов [5]. Он же на примере оценки экспертом следов пальцев рук и следователем признательных показаний подозреваемого экспериментально показал, что эмоционально окрашенная информация оценивается иначе, нежели сведения, лишённые такой характеристики [6].

Материалы и методы

Приводятся результаты анкетирования 211 сотрудников Следственного комитета России и МВД России, проведенного автором в период с 2019 г. по 2021 г.

Прикладная часть исследования выполнена в виде эксперимента по моделированию контекстуальных особенностей восприятия криминалистически значимой информации. В качестве исходной модели исследования был выбран эксперимент, изначально проведенный Й. В. де Кейсером и П. Й. ван Коппенем [7], а затем воспроизведенный и уточненный Э. Рассином [8].

В эксперименте Э. Рассина принимали участие 105 нидерландских судей. Российская адаптация этого эксперимента проводилась на кафедре криминалистики УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева и в Telegram-канале «Бесследная криминалистика», в ходе которого опрошены 105 человек, преимущественно студентов-юристов, обучающихся на старших курсах. Большая разница в возрасте и опыте двух групп респондентов позволяет не только сравнить связанные с менталитетом особенности восприятия криминалистически значимой информации, но и смоделировать динамику формирования отдельных когнитивных аспектов мышления у юриста в сфере уголовного судопроизводства.

Результаты и обсуждение

Опытно-экспериментальная работа. Эксперимент заключался в ограниченном ситуационном моделировании множества источников информации, предоставляемых респондентам для определения того, каким образом будет приниматься итоговое решение.

Предлагаемая участникам фабула была следующей: молодой человек Антон вечером гулял по улице со своей девушкой Корин. Они столкнулись с тремя молодыми людьми: Джозефом, Сьоном и Басом (последний станет подозреваемым). Бас допустил циничное высказывание в отношении Корин, и Антон быстро и остроумно ему ответил. После этого все разошлись, трое молодых людей вскоре расстались и пошли в разные стороны. Затем на Антона кто-то напал сзади и сильно избил.

Версия полиции: подозреваемый, попросившись с Джозефом и Сьоном, догнал Антона и Корин, напал

на Антона сзади по мотиву мести за то остроумное замечание, из-за которого он почувствовал себя глупо.

Далее респондентам предлагались следующие документы:

1. Свидетельские показания Корин, в которых она дает неточные сведения о том, что случилось.
2. Протокол предъявления для опознания по фотоснимкам, в котором Корин идентифицирует Баса.
3. Показания Антона, который почти ничего не помнит, но узнает Баса по фотографии.
4. Заявление Джозефа о том, что Бас в тот вечер вел себя агрессивно и вполне мог последовать за жертвой и его подружкой после того, как расстался с ним и Сьоном.
5. Аналогичное заявление Сьона.
6. Протокол допроса, на котором Бас признал вину.
7. Медицинское заключение о наличии у Антона телесных повреждений.
8. Протокол предъявления для опознания, согласно которому очевидец преступления не опознает ни одного человека на предъявленных ему фотографиях.
9. Психиатрическое заключение о возможном психическом заболевании подозреваемого.
10. Сведения о предыдущей судимости подозреваемого.

После изучения этих материалов респонденты отвечали на вопрос: «Имеются ли достаточные основания для предъявления обвинения Басу?»

Нетрудно заметить, что многие приведенные источники носят вероятностный, а не категорический характер, а потому не могут учитываться в качестве доказательств или влиять на оценку деяния (как, например, десятый пункт), а значит, должны игнорироваться при принятии решений.

В эксперименте Рассина нидерландские судьи были разделены на две группы.

Первой группе дали «хорошую» характеристику Баса: у потерпевшего легкие телесные повреждения; Бас совершил только одно преступление в прошлом (вандализм, 11 лет назад); фотографии, которые предъявлялись при опознании, имели следы ретуши.

Второй группе сообщили, что у Антона, возможно, перманентные афазия и амнезия. У подозреваемого подтвержденное психопатическое расстройство, он находится на продолжительном лечении, в прошлом Бас совершил четыре преступления (вандализм 11 лет назад, три случая причинения телесных повреждений и побоев за последние три года).

Предполагалось, что различия между группами не повлияют на итоговое решение. Однако первая группа судей приняла обвинительное решение в 32% случаев, вторая — в 62%.

В российском эксперименте дифференциация входящей информации не проводилась, никаких

уточняющих сведений участники не получали. Обвинение было смоделировано всего в 19% случаев. Таким образом, приведенные показатели характеризуют присутствие и количественную выраженность предвзятости контекста в мышлении респондентов. Каждое из предъявленных доказательств может быть оспорено, в силу этого общая их достоверность должна вызывать сомнения.

Второй этап эксперимента включал определение направлений дальнейшего изучения дела, предусматривая как проведение повторных следственных действий, так и использование новых способов получения доказательственной информации, в том числе сомнительного, по мнению автора настоящей статьи, содержания. Респондентам предлагалось выбрать из списка вариантов несколько. Общее количество выбираемых действий не детерминировалось, однако оговаривалось, что решение следует принимать с учетом общей рациональности, ресурсов правоохранительной системы и необходимости соблюдать процессуальные сроки. Предлагаемые варианты вместе с итоговыми статистическими показателями нидерландской и российской выборки представлены в таблице.

Укажем на основные критериальные качества, отличающие логику ответа в последней итерации эксперимента относительно эксперимента нидерландских ученых. Российская группа респондентов в целом показала следующие позиции:

— недоверие близким людям как потерпевшего, так и подозреваемого (предполагаемое присутствие сторонних мотивов);

— конструктивное сомнение в точности определения амнезии и ее причин;

— расчет на возможность обнаружения свидетелей ночного нападения;

— признание невысокой важности повторного допроса подозреваемого;

— непринятие гипноза и управляемого извлечения памяти.

Вместе с тем общность показателей нидерландского и российского экспериментов сводится к важности осмотра одежды всех участников преступного события и обнаружения следов ДНК.

Феномен контекстуальности в расследовании преступлений. Рассмотрим более подробно теоретические аспекты феномена контекстуальности в расследовании преступлений.

Если ситуационная теория в криминалистике изучает внутренние и внешние причины принятия отдельных решений, то учет контекста представляет собой явление более частного порядка: эта мыслительная операция выступает одним из фильтров релевантной информации. Отметим также, что, помимо очевидной связи с ситуационной теорией, рассматриваемый феномен, являясь когнитивным искажением, напрямую влияет на процесс формирования следственных ошибок и потому должен исследоваться в рамках соответствующей частной теории криминалистики.

В качестве основных аспектов контекстного восприятия можно выделить следующие:

1. Общий объем подлежащей обработке информации. Этот фактор большинства когнитивных иска-

Таблица. Статистические показатели по выбору направления расследования, %
(Table. Statistics on Choosing the Line of Investigation, %)

Направление расследования	Голландские судьи («хороший» Бас)	Голландские судьи («плохой» Бас)	Российская группа
Исследовать психическое состояние Корин. Провести медицинское освидетельствование на состояние опьянения в момент происшествия	12	20	12
Осмотреть одежду Антона и Корин для определения наличия или отсутствия следов ДНК подозреваемого	66	95	64
Рассмотреть версию о возможной вине Корин: нельзя исключать, что между ней и Антоном возникли неприязненные отношения, произошла ссора	4	2	31
Осмотреть одежду потерпевшего (Антон) и его подруги для определения наличия или отсутствия следов пальцев рук подозреваемого	36	47	47
У Антона амнезия относительно происшедшего. Следует проверить версию о провоцирующем поведении потерпевшего	6	11	10
Подозреваемый был допрошен один или два раза. Полиции необходимо провести повторный допрос	52	62	12
Провести психолого-психиатрическую экспертизу в отношении Антона, поставив на разрешение экспертов следующие вопросы: насколько серьезна амнезия Антона; может ли он симулировать; если да, то почему	18	13	50
Провести допрос Корин посредством гипноза или управляемого извлечения памяти	2	4	0
Проверить версию о возможном наличии у свидетеля Джозефа мотивов для дачи компрометирующих друга показаний	4	2	39
Провести повторный допрос знакомых подозреваемого (Джозеф и Сьон)	2	2	31
Проверить, добросовестно ли полицейские выполнили свои обязанности	10	4	19
Поручить полиции провести розыск возможных свидетелей в районе места происшествия	22	29	87
Указать руководителю следственной группы на необходимость более подробной проверки альтернативных версий	30	25	43
Задействовать местные средства массовой информации для поиска свидетелей	18	15	26

жений признается и российскими [9], и зарубежными учеными [10]. Так, в криминалистике общеизвестны особенности обыска при наличии множества однотипных объектов (книг, дров, мелких ящиков), поиск интересующих следствие данных в памяти современных цифровых устройств без соответствующих программно-аппаратных средств аналогичным образом представляет собой трудную задачу.

2. Социальная конъюнктура. Правоохранительная система реагирует на отдельные типы правонарушений неодинаково: приоритезация задач по выявлению и расследованию одного типа может привести к «падению интереса» в расследовании другого.

3. Присутствие личностно обусловленных симпатий и антипатий. Разумеется, следователь должен стремиться к объективности, однако восприятие других людей осуществляется не только рационально, но и с использованием физиологических, в том числе подсознательных, процессов.

4. Внешнее давление. В качестве источников такового могут выступать процессуальные сроки, действия руководства, должностных лиц органов прокуратуры, лиц, выступающих на стороне защиты, публикации в СМИ, общественное мнение и пр.

5. Комбинаторная перегрузка доступными вариантами разрешения сложной следственной ситуации. В познавательном арсенале следователя могут находиться более десятка следственных действий, множество вариантов внутри- и межведомственного взаимодействия, сотни тактических приемов и вариантов использования разнообразных технических средств. Особенно данный аспект проявляется при необходимости быстрого принятия решений: эффект первого впечатления, связанный «со сложностью выявить внутренние свойства изучаемого объекта по перцептивным признакам» [11, с. 6], искажая восприятие информации, не может быть компенсирован повторным обдумыванием и переоценкой ситуации. Разумеется, мышление опытного следователя с легкостью расставит приоритеты между указанными ресурсами, однако многие, не справляясь с этим, как показывают проведенные автором опросы, увольняются после трех лет службы.

6. Личный и коллективный опыт следователя. В большинстве случаев опыт повышает эффективность деятельности, однако он же часто приводит к использованию метода аналогии, что в условиях богатства возможных вариантов следственной ситуации не всегда идет на пользу расследованию.

В том или ином виде указанные факторы присутствуют в структуре любой криминалистической ситуации, особенно на этапе проверки сообщения о преступлении и первоначальном этапе расследования [12, с. 29], что еще раз подчеркивает необходимость изучения контекстуальных особенностей кримина-

листического мышления и формализации как этого, так и иных когнитивных искажений: «Если условия выборов и критерии оценки формализованы, сведены в технологию, их можно исключить из познавательного процесса субъекта, сведя на нет и неопределенность служебной ситуации» [13, с. 124].

Выводы

Предвзятость контекста можно охарактеризовать как неверную интерпретацию отдельных информационных кластеров в условиях их доступности вследствие влияния внешних по отношению к этим кластерам факторов. Такое восприятие может сводиться к игнорированию релевантных либо учету нерелевантных сведений. При этом источником подобного искажения можно считать не только «наложение индивидуально-личностных особенностей восприятия на объективно существующие аспекты познаваемой человеком реальности» [14, с. 18], но и внешние обстоятельства, часто вызванные собственными характеристиками исследуемых информационных комплексов. Как и другие когнитивные искажения, феномен предвзятости контекста является неосознаваемым и функционирующим автоматически, подсознательно. Более того, предвзятость контекста — критичное когнитивное искажение, возникающее в области восприятия сложных информационных комплексов. Вместе с тем его вполне можно избежать путем тренировки на модельных ситуациях, подобных описанной выше. Учитывая, что работа с доказательственной информацией входит в предметное поле различных дисциплин (уголовного права, уголовного процесса, криминалистики), такое моделирование возможно в любых учебных ситуациях, при повышении квалификации действующих сотрудников правоохранительных органов, в том числе путем проведения экспериментов и ролевых ситуационных игр. Альтернативное направление — алгоритмизация и программирование большинства действий следователя, что, по мнению автора, может на дистанции привести к общему падению квалификации следователя, в силу чего этот подход должен использоваться крайне осторожно.

Согласимся с мнением А. В. Холопова, что одним из векторов развития современной криминалистики наряду с ее цифровизацией является ее сближение с когнитивными науками [15]. В рамках этого направления изучение как отдельных когнитивных искажений, так и их комплексов представляется вполне закономерной задачей. Опыт автора в реализации проектов на основе искусственных нейронных сетей также подсказывает, что работа над собственным мышлением при создании интеллектуальных программных комплексов — лучший способ избежать будущих ошибок такой системы.

Перспективным направлением развития данной темы является системное обобщение и изучение феноменов не только искажения контекста, но и иных когнитивных искажений, их воздействия на мышление субъектов правоохранительной деятельности, возможно, в форме

коллективных научных трудов и баз данных. Знание наиболее вероятных когнитивных искажений позволяет избежать большинства стереотипных ошибок и тем самым повысить эффективность борьбы с преступностью.

Список источников

1. Adelson E. H. Checkershadow Illusion. 1995. URL: <http://persci.mit.edu/gallery/checkershadow> (accessed data: 24.03.2022).
2. Канеман Д. Думай медленно ... решай быстро / пер. с англ. А. Андреева, Ю. Деглиной, Н. Парфёновой. М., 2020. 653 с.
3. Кукушкина Ю. А., Спиридонов В. Ф. Критическое мышление как фактор профессиональной компетенции программистов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 1. С. 165–174.
4. Danziger S., Levav J., Avnaim-Pesso L. Extraneous Factors in Judicial Decisions. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2011. № 17. Pp. 6889–6892.
5. Dror I. E., Charlton D., Peron A. E. Contextual Information Renders Experts Vulnerable to Making Erroneous Identifications. *Forensic Science International*. 2005. № 156. Pp. 74–78.
6. Dror I. E., Charlton D. Why Experts make Errors. *Journal of Forensic Identification*. 2005. № 56. Pp. 600–616.
7. de Keijser J. W., van Koppen P. J. Paradoxes of proof and punishment: Psychological pitfalls in judicial decision making. *Legal and Criminological Psychology*. 2007. № 12. Pp. 189–205. <https://doi.org/10.1348/135532506X118721>.
8. Rassin E. Context effect and confirmation bias in criminal fact finding. *Legal and Criminological Psychology*. 2020. № 2. <https://doi.org/10.1111/lcrp.12172>.
9. Ефимкина Н. В., Марьин Н. В. К вопросу о психологии искажения служебной информации в деятельности сотрудников полиции // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : сб. науч. тр. II междунар. конф., Москва, 06–07 июня 2018 года. М., 2018. С. 82–85.
10. Батуринов Н. А., Юсупова Ю. Л. Изменение оценок под влиянием различных факторов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2008. № 33(133). С. 4–17.
11. Walder H., Hansjakob T. *Kriminalistisches*. 10 Auflage, neu bearbeitete. Heidelberg, 2016. 350 s.
12. Драпкин Л. Я. Логические, эвристические и интуитивные механизмы мышления следователя в процессе раскрытия и расследования преступлений : монография. Екатеринбург, 2018. 104 с.
13. Статный В. М. Концепция неопределенных состояний субъекта правоохранительной деятельности: акме-синергетический подход // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 122–125.
14. Ефимкина Н. В. К вопросу об искажении информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4(55). С. 16–18.
15. Холопов А. В. Юридическая когнитология и когнитивная криминалистика // Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы. СПб., 2020. С. 389–423.

Поступила 27.03.2022; одобрена после рецензирования 16.04.2022; принята к публикации 30.06.2022.

References

1. Adelson E. H. Checkershadow Illusion. 1995. URL: <http://persci.mit.edu/gallery/checkershadow> (accessed data: 24.03.2022).
2. Kahneman D. Think slowly, decide quickly. Transl. from English by Andreev A., Deglina Yu., Parfenova N. Moscow, 2020. 653 p. (In Russ.)
3. Kukushkina Yu. A., Spiridonov V. F. Critical thinking as a factor in programmers' professional competence. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2008. Vol. 5, No. 1. Pp. 165–174. (In Russ.)
4. Danziger S., Levav J., Avnaim-Pesso L. Extraneous Factors in Judicial Decisions. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2011. No. 17. Pp. 6889–6892.
5. Dror I. E., Charlton D., Peron A. E. Contextual Information Renders Experts Vulnerable to Making Erroneous Identifications. *Forensic Science International*. 2005. No. 156. Pp. 74–78.
6. Dror I. E., Charlton D. Why Experts make Errors. *Journal of Forensic Identification*. 2005. No. 56. Pp. 600–616.
7. Keijser J. W. de, Koppen P. J. van. Paradoxes of proof and punishment: Psychological pitfalls in judicial decision making. *Legal and Criminological Psychology*. 2007. No. 12. Pp. 189–205. <https://doi.org/10.1348/135532506X118721>.
8. Rassin E. Context effect and confirmation bias in criminal fact finding. *Legal and Criminological Psychology*. 2020. No. 2. <https://doi.org/10.1111/lcrp.12172>.
9. Efimkina N. V., Maryin N. V. To the question of the psychology of official information distortion in police officers' activities. Professional education of law enforcement officers. Pedagogy and psychology of service: state and prospects. Collected scientific papers of the 2nd International Conference. Moscow, June 06–07, 2018. Moscow, 2018. Pp. 82–85. (In Russ.)
10. Baturinov N. A., Yusupova Yu. L. Changing assessments under the influence of various factors. *Bulletin of South Ural State University. Series: Psychology*. 2008. No. 33(133). Pp. 4–17. (In Russ.)
11. Walder H., Hansjakob T. *Kriminalistisches*. 10 Auflage, neu bearbeitete. Heidelberg, 2016. 350 p.
12. Drapkin L. Ya. Logical, heuristic and intuitive mechanisms of the investigator's thinking in the process of solving and investigating crimes. Monograph. Yekaterinburg, 2018. 104 p. (In Russ.)
13. Statny V. M. The concept of uncertain states of the subject of law enforcement: an acme-synergetic approach. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2014. No. 1(56). Pp. 122–125. (In Russ.)
14. Efimkina N. V. To the question of the distortion of information in law enforcement officers' activities. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2013. No. 4(55). Pp. 16–18. (In Russ.)
15. Kholopov A. V. Legal cognitive science and cognitive forensics. Legal thinking: classical and post-classical paradigms. St. Petersburg, 2020. Pp. 389–423. (In Russ.)

Submitted: 27.03.2022; approved after reviewing: 16.04.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научно-практическая статья

УДК 342.723 © Ю. В. Герасименко, 2022

doi: 10. 24411/1999-6241-2022-390-354-358

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Новые формы предпринимательского конституционализма в Российской Федерации

Юрий Васильевич Герасименко¹, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области; omsk@ombudsmanbiz.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7233-2563>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат

Введение. Действующая Конституция Российской Федерации предусматривает принципы рыночной экономики, а также основы статуса предпринимателей и определенные формы предпринимательского конституционализма. **Результаты и обсуждение.** Конституционное право Российской Федерации является динамично развивающейся публичной отраслью права, предмет которой подвержен определенной корреляции. В контексте этих изменений осуществлен анализ общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности и защиты прав предпринимателей средствами конституционного правосудия. **Выводы.** Институт бизнес-защиты представлен в системе предпринимательского конституционализма и имеет реальные возможности по защите прав и законных интересов в рамках конституционного судопроизводства.

Ключевые слова: конституционное правосудие; институт бизнес-защиты; уполномоченный по защите прав предпринимателей; предпринимательский конституционализм

Для цитирования: Герасименко Ю. В. Новые формы предпринимательского конституционализма в Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 354–358. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2022-390-354-358>

Scientific and Practical Article

UDC 342.723 © Yu. V. Gerasimenko, 2022

doi: 10. 24411/1999-6241-2022-390-354-358

5.1.2 Public Law (State Law) Sciences

New Forms of Entrepreneurial Constitutionalism in the Russian Federation

Yuriy V. Gerasimenko¹, Doctor of Sciences (in Law), Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Professor at the chair of Constitutional and International Law, Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in Omsk region; omsk@ombudsmanbiz.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7233-2563>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract

Introduction. The current Constitution of the Russian Federation implies the principles of market economy as well as the basis of the status of entrepreneurs and certain forms of entrepreneurial constitutionalism. **Results and Discussion.** The Constitutional law of the Russian Federation is a dynamically changing branch of public law which subject is sustainable to certain correlation. With regard to these changes the author analyzes social relations in the field of entrepreneurship and protection of entrepreneurs' rights by means of constitutional justice. **Conclusions.** The institution of business protection is represented in the system of entrepreneurial constitutionalism and has real potential for protection of rights and legal interests within constitutional justice.

Keywords: constitutional justice; the institution of business protection; Commissioner for the protection of entrepreneurs' rights; entrepreneurial constitutionalism

Citation: Gerasimenko Yu. V. New Forms of Entrepreneurial Constitutionalism in the Russian Federation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 3(90). Pp. 354–358. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2022-390-354-358>

Основные положения

1. Уполномоченные по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсмены, защитники бизнеса) являются одним из важных элементов внутригосударственного механизма защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

2. Уполномоченные по защите прав предпринимателей инкорпорированы в систему предпринимательского конституционализма.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы. В юридической доктрине советского периода

считалось, что по политико-идеологическим причинам предмет отечественного конституционного права как отрасли права не предполагал закрепления статуса предпринимателя на конституционном уровне. Однако в дальнейшем стал происходить процесс его эволюции, поэтому не случайно конституционно-правовые гарантии права на предпринимательскую деятельность нашли отражение в Конституции Российской Федерации 1993 г.

Так, согласно ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а в ч. 1 ст. 45 гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Эти и иные конституционные установления послужили импульсом появления научных исследований по вопросам совершенствования гарантий экономических прав человека и гражданина, безопасности хозяйственной и предпринимательской деятельности и эффективности имеющихся правозащитных институтов [1–3].

Конституционная реформа 2020 г. стимулировала дополнительный ракурс анализа общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности и защиты прав предпринимателей средствами конституционного правосудия [4, с. 5–19; 5, с. 19–22; 6, с. 10–15 и др.]. В ряде опубликованных работ по данной проблематике обосновывается вывод о том, что в настоящее время происходит процесс формирования предпринимательского конституционализма как относительно нового правового образования на стыке двух отраслей права (конституционного и предпринимательского), в системе конституционного правосудия и судебном конституционализме. Эта генерация реализуется с помощью созданного механизма защиты прав и законных интересов предпринимателей средствами конституционного правосудия.

Сегодня институт бизнес-защиты (институт уполномоченных по защите прав предпринимателей) представлен на федеральном и региональном уровнях.

Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»¹ стал рамочным нормативным правовым актом, в котором нашли отражение общие положения, касающиеся порядка назначения, основных задач и компетенции федерального бизнес-омбудсмена — Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федера-

ции. В нем подчеркивалось, что определяющей целью деятельности уполномоченных является обеспечение гарантии государственной защиты прав и законных интересов предпринимателей и соблюдение указанных прав органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Законами субъектов Российской Федерации могут регламентироваться особенности назначения региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей, а также и организация их деятельности в регионе.

Потенциальное увеличение возможностей института бизнес-защиты в системе предпринимательского конституционализма было во многом обусловлено появлением Федерального конституционного закона от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“»², принятого в рамках реализации Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»³.

Исходя из новой редакции Федерального конституционного закона от 12 марта 2014 г. № 5-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления, чьи права и свободы, по их мнению, нарушаются примененными в конкретном деле федеральным конституционным законом, федеральным законом, нормативным актом Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, конституцией республики, уставом, законом либо иным нормативным актом субъекта Российской Федерации, изданным по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также в интересах таких граждан и юридических лиц Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, другие уполномоченные по правам в отдельных сферах или отдельных категорий лиц, предусмотренные федеральными законами, иные органы и должностные лица в соответствии с федеральным законом, общероссийские организации, которые в со-

¹ Рос. газета. 2013. 13 мая.

² Там же. 2020. 11 нояб.

³ Там же. 16 марта.

ответствии с федеральным законом могут представлять интересы таких граждан и юридических лиц.

Жалобы признаются допустимыми, если:

— имеются признаки нарушения прав и свобод заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации, в результате применения оспариваемого нормативного акта в конкретном деле с участием заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба;

— жалоба подана в срок не позднее одного года после принятия судебного решения, которым исчерпываются внутригосударственные средства судебной защиты, а в случае, если в пересмотре дела судом, решение которого обычно исчерпывает внутригосударственные средства судебной защиты по соответствующей категории дел, было отказано в связи с пропуском срока обжалования, — в срок не позднее одного года после принятия последнего судебного решения, в котором был применен соответствующий нормативный акт;

— исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты прав заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации, при разрешении конкретного дела. При этом под исчерпанием внутригосударственных средств судебной защиты понимается подача согласно законодательству о соответствующем виде судопроизводства заявителем или лицом, в интересах которого подана жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации, кассационной жалобы в суд максимально высокой для данной категории дел инстанции или в случае, если вступившие в силу судебные акты по данной категории дел подлежат обжалованию только в надзорном порядке, надзорной жалобы, если судебный акт, в котором был применен оспариваемый нормативный акт, был предметом кассационного или надзорного обжалования в связи с применением этого нормативного акта, а подача кассационной или надзорной жалобы не привела к устранению признаков нарушения прав таких заявителя или лица. Конституционный Суд Российской Федерации может признать внутригосударственные средства судебной защиты исчерпанными также в случае, если сложившаяся правоприменительная практика суда, решение которого обычно исчерпывает внутригосударственные средства судебной защиты по соответствующей категории дел, или официальное толкование оспариваемого нормативного акта, данное в разъяснениях по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации, свидетельствует о том, что иное применение оспариваемого нормативного акта, чем имевшее место в конкретном деле, не предполагается.

Результаты и обсуждение

Основание для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации. В рамках представленных

полномочий Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области 26 октября 2021 г. направил в Конституционный Суд Российской Федерации жалобу в интересах общества с ограниченной ответственностью «Производственное предприятие „Ремдизель“» (далее — ООО «Ремдизель») и стал первым в институте бизнес-защиты, кто воспользовался законодательной новеллой на прямое обращение в Конституционный Суд Российской Федерации в связи с имеющимся у него в производстве обращением субъекта предпринимательской деятельности.

Основанием для непосредственного обращения бизнес-омбудсмена в орган конституционного контроля стала неопределенность в вопросе, может ли являться решение Суда Евразийского экономического союза, изменяющее практику применения правовой нормы, новым обстоятельством, согласно которому вступивший в законную силу судебный акт арбитражного суда подлежит пересмотру.

Конституционный Суд Российской Федерации, изучив указанную жалобу, отказал в принятии ее к рассмотрению.

Развернутая правовая позиция по жалобе была сформирована в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 191-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области на нарушение конституционных прав общества с ограниченной ответственностью «Производственное предприятие „Ремдизель“» частью 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации. В оценке выявленной конституционно-правовой проблемы Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч. 1); решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч. 2); каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства защиты (ч. 3).

Из приведенных конституционных положений во взаимосвязи со ст. ст. 1 (ч. 1), 15 (чч. 1, 2 и 4), 17 (ч. 1), 67¹ (ч. 1) и 79 Конституции Российской Федерации не вытекает, что в случае участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях, предполагающих создание межгосударственного судебного органа, ее национальным законодательством в обязательном порядке (безотносительно к содержанию соответствующего

международного договора) должен предусматриваться пересмотр решений внутригосударственных судов на основе актов межгосударственного суда, тем более когда заявление об их пересмотре подают лица, не обращавшиеся в межгосударственный суд. Следовательно, с учетом существенных различий, характеризующих статус тех или иных межгосударственных образований, а также полномочий создаваемых ими наднациональных судов отсутствуют основания для автоматического распространения на решения любых межгосударственных судебных органов, образованных в соответствии с международными договорами Российской Федерации (в том числе на решения Суда Евразийского экономического союза), правовых позиций, выраженных в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П в отношении актов Европейского суда по правам человека, констатирующих нарушение конвенционных прав и свобод.

Суд Евразийского экономического союза (далее также — Суд) образован в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор), заключенным в Астане 29 мая 2014 г., и является постоянно действующим судебным органом Евразийского экономического союза (далее — Союз); статус, состав, компетенция, порядок функционирования и формирования Суда определяются Статутом Суда Евразийского экономического союза (далее — Статут), являющимся приложением № 2 к данному Договору (ст. 19).

В соответствии со Статутом Суд является судебным органом Союза, который образуется и действует на постоянной основе в соответствии с Договором и Статутом (п. 1); целью деятельности Суда выступает обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза (п. 2); Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, в том числе по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Евразийской экономической комиссии (далее — Комиссия) или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта (подп. 2 п. 39); по результатам рассмотрения споров, указанных в подп. 2 п. 39 данного Статута, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения Комиссией (п. 100); решение Суда не мо-

жет выходить за рамки перечисленных в заявлении вопросов (п. 101); решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых (п. 102).

Статутом также закреплено, что по результатам рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза Коллегия Суда выносит одно из следующих решений: 1) о признании решения Комиссии или его отдельных положений соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза; 2) о признании решения Комиссии или его отдельных положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза (п. 108); действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда; решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, если иной срок не установлен в решении Суда (п. 111).

Из анализа приведенных норм Статута с определенностью следует, что акты Суда о признании по заявлению хозяйствующего субъекта решений Комиссии или отдельных их положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза не только не обладают ретроактивным значением, но и сами по себе непосредственно не влекут отмены (недействительности) указанных решений или отдельных их положений.

При таких обстоятельствах оспариваемая в жалобе Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области ч. 3 ст. 311 АПК РФ, особенно принимая во внимание, что решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 г. № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза», признанное Судом не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза по заявлению ООО «Шиптрейд» (в настоящее время во исполнение решения Суда действующее в редакции решения Коллегии

Евразийской экономической комиссии от 28 января 2020 г. № 20), было принято после вступления в законную силу решения Арбитражного суда Омской области от 15 октября 2014 г., вынесенного по иску ООО «Ремдизель», впоследствии самостоятельно не обращавшегося в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о нарушении своих прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, не может рассматриваться в системе действующего правового регулирования как нарушающая конституционное право на судебную защиту.

Выводы

Представленная аргументация стала определяющей в решении Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области на нарушение конституционных прав юридического лица. Судьи посчитали, что она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

Перспективы. Несмотря на полученный результат обращения в Конституционный Суд Российской Федерации, можно утверждать, что роль института бизнес-защиты в системе предпринимательского конституционализма будет возрастать, а количество персонифицированных жалоб уполномоченных по защите прав предпринимателей в интересах субъектов предпринимательской деятельности только увеличиваться.

Список источников

1. Гаджиев Г. А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации (опыт сравнительного исследования). М., 1995. 231 с.
2. Кулиев М. Б. Регулирование социально-экономических отношений в условиях рынка (теоретико-правовые проблемы). М., 1994. 120 с.
3. Попондопуло В. Ф. Правовой режим предпринимательства. СПб., 1994. 208 с.
4. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм в доктринальном и правоохранительном измерении // Российская юстиция. 2021. № 8. С. 5–10.
5. Герасименко Ю. В. Российский институт бизнес-защиты: состояние и перспективы // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы всерос. науч-практ. конф. Омск, 2021. С. 19–22.
6. Кравец И. А. Судебный конституционализм и конституционализация предпринимательской деятельности и статуса юридических лиц (в контексте конституционной реформы 2020) // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 10–15. Поступила 09.06.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

References

1. Gadzhiev G. A. Protection of primary economic rights and freedoms abroad and in the Russian Federation (comparative study). Moscow, 1995. 231 p. (In Russ.)
2. Kuliev M. B. Regulating socio-economic relations under market conditions (theoretical legal problems). Moscow, 1994. 120 p. (In Russ.)
3. Popondopulo V. F. Legal regime of entrepreneurship. St. Petersburg, 1994. 208 p. (In Russ.)
4. Bondar' N. S. Economic constitutionalism in doctrinal and law enforcement dimension. *Russian Justice*. 2021. No. 8. Pp. 5–10. (In Russ.)
5. Gerasimenko Yu. V. Russian institution of business protection: state and prospects. Realization of the Constitution of the Russian Federation. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Omsk, 2021. Pp. 19–22. (In Russ.)
6. Kravets I. A. Judicial constitutionalism and constitutionalization of entrepreneurship and status of legal persons (within 2020 Constitutional reform). *Constitutional and Municipal Law*. 2022. No. 1. Pp. 10–15. (In Russ.) Submitted 09.06.2022; approved after reviewing: 20.06.2022; accepted for publication: 30.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи до 14 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи, шифр научной специальности;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), ORCID, адрес электронной почты;

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 250 слов);

— ключевые слова (key words) (6–8 речевых единиц) из текста статьи;

— основные положения.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — до 30 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, большой объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования, в него следует включать и произведения зарубежных авторов, а также источники, входящие в ведущие научные базы (Scopus, Web of Science). Число источников должно быть достаточным для оптимального раскрытия темы статьи. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5-2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяеву А. Ф.»), тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), ERICH PLUS.

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала.

Публикации в журнале бесплатные.

Подписные индексы 41979; 41980 в объединенном каталоге «Пресса России». **Интернет-подписка** <http://www.ppressa-rf.ru>; <http://www.akc.ru>.

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!

INFORMATION FOR AUTHORS AND SUBSCRIBERS

Dear colleagues!

Regulations On Submitting The Manuscript By The Author

1. General rules. The submitted materials shall comprise the results of original and completed research. Descriptions of pilot researches, reports missing scientific outcomes, duplication of earlier published works as an article are not admissible. The submitted materials shall not contain inappropriate borrowings.

The author of the manuscript is responsible for observing the copyright law and other legislative norms, accuracy and information value of the data conveyed. Publication of the materials in the peer-reviewed journals is the means of scientific communication and contributes largely to the corresponding field of science. The editorial office supports the mentioned communications and observes publishing ethical requirements.

2. The authors provide the editorial office with:

— the article arranged according to the requirements (the title — from 4 to 12 words). The title shall be of much information value, concise, conform to scientific style of the text, contain the main keywords describing the subject-matter of the research and its content. The title shall be comprehensible for readers and search systems;

— universal decimal classification (UDC) index in accordance with the subject-matter of the article;

— data about the author (family name, middle name, first name in full form, science degree, academic rank, position), ORCID;

— full name of the organization, describing the form of ownership, each author's membership in a department, address with a zip-code. It is advisable to use the uniform name of the organization usually given in the organization's bylaw. When giving address in English it is necessary to observe English grammar rules and give the information as follows (according to rules of punctuation): apartment number, street, city, zip-code, county;

— the abstract. It should be informative, original, meaningful, structured according to the logics of the material, concise (100–250 words);

— keywords (6–8 lexical units) from the text of the article.

To be put on the English version of the journal site and in the Russian Science Citation Index system the translation of metadata is carried out by the editorial board.

3. Requirements to the submitted materials:

— the articles are admitted in the doc, docx, rtf file format, Times New Roman font — 14 pt, with 1,5 line spacing;

— the volume of the manuscript — 30 thousand characters, including pictures and tables, a larger volume is admissible in certain cases only, upon the editorial office resolution. The text is thoroughly proof-read and signed by the authors. Graphs, schemes, diagrams etc. must be fulfilled in vector programmes (not in Word) and saved in EPS or AI formats;

— contractions and symbols, measure units must conform to the standards adopted (in the International System of Units and GOST 7.0.12-2011);

— in References the authors are mentioned as cited. All the references in the article are given in ciphers in square brackets, e.g. [5, p. 6]. It is admissible to refer to different resources from the Reference list, their running numbers being separated by a semicolon, e.g. [10, p. 9; 12, p. 50] (GOST R 7.0.5–2008). When the reference is repeated, it takes the number of its first mentioning;

— resources with no author, normative documents (rulings, laws, instructions, etc), explanations, notes which will not be indexed in citation databases are given in footnotes at the bottom of the page and are not included in the reference list;

— self-citation is admissible if not exceeding 20% of the whole number of resources from the references list.

The journal is peer-reviewed. All articles are peer-reviewed despite the authors' academic ranks or science degrees. Peer-reviewing is carried out by the experts in the fields of the materials under review, the experts have got publications in the mentioned field during the last three years.

Manuscripts are admitted by e-mail on-line. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. The authors can send the materials to the address: the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, journal "Psychopedagogy in Law Enforcement" (subject: "to Karavaev A. F."), 7, pr. Komarova, Omsk, 644092, phone: +7 (913) 971-80-28.

The electronic versions of the journal are available at the website <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> and the websites of the scientific electronic libraries: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. The issues are placed in the Russian Science Citation Index system, electronic archives of the journal are available at elibrary.ru, ERICH PLUS.

As for detailed requirements to the arrangement of the article you can consult section "Information for authors" at the website <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>.

The publications are free of charge.

Subscription codes 41979; 41980 United catalogue "Russian Printed Media".

Welcome to cooperate!